

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№4 (53) / 2011

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

А.М. Горлатов (*главный редактор*),
З.А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П.В. Васюченко, Т.С. Глушак, Т.И. Голикова, Е.В. Зарецкая,
Г.Ф. Лепесская, С.Е. Кунцевич, В.В. Макаров, Т.Ф. Плеханова,
А.Н. Степанова, О.А. Судленкова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Бондарик Е.А.</i> Типы прагматической координированности реплик в диалогах с вопросом в позиции ответа.....	6
<i>Ван Вэньцзюань.</i> Проблема выделения аффиксальных производных в китайском сленге (на материале названий лица).....	17
<i>Гладко М.А.</i> Лексическое наполнение эмоциональных аргументов в современном адвокатском дискурсе Беларуси и США.....	25
<i>Пань Юйцинь.</i> Инновационные процессы в лексике русского и китайского языков конца XX – начала XXI в.	33
<i>Полевая А.И.</i> Лингвистическое отражение эмоций (на материале произведений французской художественной литературы второй половины XX века).....	44
<i>Радикевич Н.С.</i> Реализация денотативной области «Оценка» в пропозициональной структуре предложений и сверхфразовых единств.....	51
<i>Сидоренко М.Н.</i> Типы знаний, используемые в качестве оснований метафорических переносов (на материале имен существительных немецкого языка).....	59
<i>Таболіч А.У., Чарток Д.А.</i> Гістарычныя рэаліі ў міжмоўнай камунікацыі (на матэрыяле англійскай і беларускай моў).....	68
<i>Фалак Таха.</i> Суперструктурная организация портретного очерка в русскоязычной прессе.....	77

Романское и германское языкознание

<i>Василевская О.В.</i> Вербализация концептов в аргументативной структуре спортивного аналитического дискурса.....	84
<i>Змудяк Г.А.</i> Compliment как регулятивный речевой акт.....	90
<i>Козлова С.В.</i> Ложность декодирования юридического термина в публицистическом дискурсе.....	101
<i>Панова И.И., Шаляев Н.В.</i> Просодическое членение английского футбольного репортажа.....	109
<i>Пытко В.В.</i> Семантика разноуровневых лексических единиц в гиперо- гипонимических рядах родовидового типа (на материале наименований водных животных в современном английском языке).....	116
<i>Тропец Т.В.</i> Орфографическая характеристика англицизмов в итальянском языке (на материале заимствований конца XX – начала XXI в.).....	125
<i>Ядченко Е.И.</i> Реконструкция пространства индивида и семьи из дискурсии мигранта (на материале отдельного случая).....	134

Исследования славянских языков

<i>Дубицкая Е.Н.</i> Роль контекста в определении семантики косвенных директивов (на материале белорусского языка)	144
---	-----

Литературоведение

<i>Остапук С.И.</i> Автобиография как образец постмодернистской саморефлексии в романе К. Воннегута «Времетрасение»	153
--	-----

<i>Наши авторы</i>	159
--------------------------	-----

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Bondaryk E.A.</i> Types of Pragmatic Coordination Between Cues in the Dialogue with Questions in the Position of Answer	6
<i>Wang Wenjuan.</i> The Problem of Identifying Affixed Derivatives in Chinese Slang (on the Material of the names of Persons)	17
<i>Gladko M.A.</i> Lexical Filling of Emotional Arguments in Counselor Discourse of Belarus and the USA	25
<i>Pan Yuqin.</i> Innovative Processes in the Russian and Chinese Vocabulary at the End of 20th And Beginning of 21st Century	33
<i>Polevaya A.I.</i> Linguistic Reflection of Emotions (on the Base of French Fiction Related to the Second Half of the 20th Century)	44
<i>Radikevich N.S.</i> The Realization of the Denotational Field of Evaluation in the Propositional Structure of Sentences and Supra-Phrasal Unities	51
<i>Sidorenko M.N.</i> Types of Knowledge as Cognitive Grounds for Metaphoric Transfers	59
<i>Tabolich A.U., Chartok D.A.</i> Historical Culture-Bound Words in Communication (on the Material of English and Belarusian)	68
<i>Falak Taha.</i> Superstructural Organization of Russian-Language Feature Articles	77

Romance and Germanic Linguistics

<i>Vasilevskaya O.V.</i> Verbalization of Concepts in the Argumentative Structure of the Sports Analytical Discourse	84
<i>Zmudiak G.A.</i> Compliment as a Regulative Speech Act	90
<i>Kazlova S.V.</i> The Falsity of Decoding of a Law Term in Publicistic Discourse	101
<i>Panova I.I., Shalyaev N.V.</i> Prosodic Segmentation in English Football Commentary	109
<i>Pytko V.V.</i> Semantics of the Hierarchically Related Lexical Units within the Hyper-Hyponymic Structures of a Subsumption Type	116
<i>Tropets T.V.</i> Orphographic Characteristics of Anglicisms in Italian (Borrowings at the End of the 20th – the Beginning of the 21st Century)	125
<i>Yadchenko E.I.</i> Reconstruction of the Space of the Individual and the Family of the Migrant Discourse (on the Material of the Individual Case)	134

Slavonic Languages

<i>Dubitskaya K.N.</i> The Role of Context in Identifying the Meaning of Indirect Prescriptive Speech Acts (Based on the Material of Belorussian Language)	144
--	-----

Studies in Literature

<i>Ostapuk S.I.</i> Autobiography as an Example of Postmodern Self-Reflexivity in K. Vonnegut's Novel "Timequake"	153
<i>Our authors</i>	159

ОБЩЕЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Е. А. Бондарик

ТИПЫ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КООРДИНИРОВАННОСТИ РЕПЛИК В ДИАЛОГАХ С ВОПРОСОМ В ПОЗИЦИИ ОТВЕТА

В статье рассматриваются четыре типа *прагматической координированности* между инициальной репликой и ответной вопросительной репликой в диалогических единствах трех моделей, различающихся модальностью инициальной реплики (сообщение, побуждение и вопрос). Показано, что состав и характер модальных значений вопросительных высказываний в позиции второй реплики определяются в зависимости от того, какой из четырех типов *прагматической координированности* реплик в диалоге представлен в конкретном диалоге. Диалогические единства с вопросительной ответной репликой (331 единица) извлечены путем сплошной выборки из четырех пьес Дж.Б. Шоу.

Семантико-прагматическое разнообразие вопросов в позиции второй реплики в диалоге

Вопросительные высказывания в позиции ответа в диалоге могут выступать в двух основных функциях: *во-первых*, в естественной и первичной для любого вопроса функции переспроса и уточнения, *во-вторых*, во всех остальных не столь “естественных” для вопроса функциях – отказа, несогласия, сомнения, упрека, побуждения, выражения радости, удивления и других, которые вслед за академической “Русской грамматикой”, можно назвать вторичными [1, с. 395]. Сравним два диалогических единства из пьес Дж.Б. Шоу (сопровожаемые семантизацией):

(1) *L i z a Oh God! I wish I was dead.*

H i g g i n g s (staring after her in sincere surprise). *Why? In heaven's name, why? ...*

‘Л и з а О, Господи! Я бы хотела умереть.

Х и г г и н г с (пристально глядя на нее с искренним удивлением). Почему? Боже, почему?’ [Р, р. 95].

Хиггингса интересуют причины появления инициального сообщения, т.е. вопрос выступает в первичной функции.

(2) *M a g n u s . But the continental Powers! Do you suppose they would consent for a moment to such a change in the balance of power?*

V a n h a t t a n . Why not? The change would be only nominal.

‘*М а г н у с*. Но континентальные силы! Вы полагаете, они согласятся на минуту на такое изменение в соотношении сил?

В а н х а т т а н. А почему бы нет? Изменение будет только формальным’ [АС, р. 64].

Вопрос *Ванхаттана* выступает во вторичной функции, поскольку выражает несогласие с высказыванием *Магнуса*.

На разнообразии модальных функций вопросов обращал внимание Н.И. Жинкин: «в вопросительных предложениях могут содержаться и пересекаться как значения вопроса, так и утверждающего сообщения, а также значения чрезвычайно разнообразных видов побуждений и значения состояний» [2, с. 26]. Вопрос, следующий за сообщением, побуждением или вопросом может терять вопросительность и передавать положительную или отрицательную информацию, побуждать к действию, разговору, выражать несогласие, упрек, отказ совершить действие и т.д.

Анализируя встречные (ответные) вопросы, важно учитывать, на какую из составляющих плана содержания инициального высказывания направлено данное вопросительное высказывание – на собственно информацию (*диктум*, в терминологии Ш. Балли [3]) или на отношение говорящего к тому, о чем он сообщает (*модус*, по Балли [3]). Сравним два диалогических единства:

(3) *H i g g i n g s* (walking up and down the room, rattling his keys and his cash in his pockets). *You know, Pickering, if you consider a shilling, not as a simple shilling, but as a percentage of this girl's income, it works out as fully equivalent to sixty or seventy guineas from a millionaire.*

P i c k e r i n g . How so?

‘Х и г г и н г с (прогуливаясь взад и вперед по комнате, гремя ключами и деньгами в карманах). Знаете, Пикеринг, если вы рассмотрите шиллинг не просто как шиллинг, но как процент от дохода девушки, то это составит полный эквивалент шестидесяти или семидесяти гинеев миллионера.

П и к е р и н г . Как так?’ [Р, р. 32].

Пикеринг хочет уяснить логику рассуждений собеседника, следовательно, вопрос *Как так?* направлен на диктум.

(4) *P i c k e r i n g If this girl is to put herself in your hands for six months for an experiment in teaching, she must understand thoroughly what she's doing.*

H i g g i n g s . How can she? She's incapable of understanding anything ...

‘П и к е р и н г Если эта девушка должна отдать себя в наши руки на шесть месяцев для эксперимента в обучении, она должна полностью понимать, что делает.

Х и г г и н г с . Как она сможет [это сделать]? Она не способна понимать что-либо’ [Р, р. 39].

Вопрос Хиггингса, направленный на модус, выражает удивление и несогласие с мнением Пикеринга.

Е.В. Падучева о типах прагматической связанности (координированности) реплик в диалоге

Процесс речевого взаимодействия в идеале подчиняется принципу *кооперации* (в терминологии Г.П. Грайса), что отвечает задачам успешного общения. Настроенный на *к о о п е р а ц и ю*, инициатор диалога стремится уменьшить усилия слушающего для понимания высказывания. Г.П. Грайс это формулировал так: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель

(направление) этого диалога» [4, с. 222]. Принцип кооперации тесно связан с принципом *вежливости* (по Дж. Личу): принцип вежливости подчеркивает необходимость поддерживать положительный настрой собеседника [5, р. 104–149]. Понятно, что кооперация и вежливость – это прежде всего желаемая людьми и рекомендуемая психологами атмосфера коммуникации; в реальности по различным причинам собеседники часто не склонны к кооперации и вежливому общению и не спешат принимать во внимание интересы оппонента.

Принцип кооперации Грайса и принцип вежливости Лича важны при анализе значений вопросов в функции ответов на сообщение, побуждение или вопрос. Но, как показала Е.В. Падучева, для понимания причин возникновения разнообразных значений вопросов в позиции ответа следует учитывать характер *прагматической координированности* между репликами в диалоге. В развертывании диалога ключевую роль играют следующие составляющие: ситуация, ее участники, их взаимоотношения, общность или различия в их жизненных установках и оценках конкретных событий [6; 7; 8; 9]. Названные факторы учитываются при анализе прагматической координированности между репликами конкретного диалога.

(5) *Britannus ... Our enemies are delivered into our hands.*

Cesar. In that bag?

‘Британнус ... Наши враги доставлены нам в руки.

Цезарь. В этой сумке?’ [С&С, р. 302].

В диалоге возникает комический эффект: Бриттанус имеет в виду письма противников Цезаря, а Цезарь, иронически ловя собеседника на слове, трактует вопрос буквально: ‘Люди в сумке’. Инициальная реплика Бриттануса выражает радость, поскольку он думает, что в письмах могут содержаться прямые доказательства измены государству и императору. Располагая такими свидетельствами, легко покарать противников на законных основаниях. В вопросе же Цезаря выражена насмешка над словами Бриттануса: Цезарь не разделяет энтузиазма собеседника. Далее по содержанию пьесы Цезарь просит Бриттануса сжечь все письма, мотивируя это тем, что ему незачем знать имена людей, кого впоследствии можно привлечь на свою сторону, и одержать победу меньшим кровопролитием, не провоцируя народ захваченной страны на восстания и сопротивление. Таким образом, вопрос Цезаря имеет двоякую направленность: 1) если понимать его в прямом смысле *In that bag?* (= ‘В сумке невозможно доставить людей’), то он направлен на диктум сообщения (однако эта возможность тут же опровергается насмешкой Цезаря); 2) если понимать действительный смысл вопроса Цезаря (сомнение Цезаря в возможности одержать победу, захватив вражескую переписку), то он направлен на модус мнения Бриттануса и выражает также модальную оценку Цезарем такого мнения (= ‘Ты полагаешь, что победу можно одержать, захватив вражескую переписку?’) В диалоге представлены принципиально разные взгляды собеседников на стратегию войны, причем Цезарь опровергает точку зрения оппонента коротким *встречным вопросом*.

Для полного понимания диалогов со в с т р е ч н ы м и в о п р о с а - м и необходимо учитывать прагматические связи между репликами в диалоге. Е.В. Падучева пишет, что «прагматические связи – это такие, в которые существенным образом включается речевой акт, с его условиями успешности, его участниками, презумпциями этих участников, с естественными законами сочетания речевых актов друг с другом и т.п.» [10, с. 306]. Она предлагает различать ч е т ы р е в и д а коммуникативно ориентированных (прагматических) связей между репликами: 1) *согласованность реплик по иллокутивной функции*; 2) *реплики, обращенные на условие речевого акта*; 3) *реплики, обращенные на презумпцию*; 4) *связи реплик, основанные на импликатурах дискурса* [10].

С о г л а с о в а н н о с т ь р е п л и к п о и л л о к у т и в н о й ф у н к ц и и [10, с. 306] – это самый обычный и частый вид согласованности, когда за побуждением идет уточнение, согласие или отказ, а за упреком – оправдание и т.д.: «1. естественной реакцией на утверждение будет подтверждение (и, может быть, развитие идеи) или возражение. 2. На вопрос – ответ (своей структуры для каждого типа вопроса). 3. На побуждение – согласие и отказ. 4. Для речевых актов, которые Дж. Серль относит к категории экспрессивов ... ответные реакции также четко регламентированы» [10, с. 307]. Например, – *Переведи их [умерших крестьян] на меня, на мое имя – А на что тебе?* [10, с. 307].

Второй тип – это р е п л и к и , о б р а щ е н н ы е н а у с л о в и е р е ч е в о г о а к т а [10, с. 309]. Для каждого типа речевого акта существуют условия успешности, которые включают в себя предварительные и существенные условия, условия искренности и назначения. В тех диалогах, в которых ответная реплика представляет собой вопрос, условия таковы: 1) говорящий хочет иметь информацию, например, – А. *Где ты был?* – В. *А тебе интересно?* [10, с. 309]; 2) говорящий не знает ответа. Например, – А. *Ты поедешь?* – В. *Что за вопрос! (А то как же! Чего тут спрашивать! Что ты спрашиваешь! Ты же сам знаешь и т.д.)* [10, с. 309].

Третий вид координированности Е.В. Падучева относит к репликам, о б р а щ е н н ы м н а п р е з у м п ц и ю [10, с. 311] предыдущей реплики. *Презумпция* – это не выраженная эксплицитно информация об окружающей действительности и ее составляющих, которая является общей для конкретных собеседников. Синонимом термина *п р е з у м п ц и я* часто выступает термин *пресуппозиция*. Если собеседники имеют различные представления о том, что “само собой разумеется”, – относительно ситуации, ее участников, их характеристик, тогда появляются вопросы, обращенные на презумпцию. Например, – *Выпей еще чаю*, – сказал Мартовский Заяц, наклоняясь к Алисе. – *Еще?* – переспросила Алиса с обидой. – *Я пока ничего не пила* [10, с. 311].

Четвертый тип связанности реплик, выделяемой Е.В. Падучевой, это – с в я з и р е п л и к , о с н о в а н н ы е н а и м п л и к а т у р а х д и с к у р с а . Например, – А. *У меня кончился бензин*; – В. *Бензоколонка за*

поворотом [10, с. 312]. Из ответной реплики может быть извлечена следующая информация: (= ‘Бензоколонка за углом, следовательно, там есть бензин’).

Относительно каждого диалогического единства из пьес Б. Шоу был определен вид координированности между репликами. В таблице показано количественное соотношение диалогов трех моделей с каждым из четырех типов прагматической связанности.

Количественное соотношение диалогических единств в зависимости от типа прагматической координированности

Тип прагматической координированности инициальной реплики и вопроса в позиции ответа	Модель диалогического единства		
	сообщение–вопрос	побуждение–вопрос	вопрос–вопрос
Иллокутивная согласованность реплик	104 (93%) из 111	75 (82%) из 91	107 (83%) из 129
Условия успешности речевого акта	4 (4%) из 111	9 (10%) из 91	12 (9%) из 129
Презумпция наличия или отсутствия объекта (его признака) в высказывании	–	6 (7%) из 91	8 (6%) из 129
Имплицатура дискурса	3 (3%) из 111	1 (1%) из 91	2 (2%) из 129

Из таблицы видно, что наибольшее количество диалогов основано на иллокутивной согласованности реплик, в то время как координированность, основанная на имплицатурах дискурса, составляет самую немногочисленную группу.

Предположенная Е.В. Падучевой систематизация аспектов координированности позволяет проводить систематический анализ прагматических предпосылок появления тех или иных ответных реакций в диалоге, в том числе вопросительных реакций.

Четыре типа координированности между репликами в диалоге

Виды координированности реплик по иллокутивной функции резко преобладают среди типов прагматической связанности (таблица). Разнообразные значения вопросов для трех моделей «сообщение–вопрос», «побуждение–вопрос» и «вопрос–вопрос» можно представить д в у м я большими группами: *встречный вопрос как кооперативная реакция на инициальную реплику и встречный вопрос как некооперативная реакция на инициальное высказывание.*

Встречный вопрос как кооперативная реакция на инициальную реплику. Группа включает в себя такие значения вопросов, как проявление интереса к теме разговора, готовность выполнить действие, выражение согласия с собеседником и т.д. Вопрос может быть задан для уточнения содержания первой реплики. Например,

(6) *L i z a He's a disgrace to me, he is, collecting dust, instead of working at his trade.*

P i c k e r i n g . What is his trade, Eliza?

‘Л и з а . Он позор для меня, он собирает мусор вместо работы по профессии.

П и к е р и н г . Что у него за профессия, Лиза?’ [Р, р. 60].

Встречный вопрос как некооперативная реакция на инициальную реплику встречается в случае, если собеседник отказывается принять что-либо к сведению, выполнить побуждение, ответить на поставленный вопрос и т.д. (о семантике и прагматике отказа [11]).

Например, вопросительное высказывание, согласованное по иллокутивной функции с инициальным побуждением, может передавать отказ выполнить приказ (иллокуция первой реплики):

(7) *S e n t i n e l (opposing her with his pilum at the charge). Stand. You cannot pass.*

C l e o p a t r a (flushing angrily). How dare you? Do you know that I am the Queen?

‘Ч а с о в о й (преграждает путь пилумом). Стой. Тебе нельзя идти.

К л е о п а т р а (гневно вспыхивает). Как ты смеешь? Ты знаешь, что я королева?’ [С&С, р. 292].

Вопросы, следующие друг за другом, усиливают основную встречную иллокуцию адресата: отказаться выполнять приказ, а также указать на основание отказа (Клеопатра является королевой, пусть и в стране, захваченной врагами).

В ряду диалогических единств, согласованных по иллокутивной функции с инициальной репликой, находятся ответы в форме *риторических вопросов* (о риторических вопросах см. [12]). Основными значениями *риторических вопросов* в нашем материале являются: 1) несогласие с исходным предположением, содержащимся в сообщении или вопросе собеседника; 2) отказ выполнять действие (часто совмещенный с упреком). Рассмотрим два примера.

(8) *S w i n d o n (to Burgoyne). Shall we call witnesses?*

R i c h a r d . What need is there of witnesses? If the townspeople here had listened to me, you would have found the streets barricaded, the houses loopholed, and the people in arms to hold the town against you to the last man.

‘С у и д о н . Будем вызывать свидетелей?

Р и ч а р д . К чему свидетели? Если б наши горожане прислушивались к моим словам, вас встретили бы здесь баррикады на улицах, бойницы в

каждом доме и жители с оружием в руках, готовые до последнего человека защищать свой город' [DD, p. 209].

Ответ в форме риторического вопроса *К чему свидетели?* значит (= 'Свидетели ни к чему' = 'Не будем вызывать свидетелей').

(9) *Caesar . . . you must take her back to the palace.*

Apollodorus . Am I a dolphin, Caesar to cross the seas with young ladies on the back? My boat is sunk . . .

'Цезарь . . . ты должен отвезти ее обратно во дворец.

Apollodorus . Разве я дельфин, Цезарь, чтобы пересекать океан с юными дамами на спине? Моя лодка потоплена . . . [C&C, p. 308].

Вопрос Аполлодора выражает отказ выполнить требование адресата, а также упрек в том, что Цезарь решил отдать приказ, который невозможно исполнить.

Координированность реплик, основанная на учете условий успешности речевого акта, – это относительно редкий вид связи. В данной группе диалогических единств выделены диалоги (таблица), в которых ответная реплика в форме вопроса направлена, с одной стороны, на условия успешности инициальной реплики (сообщения, побуждения или вопроса); с другой, на условия успешности той иллокуции, которая заключается в ответном вопросе. Рассмотрим некоторые условия успешности инициальных и ответных реплик на конкретных примерах из пьес Дж.Б. Шоу.

Условия успешности инициальной реплики

Для каждой из трех модальностей инициального речевого акта (*утверждения, побуждения, вопроса*) существуют особые условия успешности [13]. Для речевого акта *утверждения* одно из условий успешности таково: говорящий имеет основания считать, что *p* (где *p* – некоторое суждение). Вопрос в позиции второй реплики может ставить под сомнение источник информации адресанта, объективность его оценки ситуации собеседником. Например,

(10) *Liza (weeping). I cant hear no difference cep that it sounds more genteel-like when you say it.*

Higgings . Well, if you can hear that difference, what the devil are you crying for?

'Лиза (плача). Я не слышу разницы, кроме того, что это звучит более нежно, когда вы их произносите.

Higgings . Ну, если ты можешь слышать эту разницу, чего же ты, черт возьми, хочешь? [P, p. 63].

Как видим, Хиггинг не согласен с утверждением Лизы о том, что она не чувствует различий между вариантами произношения, поэтому и появляется вопрос со значением возражения.

Одно из предварительных условий для *побуждения*: говорящий считает, что слушающий в состоянии совершить действие. Например, ситуация и диалог из пьесы «Цезарь и Клеопатра». Клеопатра, которая привыкла во всем подчиняться няне, не уверена, что может сама приказать

слугам зажечь лампы, поэтому и переспрашивает Цезаря о том, можно ли ей отдать такой приказ.

(11) *C a e s a r . Order the slave to light the lamps.*

C l e o p a r t a (shyly). Do you think I may?

‘Ц е з а р ь . Прикажи рабам зажечь лампы.

К л е о п а т р а (застенчиво). Ты думаешь, мне можно?’ [С&С, р. 254].

У с л о в и я у с п е ш н о с т и о т в е т н о й р е п л и к и

Речевой акт *ответа* на в о п р о с , как и инициальная реплика, также имеет условия успешности. Некоторые значения вопросов в позиции о т в е т а объясняются именно связанностью инициальной и ответной реплик на основе условий успешности речевого акта ответа. Для речевого акта ответа существует следующее условие успешности: отвечающий намерен сообщить нужную спрашиваемому информацию и считает ее истинной [14, с. 84]. Однако если адресант не намерен продолжать разговор, то возникает такое значение вопроса в позиции ответа, как перевод разговора на другую тему или на личность собеседника (включая его позицию, чувства по отношению к общей для собеседников теме разговора). Например,

(12) *P r o t e u s . Then the goat goes with the sheep; so thats all right.*

В о а н е р г е з . Who are you calling a goat?

Н и с о б а р . If you come to that, who are you calling sheep?

‘П р о т е у с . Тогда козел идет вместе с овцами, таким образом, все в порядке.

Б о а н е г е з . Кого ты называешь козлом?

Н и к о б а р . Если ты пришел к этому, кого ты называешь овцой?’ [АС, р. 72].

Боанергез возглавляет кабинет министров, однако не находит поддержки у своих коллег. В данном контексте вопрос в позиции ответа является встречной атакой на собеседника, поскольку Боанергез ранее в разговоре назвал кабинет министров, куда входит Никобар и Протеус, кабинетом овец. Вопрос Боанергеца обращен к Протеусу, но Никобар перехватывает инициативу и дает «симметричный» ответ на вопрос, т.е. отвечает оскорблением на оскорбление, прямо не называя имен. Никобар не намерен соблюдать условие искренности речевого акта ответа, которое сформулировано следующим образом: отвечающий намерен сообщить нужную спрашивающему информацию и считает ее истинной. В приведенном диалоге ответ в форме вопроса переводит разговор на Боанергеца, указывает на его вину в том, что именно он своими двусмысленными высказываниями перевел диалог в деструктивное русло.

Координированность, основанная на презумпции наличия или отсутствия объекта, явления (или их признаков) – это также редкий вид связи (таблица). В таком диалоге адресат выделяет из первой реплики компонент, который, по мнению адресанта, является презумпцией инициальной реплики. Если адресат не согласен с той или иной презумпцией, содержащейся в высказывании инициатора разговора, то ответная реплика направлена на

выяснение принадлежности объекта разговора. В пьесе «Ученик дьявола», в частности, вопрос Ричарда передает несогласие с той характеристикой дома, которую приписывает строению миссис Даджеон. Она считает, что дом уже принадлежит ей, хотя завещание еще не оглашено.

(13) Mrs. Dudgeon (rising and confronting him). *Silence your blasphemous tongue. I will hear no more of this. Leave my house.*

Richard. *How do you know it's your house until the will is read?*

‘Миссис Даджеон (поднимаясь прямо перед ним). Заставь замолчать свой нечестивый язык. Я ничего из этого больше не услышу. Оставь мой дом.

Ричард. Откуда вы знаете, что этот дом ваш, пока завещание еще не прочитано?’ [DD, p. 165].

Координированность реплик, основанная на импликатурах дискурса, является самым редким типом связанности (таблица). Понимание вопросов, связь которых с инициальным высказыванием базируется на импликатурах дискурса, зависит от правильного вывода, сделанного из вопроса в позиции ответа. Как отмечает Е.В. Падучева, «импликатуры отличаются от непосредственно высказанных утверждений тем, что говорящий в принципе может от них отпереться» [10, с. 312]. Характерен в этом плане диалог из пьесы «Цезарь и Клеопатра»:

(14) Apollodorus. *Good. Defend yourselves here until I send you a boat from that galley.*

Rufio. *Have you wings, perhaps?*

‘Аполлодорус. Хорошо. Защищайтесь здесь, пока я не пришлю вам лодку с галеры.

Руфио. Возможно, у тебя есть крылья?’ [C&C, p. 310].

Вопрос Руфио содержит иронию и характеризует намерение Аполлодора как абсурдное, так как группа людей со всех сторон окружена врагами и добраться до галеры вплавь практически невозможно. Вместо того чтобы просто сказать Аполлодорусу, что его идея никуда не годится, Руфио отвечает при помощи вопроса, связанного с предыдущей репликой импликатурой дискурса (=‘У тебя нет крыльев, следовательно, прислать лодки невозможно’).

Прагматическая координированность между репликами в диалоге как фактор богатства модальных значений ответов в форме вопросов

Вопросы в позиции ответа в трех моделях бывают д в у х основных в и д о в : *кооперативные* и *некооперативные* (с несколькими подгруппами в зависимости от модальности инициальной реплики). Встречные вопросы во всех трех модальных разновидностях диалогических единств в большинстве случаев – прямые речевые акты (уяснения, переспросы и т.д.), примерно в 20 % случаев они являются косвенными речевыми актами (побуждениями, согласиями, возражениями, отказами и т.д.).

Нарушение условий успешности речевого акта вопроса (а именно условия искренности, в соответствии с которым говорящий хочет иметь информацию) является причиной того, что вопрос в позиции ответа начинает

выступать во вторичных функциях и выражать значения согласия, возражения, отказа и т.д., часто в форме риторического вопроса.

Связанность, базирующуюся на презумпциях, которые имеются у участников диалога, представлена в моделях «побуждение–вопрос» и «вопрос–вопрос». В модели «сообщение–вопрос» в пьесах Дж.Б. Шоу не встретилось ни одного диалога, основанного на нарушении данного типа связанности¹. Этот факт объясняется тем, что в побуждении и вопросе более энергично и прямо (по сравнению с сообщением) выражено намерение адресанта тем или иным образом регулировать поведение собеседника. В связи с этим любая общая установка (по мнению инициатора разговора, но не обязательно с точки зрения адресата) будет быстрее оспорена или поставлена под сомнение собеседником.

В трех моделях диалогических единств («сообщение–вопрос», «побуждение–вопрос» и «вопрос–вопрос») согласованность реплик, основанная на импликатурах дискурса, – самая немногочисленная в трех моделях, что связано с механизмом появления таких реплик в диалоге и коммуникативной компетенцией участников общения. Адресат должен учесть ситуацию, социальные и психологические характеристики собеседника, соотнести свои цели с задачами оппонента и только после этого задать вопрос, из которого можно вывести ответ на сообщение, побуждение или вопрос.

Таким образом, с точки зрения логики коммуницирования, вопросы в позиции ответа появляются ввиду наличия различных возможностей прагматической координированности между репликами в диалоге. Модальность встречного вопроса зависит от возраста и социального статуса участников коммуникации, степени близости между ними, от личности человека, отвечающего на инициальную реплику, от его склонности или несклонности к конфликтам. Все эти факторы также влияют на выбор речевых средств для произносимой реплики и на паралингвистические черты ответа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова – М. : Наука, 1980. – Т. 2. Синтаксис. – 709 с.
2. *Жинкин, Н.И.* Вопрос и вопросительное предложение / Н.И. Жинкин // *Вопр. языкознания.* – 1955. – № 3. – С. 22–34.
3. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

¹ Ср. у А. Чехова: Медведенко. *Вам хорошо смеяться. Денег у вас куры не клюют.* Дорн. *Денег? ... У меня ничего нет* [Ч, с. 47]; у Я. Купалы: *Незнаёмы. ... цяпер ты вольны, як птушка, – нішто цябе не вяжа.* Марыля. *Як-то – нішто не вяжа? А я – маці яго, а малыя гэтыя, якіх павінен памагчы мне гадаваць і ў людзі вывесці?..* [РГ, с. 246].

4. *Грайс, Г.П.* Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубеж. лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–238.
5. *Leech, G.* Principles of pragmatics / G. Leech. – London ; N.Y. : Longman, 1983. – 392 p.
6. *Арутюнова, Н.Д.* Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР, СЛЯ. – 1981. – Т. 40 – № 4. – С. 356–368.
7. *Арутюнова, Н.Д.* Некоторые типы диалогических реакции и «почему»-реплики в русском языке / Н.Д. Арутюнова // Филол. науки. – 1970. – № 3. – С. 44–58.
8. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 895 с.
9. *Падучева, Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
10. *Падучева, Е.В.* Прагматические аспекты связанности диалога / Е.В. Падучева // Изв. АН СССР, СЛЯ. – 1982. – Т. 45. – № 4 – С. 305–313.
11. *Мечковская, Н.Б.* Отказ: что определяет диктум и модус в отрицательных реакциях на побуждение? / Н.Б. Мечковская // Логический анализ языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2009. – С. 230–245.
12. *Кузин, А.Н.* Коммуникативно ориентированная связанность и иллокутивная тактика вопросно-ответного диалога / А.Н. Кузин // Веснік БДУ. – 2006, Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2006. – № 3. – С. 63–68.
13. *Серль, Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов / Дж.Р. Серль // Новое в зарубеж. лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 170–194.
14. *Баранов, А.Н.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопр. языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–99.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- P – *Shaw, B.* *Pigmalion* // B. Shaw. – М : Higher school Publ. House, 1972. – 139 p.
- AC – *Shaw, B.* *The Apple Cart* / B. Shaw. – Constable and Co. Ltd. – London : 1930. – 81 p.
- C&C – *Shaw, B.* *Caesar and Cleopatra* / B. Shaw // Selected works. – М. : Foreign Languages Publ. House, 1958. – P. 229–352.
- DD – *Shaw, B.* *The Devil's Disciple* / B. Shaw // Selected works. – М. : Foreign Languages Publ. House, 1958. – P. 146–229.
- Ч – *Чехов, А. П.* Чайка : Драма в четырех действиях / А.П. Чехов // Полн. собр. соч. : в 18 т. – М. : Наука, 1978. – Т.13. – С. 3–61.

РГ – Купала, Я. Раскіданае гняздо / Я. Купала // Поўны. зб. тв. : у 9 т. – Мінск : Маст. літ., 2001. – Т. 7. – С. 204–262.

The article deals with the ability of questions to be in the position of an answer. It has been shown that different modality meanings of questions (besides interrogative) are determined by one of the four possibilities of *pragmatic coordination between cues in a dialogue*.

Поступила в редакцию 22.06.11

Ван Вэньцзюань

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ АФФИКСАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ
В КИТАЙСКОМ СЛЕНГЕ
(на материале названий лица)

Статья посвящена проблеме *выделения аффиксальных производных* в китайском сленге. На основе анализа нового, оригинального сленгового материала были выделены факторы, способствующие или, наоборот, препятствующие отнесению того или иного сленгизма к аффиксальным производным. Многие из этих факторов специфичны именно для описываемого – корневого, изолирующего – языка (число слогов в сленгизме), другие носят универсальный характер (совпадение или несовпадение со словом литературного языка).

Проблема *выделения аффиксального способа* как способа образования слов решается неоднозначно в китаистике. В традиционной китайской лингвистике *аффиксация* как способ словообразования не выделялся, что объяснялось обычно типологическими особенностями китайского языка как языка корневого типа [1, с. 64–93]. В настоящее время большинство китайских лингвистов признает наличие а ф ф и к с а ц и и в китайском языке [2, с. 13–16; 3, с. 683–693; 4, с. 750; 5, с. 270–271]. Причиной этого является следующее. Во-первых, в китайском языке в последние годы появилось много новых слов, содержащих элементы, которые трудно рассматривать как корневые морфемы. Во-вторых, сказалось влияние западноевропейских и советских (постсоветских) исследователей в области словообразования. Этой же точки зрения придерживаемся в нашей статье и мы. Однако при этом отнесение тех или иных конкретных китайских слов к аффиксальным производным может быть оспорено, что и обуславливает актуальность вынесенной в заглавие статьи проблемы.

Данная проблема может быть рассмотрена на материале китайского сленга как живой устной подсистемы языка, в которой активизируются многие процессы, характерные для китайского языка вообще. Мы рассмотрим только слова, включающие следующие компоненты: 子 *zǐ*, 儿 *ér*, 头 *tóu*,

的 *de*, так как именно эти компоненты, в своих первичных значениях называя определенные предметы (子 *zǐ* 'сын'; 儿 *ér* 'ребенок, сын'; 头 *tóu* 'голова'; только 的 *de* не имеет конкретного значения), признаются большинством ученых аффиксами, участвующими в образовании названий лиц [2, с. 187–189; 6, с. 474–с.622; 7, с. 77–83]. Источником материала служат словарь современного китайского сленга [8] и справочник по новокитайскому сленгу [9]; всего подобных образований здесь зафиксировано 102.

Проблема выделения аффиксальных производных в сленге осложняется тем, что слова в китайском сленге образуются исключительно на базе компонентов китайского литературного языка (ЛЯ). Поэтому здесь гораздо сложнее разграничить, например, морфологическую и семантическую деривацию, чем в русском, английском и других сленгах, в которых большое число корней не встречается в литературном языке. Таким образом, сленгизмы с вышеназванными компонентами могут оказаться: 1) семантическими дериватами общелитературных слов, 2) сложными словами, созданными внутри сленга, и, наконец, 3) производными, в которых указанные компоненты служат аффиксами.

Первым предположением, возникающим после первичного анализа таких слов, является то, что отнесенность к аффиксальным дериватам сленгизмов будет зависеть от *числа слогов* в слове. Поэтому распределим сленговый материал прежде всего в соответствии с этим фактором. Так, нами были выделены:¹ а) *двусложные слова* (22): 矮子 *cuǎo zǐ* 'коротышка'; 教头 *jiào tóu* 'тренер'; б) *трехсложные слова* (61): 弄潮儿 *nòng cháoér* 'реформатор, борец с пережитками прошлого, первооткрыватель'; 碎嘴子 *suì zuǐ zi* 'болтун, болтушка (*разг.*, часто *пренебр.*)'; в) *четырёх- и пятисложные слова* (соответственно 12 и 7 слов): 摇羽毛扇的 *yáo yǔ máo shàn de* 'советник, консультант' и т.д.

Рассмотрим *двусложные слова*. Отметим сразу, что многие из них (17) не совпадают формально со словами китайского литературного языка. Такие сленгизмы, естественно, не могут быть результатом семантической деривации. Однако здесь остается вопрос о способе морфологической деривации: считать ли сленгизм сложным словом или аффиксальным производным. Решение этой проблемы зависит, в свою очередь, от степени грамматикализации второй морфемы. В одних случаях второй компонент означает только носителя признака – человека, который имеет

¹ Мы понимаем, что мы тем самым несколько упрощаем морфемную структуру китайских слов: среди наших примеров есть несколько случаев, когда иероглиф, читающийся как слог, в свою очередь состоит из двух-трех более простых, которые могут быть прочитаны по отдельности. Однако для нашего исследования такое чрезмерно детализированное понимание состава слова нецелесообразно. Например, иероглиф 雷 'гром', который прочитывается как *léi*, состоит из двух частей: 雨 'дождь' и 田 'поле, земля', которые поодиночке читались бы *yǔ* и *tián*.

отношение к тому, что обозначено первым компонентом, который включается в состав целого с неизменной семантикой. Например, 矮 *cuó* 'короткий' [10, с. 231] + 子 *zi* → 矮子 *cuó zi* 'коротышка'; 款 *kuǎn* 'деньги' [10, с. 769–770] + 儿 *ér* → 款儿 *kuǎnr* 'богатый человек, денежный мешок' и другие. Подобные образования имеются и в китайском литературном языке: 胖 *pàng* 'толстый' + 子 *zi* → 胖子 *pàng zi* 'толстяк'; 骗 *piàn* 'обманывать' + 子 *zi* → 骗子 *piàn zi* 'мошенник, плут, обманщик' и т.п. [2, с. 189; 6, с. 622–623; 7, с. 79], что и дало основания китаистам выделять аффиксацию как один из способов образования слов. Есть еще несколько случаев, когда второй компонент слова, теряя предметное значение, переводит сленгизм в разряд личных имен существительных. Например, 头 *tóu* '1) голова; 2) вершина, верхушка' [10, с. 1321] + 儿 *ér* → 头儿 *tóur* 'глава, шеф'; 星 *xīng* 'звезда, планета, знаменитость' [10, с. 1466] → 星儿 *xīngr* 'звезда, знаменитость'. Все эти примеры позволяют рассматривать вторые компоненты как аффиксы, а не как корневые морфемы.

Бóльшие сложности возникают с квалификацией других случаев. Это слова, в которых не наблюдается прямой связи между значением первого компонента в литературном языке и в сленге, что в целом затемняет и характер связей второго компонента с его исходным предметным значением. В одних сленгизмах здесь можно увидеть явный метафорический сдвиг значения первого компонента: 雷 *léi* 'гром' + 子 *zi* → 雷子 *léi zi* 'полицейский'; другие слова такую возможность не предоставляют. Например, первый компонент 冲 *chòng* '1) сильный; резкий; 2) повернуться в сторону (кого-либо); 3) на основании чего-либо; 4) техн. штамповать' [10, с. 183], второй компонент 头 *tóu* '1) голова; 2) вершина, верхушка' [10, с. 1321], значение целого 冲头 *chòng tóu* 'агент или посредник, организующий гастролы или представления'. Сюда также относится такое слово, как 穴头 *xié tóu* 'агент или посредник, организующий гастролы или представления' (穴 *xié* '1) пещера; нора; гнездо; перен. логово; 2) также в соч. могила; 3) кит. мед. точка для иглоукалывания' [10, с. 1491]). На наш взгляд, такие случаи представляют собой промежуточные образования между аффиксацией и сложением.

Пять двусложных сленгизмов формально совпадают со словами литературного языка, что ведет к необходимости разграничения прежде всего морфологической и семантической деривации. В двух случаях значение всего слова в литературном языке практически совпадает со значением первого – неличного – компонента, тогда соответствующие сленгизмы следует, по-видимому, рассматривать как результат семантической дерива-

ции. Например: 浪 *làng* '1) волна (также *перен.*)' [10, с. 789] + 头 *tóu* → 浪头 *làng tóu*: в ЛЯ обозначает '1) волна; 2) тенденция, прилив, направление общества' [10, с. 789]; в сленге 'человек, который много говорит, но ничего не делает'; 坯 *pī* 'сырец, заготовка, полуфабрикат' [10, с. 996] + 子 *zi* → 坯子 *pī zi* в ЛЯ '1) необожженное изделие из глины; сырец' [10, с. 996], а в сленге 'талантливый человек'. Похожие случаи: 教 *jiào* '1) обучать; преподавать; наставлять; 2) заставлять; велеть; 3) религия; вера; 4) обучение; преподавание' [10, с. 665] + 头 *tóu* → 教头 *jiào tóu* в ЛЯ 'тренер ушу в армии в династии Сун (960–1279 н.э.), после этого слово стало общеупотребительным' [10, с. 666], а в сленге оно обозначает просто 'тренер'. 老 *lǎo* 'старый, престарелый; пожилой; дряхлый; старый человек' [10, с. 791] + 子 *zi* → в ЛЯ 老子 *lǎo zi* 'китайский древний философ Лаоцзы', а в сленге – 老子 *lǎo zi* '1) отец; 2) Я (высокомерно, самовлюбленно)'.

Только в одном случае находим здесь аффиксальное производное от односложного глагола: 点 *diǎn* '1) точка, крапинка, пятно; 2) украсить, покрасить; 3) указывать (кому-либо), наставлять (кого-либо); подавать (кому-либо) намек' [10, с. 296] + 子 *zi* → 点子 *diǎn zi*; в ЛЯ обозначает '1) капля; 2) точка; пятно; 3) тамтам; 4) ключ, главный пункт; 5) мысль, идея, выход из положения, совет' [10, с. 297]; в сленге 'доносчик'.

Таким образом, самым важным фактором для установления способа образования двусложного сленгизма оказывается наличие или отсутствие в китайском литературном языке слова, формально совпадающего со сленгизмом. При отсутствии такого совпадения сленгизм чаще всего относится к аффиксальным производным. Наличие совпадения, напротив, ведет, как правило, к тому, что сленгизм представляет собой семантический дериват.

Т р е х с л о ж н ы х с л о в гораздо больше (61). Прежде всего укажем, что теоретически здесь возможны следующие модели:

1) в литературном языке есть формально тождественное слово – модель (1+2+3);

2) в литературном языке имеется слово, формально совпадающее с соединением первых двух компонентов – модель (1+2)+3;

3) в литературном языке есть слово, формально тождественное совокупности двух последних компонентов – модель 1+(2+3);

4) в литературном языке наличествуют только отдельные компоненты-слоги сленгового слова.

1. Прежде всего, если соответствующее трехсложное слово имеется в ЛЯ, что бывает крайне редко (5 случаев), то сленгизм рассматривается как результат семантической деривации. Например, 秃 *tū* '1) плешивый, лысый; голый, без растительности; 2) облезлый; истертый, притупившийся; 3) несо-

вершенный, незавершенный, незаконченный'; [10, с. 1326] + 瓢 *piáo* 'тыква-горлянка; ковш (черпак) из тыквы'; 'ковш, черпак' [10, с. 1005] + 儿 *ér* → 秃瓢儿 *tū piáor*: в ЛЯ обозначает 'лысая или голая голова' [10, с. 1326], в сленге 'лысый человек; маленький мальчик'. Другой случай: 二 *èr* 'два, второй, двойной; двойственный' [10, с. 351] + 锅 *guō* '1) котел; кастрюля; сковорода; 2) все по форме похожие на вышеобозначенные предметы: например, 'чашечка трубки' [10, с. 498] + 头 *tóu* → 二锅头 *èr guō tóu*: в ЛЯ обозначает 'крепкая китайская водка, сделанная обычно из сорго (a strong spirit usually made from sorghum)' [10, с. 352], в сленге '(обычно) разведенная женщина, вторично вышедшая замуж'. То же самое, если трехсложное слово в литературном языке обозначает лицо. Например, 弄 *nòng* '1) играть; забавляться; 2) делать, сделать; 3) достать; добыть' [10, с. 970] + 潮 *cháo* '1) прилив; также в соч. веяние, тенденция; течение; волна; 2) волнения; 3) сырой; влажный' [10, с. 153] + 儿 *ér* → 弄潮儿 *nòng cháo ér* в ЛЯ обозначает '1) лодочник; 2) смельчак' [10, с. 970], в сленге 'реформатор, борец с пережитками прошлого, первооткрыватель'. В первом случае имеет место метонимический перенос, в двух остальных – метафорический.

В остальных случаях (их большинство – 56) речь может идти не о семантической деривации, а либо об аффиксальном способе, либо о словосложении.

2. Модель (1 + 2) + 3 выделяется у 8 сленгизмов. Третий компонент здесь грамматикализуется, означает человека, который имеет отношение к тому, что обозначают первые два компонента. Например, 富婆 *fù pó* 'богатая женщина' [10, с. 416] + 儿 *ér* → 富婆儿 *fù pó er* 'богатая (состоятельная) женщина (госпожа, матрона, мадам), бизнесвумен'; 低能 *dī néng* 'недоразвитый (умственно), слабоумный; дефективный; тупой; глупый; неспособный' [10, с. 283] + 儿 *ér* → 低能儿 *dī néng ér* 1) 'слабоумный ребенок, дефективный (умственно отсталый) ребенок;' 2) 'человек низкого уровня, низких способностей, кретин' [10, с. 283]; а в сленге обозначает: 1) 'глупый и неспособный человек'; 2) 'неспособный человек, который получает высокую оценку на экзамене'. Встречаются здесь также морфологические дериваты с переосмыслением основы: 搓板 *cuō bǎn* 'стиральная доска' [10, с. 231] + 儿 *ér* → 搓板儿 *cuō bǎnr* 'очень худой человек или девушка с плоской грудью'.

3. Достаточно редко второй компонент вместе с компонентами 子 *zi* / 儿 *ér* / 头 *tou* / 的 *de* используется в литературном языке – модель 1 + (2 + 3). Поскольку префиксация для китайского языка малохарактерна ([11; обзор

основных работ по префиксации китайского языка см. [2, с. 182–183]), такие случаи следует рассматривать как словосложение, например: 冤 *yuān* '1) обижать, обманывать; 2) обида, вражда; 3) напрасный, несправедливый' + 大头 *dà tóu* '1) большая головная маска; 2) *лесн.* нижний торец; большая часть;' [10, с. 250] → 冤大头 *yuān dà tóu* 'простофиля, недотепа, дурак'; 油 *yóu* 'масло, жир, бензин' [10, с. 1593] + 耗子 *hào zi* 'мышь, крыса' → 油耗子 *yóu hào zi* 'вор, воруящий бензин', способ словообразования – словосложение.

4. Большинство слов (27) относится к четвертой группе: в литературном языке не встречается объединение никаких из этих компонентов (все компоненты используются только отдельно). Понятно, что такие сленгизмы представляют собой результат морфологической деривации, однако проблема заключается в том, каков именно способ деривации: сложение или аффиксация (при комбинировании того и другого мы относим все образования к аффиксальным) здесь наличествует. Из этих сленгизмов в 16 случаях ни первый, ни второй компонент не обозначает лица: 夜 *yè* 'ночь' + 猫 *māo* 'кошка' + 子 *zi* → 夜猫子 *yè māo zi* '«сова», поздно ложащийся спать или бодрствующий ночью'; 碎 *suì* 'утомительный, многословный' [10, с. 1261] + 嘴 *zuǐ* 'рот, уста, клюв, пасть, рыло' [10, с. 1761] + 子 *zi* → 碎嘴子 *suì zuǐ zi* 'болтун, болтушка (*разг.* часто *пренебр.*)'; 地 *dì* '1) место; 2) грунт, первый слой (краски)' [10, с. 288] + 撮 *cuō* '1) сгребать (например, мусор); нагрести (например, в корзину); 2) отбирать; делать выборку' [10, с. 231] + 儿 *ér* → 地撮儿 *dì cuō ér* 'дворник, мусорщик'. Последний компонент таких сленгизмов (子 *zi* / 儿 *ér*) имеет значение 'лицо – носитель признака' и должен быть рассмотрен как суффикс.

В 11 случаях хотя бы 1 из компонентов (первый или второй) обозначает человека. Например, 报 *bào* '1) извещать, оповещать, докладывать, доносить; 2) отвечать, ответ; 3) газета, весть, известие, телеграмма' [10, с. 46] + 虫 *chóng* '1) насекомые, червяк, пресмыкающееся; змея; 2) (метафора) человек, который имеет какую-либо особенность *пренебр.*' [10, с. 181] → 报虫儿 *bào chóng ér* 'человек, который любит читать газеты'; 帅 *shuài* '1) предводитель, начальник, командир; 2) красивый, представительный, видный' [10, с. 1228] + 哥 *gē* '1) старший брат 2) почтительное название (обращение) для мужчины (старшего по возрасту)' [10, с. 440] + 儿 *ér* → 帅哥儿 *shuài gēr* 'красивый молодой парень; эффектный малый'. Последний компонент (儿 *ér*) здесь десемантизируется, что ведет к признанию таких слов суффиксальными образованиями (или сложносуффиксальными).

Сленгизмов, состоящих из четырех и пяти слогов, немного (соответственно 12 и 7). Их типология затруднена, так как в китайском литературном языке могут теоретически встречаться как каждый компонент по отдельности, так и соединение любых 2–4 компонентов вместе. Однако здесь можно выделить следующие основные группы.

1. В китайском литературном языке имеется сложная основа, к которой в сленге добавляется суффикс (5). Например, суффикс 的 *de* имеет значение лица: 抬轿子 *tái jiào zi* 'подлизываться, подхалимствовать' [10, с. 1268] + 的 *de* → 抬轿子的 *tái jiào zi de* 'льстец, подхалим, лизоблюд'. Другой пример: 摇羽毛扇 *yáo yǔ máo shàn* 'махать перьевым веером' [10, с. 1529] + 的 *de* → 摇羽毛扇的 *yáo yǔ máo shàn de* 'советник, консультант', потому что в старых произведениях, пьесах, советник часто держит на руках перьевой веер; в древнем Китае был известный советник, которого звали Чжу Гэлян, и он всегда держал в руках перьевой веер. Данный сленгизм ярко отображает национально-культурные особенности китайского языка. Чаше же суффикс десемантизируется: 回头客 *huí tóu kè* 'постоянный посетитель (клиент), завсегдатай' [10, с. 586] + 儿 *ér* → 回头客儿 *huí hóu kèr* 'постоянный посетитель (клиент), завсегдатай'.

2. Далее выделяется группа сленгизмов, четко распадающихся на две многосложные части (11): 铁 *tiě* '1) железо; магнит; 2) крепкий; железный' [10, с. 1305] + 姐们儿 *jiě menr* 'подруги (близкое, дружеское обращение)' [10, с. 676] → 铁姐们儿 *tiě jiě menr* 'очень близкая подруга'; 高价 *gāo jià* 'высокая цена' [10, с. 434] + 老头儿 *lǎo tóur* 'старичок' [10, с. 795] → 高价老头儿 *gāo jià lǎo tóur* 'богатый пожилой мужчина; тот, который получает большие деньги после ухода с работы'. Понятно, что здесь имеет место словосложение.

3. В немногочисленных случаях (3) можно говорить о комбинировании словосложения с суффиксацией, тогда суффикс, по-видимому, десемантизируется. Например, 漂亮 *piào liàng* 'красивый' [10, с. 1006] + 姐 *jiě* 'обращение к женщине (старшей по возрасту)'; [10, с. 676] + 儿 *ér* → 漂亮姐儿 *piào liàng jiěr* 'красивая, хорошенькая женщина'. По-видимому, здесь возможны и переходные случаи. Так, в китайском литературном языке 土 *tǔ* '1) земля; 2) примитивный' [10, с. 1329]; 老 *lǎo* 'старый, престарелый; пожилой; дряхлый; старый человек' [10, с. 791]; 帽 *mào* 'шляпа, колпак' [10, с. 893]; в сленге 土老帽儿 *tǔ lǎo màoer* 'деревенщина, неграмотный человек'. Можно,

по-видимому, сказать, что элемент 儿 (*ér*) добавляет значение лица к сложному слову; но можно считать, что это значение уже выражено в компоненте 老 '*lǎo*', тогда суффикс десемантизируется.

Таким образом, отнесение или неотнесение китайских сленгизмов к результатам аффиксации зависит от многих факторов: от количества слогов в слове, от наличия или отсутствия в литературном языке слов, совпадающих с различными частями сленгизма, от типа модели слова, которая имеет место в сленге: 1+(2+3) или (1+2)+3. Наконец, важна и семантика соответствующих компонентов в литературном языке. Так, при совпадении сленгизма со словом ЛЯ этот фактор может стать решающим: наличие семы 'лицо' в слове ЛЯ чаще всего свидетельствует о том, что сленгизм, обладая определенным семантическим сходством со словом ЛЯ, является результатом семантической деривации.

ЛИТЕРАТУРА

1. 潘文国、叶步青、韩洋, 《汉语的构词法研究》, 上海, 华东师范大学, 2004. *Пань, Вэньго*. Исследования словообразования в китайском языке / Вэньго Пань, Е. Пуцин, Хань Ян. – Шанхай : Кит. вост. пед. ун-т, 2004. – 543 с.
2. *Хаматова, А.А.* Словообразование современного китайского языка / А.А. Хаматова. – М. : Муравей, 2003. – 224 с.
3. 秋白, “普通中国话的字眼的研究”, 《瞿秋白文集》, 第2卷, 683–693 页, 北京, 人民文学出版社, 1957. *Цюй, Цюбай*. Исследование слов общенац. кит. языка / Цюбай Цюй // Сочинения : в 2 т. – Пекин : Народ и культура, 1957. – Т. 2.
4. 郭绍虞, 《汉语语法修辞新探》, 北京, 商务印书馆, 1979. *Го, Шаоюй*. Исследование стилистики в китайской грамматике / Шаоюй Го. – Пекин : Шану, 1979.
5. 林语堂, “英文学习法”, 《林语堂选集: 读书·语文》, 台北, 读书出版社, 1969. *Линь, Юйтан*. Метод изучения английского языка / Юйтан Линь // Избр. работы. – Тайбэй : Чтение, 1969.
6. 吕叔湘, 《现代汉语八百词》, 北京, 商务印书馆, 1996. *Люй, Шусян*. 800 слов современного китайского языка / Шусян Люй. – Пекин : Шану, 1996. – 668 с.
7. *Семенас, А.Л.* Лексика китайского языка : учебник для среднего уровня / А.Л. Семенас. – 3-е изд., испр. – М. : Восток–запад, 2010. – 280 с.

8. 李淑娟、颜力钢, 《最新中国俚语》, 北京, 新世界出版社, 2006. Ли, Шуцзюань. Словарь современного китайского сленга / Шуцзюань Ли, Лиган Янь. – Пекин : Новый мир, 2006. – 365 с.
9. Щукин, А.А. Справочник по новокитайскому сленгу / А.А. Щукин. – М. : Муравей, 2003. – 119 с.
10. 李行健, 《现代汉语规范词典》, 北京, 外语教学与研究出版社, 2010. Словарь современного китайского литературного языка / Синцзянь Ли [и др.] ; под общ. ред. Синцзянь Ли. – Пекин : Обучение и исследование иностр. языков, 2010. – 1774 с.
11. 吕叔湘, 《汉语语法分析问题》, 北京, 商务印书馆, 1979. Люй, Шусян. Проблемы анализа грамматики китайского языка / Шусян Люй. – Пекин : Шану, 1984. – 113 с.

The paper focuses on the problem of *identifying affixed derivatives* in Chinese slang. We consider only the words formed with the components 子 *zi* / 儿 *er* / 头 *tou* / 的 *de* since these components are recognized by some scholars as affixes involved in the formation of the names of persons. We identify factors that contribute to or, conversely, prevent the attribution of slang words to affixed derivatives on the basis of the analysis of new slang material. Many of these factors are specific to Chinese – a root, isolating language (e.g. the number of syllables in a slang word), others seem to have a universal character, (e.g. cases of slang words having the same form as the words of the standard language).

Поступила в редакцию 04.07.2011

М.А. Гладко

ЛЕКСИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ АРГУМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ АДВОКАТСКОМ ДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ И США

Статья посвящена исследованию языкового воплощения эмоционального аргументирования в судебном адвокатском дискурсе. Основной целью судебного оратора является убеждение адресата в правдоподобности своей версии преступления, в невиновности подсудимого. В этом, несмотря на значимость рациональных аргументов, важную роль выполняют *эмоциональные аргументы*, апеллирующие к сфере чувственного. Использование апелляций к эмоциям определяется личностью, которая является представителем определенной культуры, что обуславливает специфику эмоционального аргументирования в различных культурах. Различия в реализации аргументирования определяются также фактором адресата (судьи, судебные заседатели в белорусском судопроизводстве; присяжные – в американском). В статье рассматривается также специфика использования софизмов в целях убеждения адресата в своей точке зрения.

В судебном дискурсе важную роль занимает воздействие на чувственную сферу адресата с целью вызова определенного эмоционального состояния, оптимизирующего аргументативное воздействие. Смысл речевого сообщения адвоката при всем его вербальном многообразии сводится к «виновен» и «не виновен». В таких условиях основным орудием убеждения становится апелляция к эмоциональной сфере адресата. В случае апеллирования к эмоциям ожидается, что, эмоционально прожив фрагмент жизни подсудимого, судьи или присяжные будут более снисходительны в своем вердикте.

В аргументах, содержащих эмоциональные апелляции, наблюдается высокая степень плотности языковых эмотивов или лексики, наводящей эмотивный смысл (не-эмотивов). Это сгущение способствует наибольшей эмоциональной напряженности, “говорит о большом заряде эмотивной прагматики” [1, с. 151] аргумента. Экспрессивные контексты – “всплески” фиксируют в концентрированном виде и выражают в наиболее яркой форме эмоционально-оценочные значения. Подобные аргументы обладают сильной прагматической направленностью. Если взять во внимание лексический уровень реализации эмоциональных апелляций в адвокатском дискурсе Беларуси и США, то обнаруживается, что преобладающим видом семантических раздражителей (стимулов), вызывающих определенные ответные эмоциональные реакции, является не эмоционально-экспрессивная, а нейтральная лексика *выпивать*, *нож*, *weapon* ‘оружие’, *to struggle* ‘бороться’. Она не имеет эмотивного компонента в структуре своего значения, но содержит глубинные, скрытые эмосемы, актуализируемые в контексте. Это способствует созданию впечатления объективного рассмотрения дела. Воздействие на эмоции при этом маскируется под интеллектуальное, что позволяет адресату аргументировать восприятие речи в нужном направлении.

В адвокатском дискурсе Беларуси (АДБ) каузаторами эмоций являются преимущественно глаголы, например, *избивал*, *ударил*, *нанес* (удар): *Перед уходом он добавил, что **убьет** ее... Она почувствовала опасность и пыталась убежать. Он догнал ее, схватил за волосы и стал **наносить удары**. Он зверски **избивал** жену, **угрожал** ей ножом* [2, с. 128]. Как отмечает А.А. Уфимцева, глаголы ориентированы на сферу субъекта или объекта, что определяет драматургичность, событийность глагольной семантики, наиболее адекватно отражающей ситуацию действительности [3, с. 138]. В американском адвокатском дискурсе (ААД) в качестве семантических стимулов эмоционального состояния преобладают именные существительные, глаголы фактически представляют наименее распространенную группу эмоциональных стимулов. Существительные, преобладающие в ААД, отключают внимание адресата от конкретных совершенных действий: *A cruel mob was seeking their **death and destruction*** [4]. ‘Жестокая толпа ждала их смерти и уничтожения’¹.

Важную роль в аргументировании выполняют также именные прилагательные, осуществляющие эксплицитное оценивание. При этом

¹ Здесь и далее дан максимально приближенный к тексту перевод.

убеждающее воздействие оказывается прямым, “лобовым”, как называет его Т.М. Николаева [5, с. 155]. Наибольшей насыщенностью прилагательными – эмоциональными каузаторами отличается апелляция к эмоции у в а ж е н и я : *Ответственный работник, грамотный, инициативный специалист, законопослушный гражданин* [2, с. 130]. *This beautiful woman is absolutely beautiful in face and soul.* ‘Эта прекрасная женщина абсолютно прекрасна лицом и душой’[4]. Информативные определения (прилагательные), представленные ассертивно, заставляют адресата принимать сообщение как непреложный факт. Однако прилагательные более частотны в ААД, чем в АДБ.

В ходе анализа адвокатского дискурса были выявлены апелляции к *отрицательным эмоциям* (к которым относятся страх, возмущение, негодование), к *положительной эмоции* – уважению и апелляции, к *условно положительным эмоциям*, т.е. эмоциям, настраивающим адресата на позитивное отношение к речи адвоката, обвиняемому, к собственной личности и выполняемой роли в адвокатском заседании – ответственности, самоуважению (значимости), гордости, долгу, жалости.

При апелляции к отрицательным эмоциям в АДБ культурно-специфическим можно считать использование л е к с и к и м и р а ж и в о т - н ы х , не зафиксированной в ААД. Выраженная прилагательными и глаголами с явной негативной коннотацией: *зверский, звериный, дикий, бешеный* (значение которых ‘жестокий, свирепый’), *взбеситься*, она символизирует жестокость, бесчеловечность и призвана пробудить чувство страха за жизнь, здоровье – понятия, отражающие наиболее значимые для аудитории ценности – ценности биологического выживания: *Однако он продолжал стоять рядом и через несколько секунд взбесился и со “звериным лицом”, выскрывая угрозы убийства, снова пытается взять только что брошенный нож* [2, с. 33].

В речах белорусских адвокатов в качестве распространенного эмоционального раздражителя выступает п е р ц е п т и в н а я л е к с и к а – слух: *(пальцы) захрустели*; осязание: *нож давил, дышал в лицо, сдавливало (лезвие ножа)*, зрение: *со звериным лицом*. Перцептивные предложения, отражающие ситуацию восприятия событий лицом к лицу, т.е. передающие то, что видел и ощущал сам подсудимый, призваны занять “привилегированное” положение на шкале истинности в когнитивной системе слушающего: *В.П. Солей “взбесился” и пошел на жену со звериным лицом и с угрозами “зарезу” потянулся рукой за ножом... Горбач прощалась с жизнью. Говорить она не могла: лезвие ножа сдавливало ей горло* [2, с. 32]. Использование перцептивной лексики для реализации эмоционального воздействия зафиксировано лишь в 3% американских речей.

Эмоциональное воздействие в ААД часто тесно связано с р е ч е в ы м д е й с т в и е м у г р о з ы , целью которого является вызвать у собеседника эмоциональный дискомфорт, страх за вынесение неверного вердикта, который негативно повлияет на благополучие страны. Убеждая, оратор рассуждает о небенефактивных для присяжных последствиях принятия

обвинительного приговора. Модель выражения угрозы выглядит как: *если + имплицитное требование, то + обещание негативных последствий*. Таким образом акцент смещается на действия/решение присяжных и последствия этих действий/решений. Запугивание присяжных в ААД осуществляется также за счет э м о т и в н ы х я р л ы к о в – глаголов с семами ‘смерть’, ‘разрушение’: *to kill* ‘убивать’, *to destroy* ‘разрушать’ в сочетании с существительными, отражающими доминантные ценности американской нации: *country* ‘страна’, *liberty* ‘свобода’, *democracy* ‘демократия’. Данные сочетания способствуют акцентированию идеи уничтожения. Персуазивное воздействие подобных сочетаний заключается в создании имплицатуры “вынесение неверного вердикта, присяжных станет причиной разрушения государства, демократии”: *If you **destroy** the labour unions in this **country**, you will **destroy** liberty, you would leave the poor ... helpless*. ‘Если вы уничтожите профсоюзы в этой стране, вы уничтожите свободу, вы оставите бедных ... беспомощными’ [4].

Для ААД более характерна эксплицитность оценки, уничижительного отношения оратора. Этому способствуют п е р ф е к т н ы е с у щ е с т в и т е л ь н ы е , эмотивные ярлыки, представленные, пейоративами, *liar* ‘лгун’, *spy* ‘шпион’, *disgrace* ‘позор’, *animal* ‘животное’, превращающиеся в речевую агрессию, направленную на человека, поведение которого не соответствует образу истинного американца, не чтящего наиболее важные ценности общества. Как отмечает В.Н. Шаховский, “эмотивная прагматика оскорблений оказывается довольно продолжительной по своему психическому воздействию” [1, с. 163], что обеспечивает максимальный персуазивный эффект такой лексики. Лексика оскорблений, угроз не свойственна судебным речам белорусских адвокатов.

В целом можно отметить тот факт, что специфической чертой эмоционального аргументирования в ААД является использование слов с семами ‘уничтожение’, ‘смерть’, ‘жестокость’ для актуализации у адресата, например, эмоции страха за свое личное благополучие и благополучие американской нации. В АДБ лексика с семами ‘разрушение’, ‘смерть’, ‘зло’ направлена на создание эффекта сопричастности, эмоционального сопереживания, сочувствия подсудимому.

Общей чертой эмоционального аргументирования в судебном дискурсе Беларуси и США является использование и н т е р п р е т а ц и о н н ы х с у щ е с т в и т е л ь н ы х и глаголов (этической и истинностной интерпретации) при формировании отрицательных эмоций: *изворачиваться, не гнушаться, to wriggle out* ‘увиливать’, *to squirm* ‘выворачиваться’, *to fool* ‘обманывать, дурачить’. Использование интерпретативов уподобляется наклеиванию этикеток, которые преподносят информацию в нужном оратору свете, при этом затушевывают, возможно, совершенно иное содержание действий и явлений. В результате их использования ожидается, что аудитория отвергнет человека из-за негативных ассоциаций вместо того, чтобы удостовериться в истинности или ложности аргументации оратора.

Рассмотрим некоторые особенности содержательного и языкового воплощения положительных и условно положительных эмоций в адвокатском дискурсе двух стран. Воздействие на данную группу эмоций способствует созданию ощущения у адресата комфорта, удовлетворенности, что ориентировано на оптимизацию аргументативного воздействия речевого сообщения.

В АДБ эмоцию уважения вызывает трудолюбивый, честный человек. В ААД – человек-герой, так как для американцев характерна “чрезмерная склонность к героепочитанию” [6, с. 71]. Апелляция к эмоции уважения в АДБ строится на лексике, указывающей на действия, получающие одобрение общества, т.е. общественно значимые действия. Эта лексика затрагивает культурные категории – ценности, наиболее важные, представляющие особую ценность для белорусов – *труд, семья, здоровье: Спорный дом должен принадлежать тому, кто рубил и тралевал лес, возил, пилил, укладывал его в стены, возводил крыши, настлал полы и потолки..., кто в нем жил, родил и воспитал в нем детей* [2, с. 153]. При этом апелляция к уважению основывается преимущественно на глаголах физического действия.

В ААД образ героя, выдающегося человека, важного и полезного для общества, конструируется на основе лексики *героизма*, т.е. лексики, выражающей благородный риск, жертвенность, борьбу за лучшее, за идеалы. Лексика – стимул эмоции уважения в американском адвокатском дискурсе – представлена абстрактными существительными и глаголами социативного действия: *risk* ‘риск’, *fight* ‘борьба’, *to fight* ‘бороться’, *to struggle* ‘сражаться’; лексемами с семой ‘смерть’: *death* ‘смерть’, *to die* ‘умереть’.

Как в ААД, так и в АДБ значимое место при актуализации положительных эмоций занимают абстрактные существительные, выражающие ценностные ориентиры. В американском судебном дискурсе важным инструментом персуазивного воздействия выступают национальные ценности. Ключевую значимость при апелляции к уважению имеют а б с т р а к т н ы е с у щ е с т в и т е л ь н ы е , о б о з н а ч а ю щ и е ц е н н о с т н о - з н а ч и м ы е п о н я т и я для американской аудитории: *law* ‘закон’, *government* ‘государство’, *liberty* ‘свобода’, *property* ‘собственность’, *right* ‘право’, *country* ‘страна’ в сочетании с глаголами социативного действия: *to fight* ‘бороться’, *to struggle for* ‘сражаться за’, *to die for* ‘умереть за’, *sacrifice for* ‘жертвовать за’. При апелляции к уважению ценностно-значимые лексеммы составляют основу аргумента к лицу и создают аргументу: “Подсудимый – человек, готовый бороться, отдать жизнь за государство/защиту прав/защиту собственности и т. д., достоин уважения и восхищения”.

Специфической для американского адвокатского дискурса является апелляция к эмоции *самоуважения (значимости)* (используется в 13% в ААД и не зафиксирована в АДБ). Американский адвокат намеренно эксплицирует превосходство адресата в области принятия правильного решения, оценки человеческих качеств. Для этого используются ф о р м ы

сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных в сочетании с существительными *judges of fact* 'судьи истины', *judges of humans* 'судьи людей', глагол *to depend on* 'зависеть', акцентирующий зависимость нации, человечества от решения присяжных: *You gentlemen are good judges ... many of you a thousand fold better judges of human character than I am.* 'Вы, джентльмены, хорошие судьи ... многие из вас в тысячу раз лучшие судьи человеческого характера по сравнению со мной' [4].

Распространенным средством апелляции к самоуважению являются эмотивно-оценочные регулятивы – "тип речевых оценочных высказываний, включающий все виды похвал" [7], выраженные прилагательными интеллектуальной и этической оценки. С их помощью оратор акцентирует мудрость и ум присяжных: *You are honest, reasonable people.* 'Вы честные, разумные люди' [4].

Американские ораторы апеллируют к эмоции *гордости* как к гордости за нацию, государство, национальные институты (зарегистрирована в 5% ААД, не характерна для АДБ). Маркером апелляции к гордости является прилагательное *great* 'великий' в сочетании с существительными, называющими социальные институты, страну: *It is our great institution.* 'Это наш великий институт' [4].

Мощным аргументативным потенциалом в судебном дискурсе обладают слова-символы. Наиболее частотны слова-символы в ААД – зафиксированы в 79% речей, в АДБ они зарегистрированы только в 3% речей.

Наиболее распространенными символами в АДБ являются символы юридического характера *весы, богиня правосудия Фемиды: Все добытое мы положили на чашу весов. Такими весами у нас являются долг, профессионализм, судейская совесть* [2, с. 123–124]. *Мы знаем символ богини правосудия Фемиды, отраженный в нашей эмблеме – щит и меч. Поэтому Вам, товарищи судьи, необходимо принимать во внимание обстоятельства как тягчающие вину подсудимых, так и смягчающие их* [2, с. 10]. Данный факт можно объяснить спецификой аудитории – это профессиональная аудитория, в которой аргументативное воздействие оказывается средствами, которые являются значимыми для профессионалов, что и видно в употреблении символов, отражающих основные принципы правосудия. Данные слова-символы способствуют индуцированию эмоции *ответственности*.

В ААД употребляются слова, выражающие национальные символы *America* 'Америка', *American* 'американец, американский', которые способствуют актуализации распространенных в американском обществе мифов, стереотипов. В этом случае осуществляется включение адресата в ту же коммуникативную, социальную (национальную) группу, что и сам оратор. При этом происходит их объединение, что способствует наиболее эффективному воздействию на адресата. Национальные символы актуализируют эмоции *ответственности, самоуважения и гордости: You are American enough to be honest.* 'Вы достаточно американцы, чтобы быть честными' [4]. *I intend to fight for the truth. It is not un-American, but it is the most American*

thing we can do. ‘Я намереваюсь бороться за правду. Это не *не по-американски*, это наиболее *американская вещь*, которую мы можем сделать’ [4]. Следует отметить, что в 42% случаев употребления слова *America* ‘Америка’, *American* ‘американец, американский’ используются в значении ‘страна свободы’, ‘великая страна’, ‘страна законности и справедливости’, ‘честный’, ‘обладающий большими способностями’. Национальные символы в АДБ зафиксированы не были.

Заключительная речь обвинителя и защитника представляет спор, цель которого, если говорить возвышенно, поиск истины, если говорить приземленно – преследование интереса [7, л. 34]. Для достижения этой цели ораторы в ряде случаев прибегают к приемам, которые считаются логическими ошибками – с о ф и з м а м . Современная американская судебная речь наиболее насыщена ими. Самым распространенным софизмом является *чрезмерное преувеличение*, реализуемое кванторными словами, создающими иллюзию множественности действий, мнений. Мнения и действия многих людей представляются как авторитетные, несущие истину и не вызывающие сомнения. Также для ААД характерны риторические уловки: *навешивание ярлыков*, *использование эмоционально окрашенных понятий (оскорблений)*, *уклонение от темы*, заключающееся в размышлении оратора о мировых проблемах, об исторических событиях, которые фактически не связаны с судебным процессом. Следует также отметить частотное употребление в ААД приемы уничтожения позиции оппонента – п е р е х о д н а о б в и н е н и е , когда вместо логически обоснованного доказательства ложности показаний, оратор прибегает к уничижительной характеристике свидетеля. В АДБ данные приемы отсутствуют.

Широко используются в судебной речи *софизмы*, которые создаются так, чтобы “используя диалогичность монолога, нарушить условия смысловой целостности предмета обсуждения” [8, с. 210]. Так, характерным приемом для ААД является ч т е н и е в с е р д ц а х , реализуемое в речевой формуле “Они (обвинение) хотят, чтобы вы поверили, что...”. В АДБ данная уловка обнаружена не была. Как в ААД, так и в АДБ встречаются риторические уловки: в о з р а ж е н и е н а п е р е д , выражаемое формулой “Я знаю, что оппонент возразит, но...”, п о д в е д е н и е п о д п р о т и в о р е ч и е , схема которого “если то, что говорит оппонент правда, то почему тогда...”, н а в я з а н н о е с л е д с т в и е , производящее запутывание противной стороны (представляется цепь суждений, позволяющих сделать определенный вывод).

Для американского адвокатского дискурса характерны с о ф и з м ы , который Дж. Рэмедж называет “апелляцией к иррациональной посылке” [9, с. 424]. Она дана в виде апелляции к общей практике (все так делают, значит, это правильно). В АДБ этот софизм не представлен. Аргумент к авторитету в ААД намного чаще является примером софизма а п е л л я ц и я к ф а л ь ш и в о м у а в т о р и т е т у , так как часто в качестве авторитетного источника вступает известный человек (политик, писатель,

герой из популярного фильма или сам фильм), а не авторитет в юридической области, что объясняется спецификой аудитории в американском суде (присяжные).

Таким образом, аргументирование в адвокатском дискурсе США является более эмоционально насыщенным и пафосным, направлено преимущественно на воздействие на социальное “я” слушателей. В свою очередь, аргументирование белорусских адвокатов более объективировано и направлено на воздействие на личностное “я” адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаховский, В.Н. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.Н. Шаховский. – Воронеж : Добросвет, 1987. – 485 с.
2. Хвесеня, М.И. Судебные речи по уголовным и гражданским делам / М.И. Хвесеня. – Минск : ОДО "Равноденствие", 2005. – 182 с.
3. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 205 с.
4. Linder, D. Famous Trials / D. Linder // Famous Trials [Electronic Resource]. – Univ. of Missouri-Kansas, City School of Law, 2005. – Mode of access : <http://www.law.umk.edu/faculty/projects/ftrials/ftrials.html>. – Date of access : 15.03.2011.
5. Николаева, Т.М. От звука к тексту / Т.М. Николаева. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – 680 с.
6. Гаджиев, К.С. Американская нация национальное самосознание и культура / К.С. Гаджиев. – М. : Наука, 1990. – 240 с.
7. Карпук, Г.В. Контактостанавливающая функция языка в судебном дискурсе (на примере выступлений русских и американских адвокатов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г.В. Карпук. – Минск, 2006. – 115 л.
8. Рождественский, Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1999. – 482 с.
9. Ramage, J. Writing Arguments : A rhetoric with reading / John Ramage, John C.Bean. – Boston : Allyn and Bacon, 1998. – 721 p.

The article deals with research of verbal implementation of *emotional argumentation* in courtroom counselor discourse. While persuading, despite the importance of rational arguments, a significant role is played by arguments appealing to emotional sphere. The article analyses particularities of verbalization of emotional appeals in counselor discourse of Belarus and the USA.

Поступила в редакцию 24.06.11

Пань Юйцинъ

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

Цель статьи – анализировать наиболее общие закономерности развития лексических инноваций русского и китайского языков конца XX – начала XXI веков, проследить в сравнительном плане активизацию отдельных звеньев словообразовательных систем обоих языков новейшего периода. Классификация неологизмов современного китайского и русского языков изучаемого периода показала, что с точки зрения своего происхождения все лексические инновации (неологизмы) в обоих языках отчетливо делятся на три группы: *заимствования, словообразовательные* и *семантические неологизмы*. При этом пополнение словарного состава языка неологизмами-заимствованиями можно рассматривать как результат внешнего влияния на лексическую систему, а появление производных слов и семантических неологизмов – как результат внутриязыкового расширения.

Вопросы пополнения словарного состава языков, возникновения и употребления новых слов интересовали лингвистов всегда. Лавинообразный характер процесса неологизации русского и китайского языков на рубеже веков, его значительное влияние на культурно-речевую ситуацию, образно определяемую как праздник вербальной свободы, обусловили актуализацию проблем, связанных с анализом лексических инноваций в этих структурно разнородных языках.

Как правило, интенсивные языковые изменения зависят от социальных, экономических и политических перемен, от развития науки и техники, расширения международных контактов, специализации профессиональной производственной деятельности и других причин. Стремительность этих изменений, особенно заметных в сфере лексики, часто создает впечатление языковых катаклизмов.

Но слово – это не только наименование (новых предметов, понятий), это прежде всего единица языка. Следовательно, есть и внутренние причины изменений, вытекающие из внутренней сущности объекта – самого феномена языка. Пополнение словарного состава любого языка, в том числе русского и китайского, происходит обычно двумя способами: *заимствованием* номинативных единиц из других языков; *созданием новых слов* на основе собственной базовой лексики с помощью имеющихся словообразовательных средств. Появление лексических инноваций в языке, как правило, связано со следующими условиями: они должны 1) отражать современное развитие общества; 2) четко передавать значение; 3) приниматься в обществе и широко употребляться; 4) соответствовать законам образования и функционирования слов [1, с. 230].

Характер и особенности инновационных процессов, происходящих в современных русском и китайском языках, обсуждаются в ряде публикаций: в коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)» [2], в исследованиях Л.П. Крысина [3], А.Д. Дуличенко [4]

и др. Начиная с 80-х годов и по настоящее время в Китае появилось около 60 словарей, посвященных неологизмам современного китайского языка. Кроме того, можно отметить научные публикации, диссертации (примерно 600), монографии [5; 6] и др.), исследующие инновации в различных аспектах и в различные периоды развития китайского языка. В этих работах отмечается, что неогенный бум во многих языках, в том числе в русском и китайском, сопровождается чрезмерной активизацией употребления иноязычных слов и интенсификацией заимствования, жаргонизацией и вульгаризацией. Отмечается значительное воздействие просторечия, специальных подъязыков, особенно жаргонов и отдельных терминосистем (например, компьютерной, экономической, политической и иной терминологии), на современные литературные языки.

Несмотря на проделанную работу и накопленный огромный фактический и теоретический материал, в имеющихся исследованиях не до конца раскрыты активные процессы в лексике современных языков. Кроме того, есть все основания полагать, что исследование данных процессов на материале китайского языка и сопоставление инновационных тенденций в китайском и русском языках является весьма перспективным, поскольку китайский язык уникален по своей природе и многие языковые явления в нем, включая сам процесс заимствования и словообразования, отличаются определенной спецификой от аналогичных явлений в индоевропейских языках.

Цель данной статьи – рассмотреть наиболее общие закономерности развития лексических инноваций русского и китайского языков конца XX – начала XXI веков, проследить в сравнительном плане активизацию отдельных звеньев их словообразовательных систем.

В качестве источников фактического материала исследования послужили словари новых слов и выражений современного китайского языка [7; 8], включающие более 8000 словоупотреблений китайских неологизмов конца XX – начала XXI в.), соотносительно со схожим объемом словаря русского языка («Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика», под ред. Г.Н. Складневской, который содержит примерно 8000 единиц актуальной лексики – ту часть лексического состава современного русского языка, в которой нашли отражение наиболее существенные и очевидные языковые процессы последних лет XX – начала XXI в., оказавшие влияние на становление русского языка и на языковое сознание его носителей [9, с. 6]).

Классификация материала по тематическим группам показала, что в современном китайском языке основную массу новой лексики составляют слова, относящиеся к повседневной жизни, экономике, финансовой деятельности и политике. Кроме того, за последние двадцать лет в китайском языке появилось большое число биржевых и компьютерных терминов, лексических единиц, принадлежащих к научно-технической сфере, новых слов в области спорта, образования и охраны среды. Аналогично и в русском языке конца XX – начала XXI в. активно пополняются новыми словами повседневная жизнь, информатика, экономика и финансы, политика, религия, спорт,

медицина, юриспруденция, искусство, коммерция. Это свидетельствует, что в русском и китайском языках лексические инновации конца XX – начала XXI в. в целом соотносятся по своей тематической принадлежности.

Новые слова наиболее широко используются в газетах, журналах, новейших изданиях по экономике, политике. Ср., например, рус.: *авторитаризм, административно-командный, антидемократизм, конфронтация, акция, акционерный, безвалютный, безналичка, безналоговый, брокер, ваучер, инвалюта*¹.

В китайском языке появление акционерных компаний 股份公司 "Gufen gongsi" вызвало к жизни целый ряд новых слов, обозначающих разные явления в финансовой сфере. Выражение 牛市 *niushi* обозначает 'рост акций' [7], а противоположное понятие *падение акций* обозначается 熊市 *xiongshi*. О большом росте акций говорят 大盘 *dapan* 'большая тарелка', об обратном процессе – 套牢 *taolao* 'разорился на акциях (попал в западню)'. Появилось новое слово 股民 *gumin* – так называют человека, зарабатывающего на акциях.

С развитием науки появились новые слова, передающие научные понятия: рус. *беспроводный* (и *беспроводной*), *клон* (англ. *clone*); кит. 克隆 *kelong* 'клонирование'; 信息高速公路 *xinxi gaosu gonglu* 'скоростные средства информации'; 基因工程 *jiyin gongcheng* 'генная инженерия' [10].

С ростом благосостояния возросли и культурные потребности людей. Достоянием активного запаса лексики стали: 健身操 *jianshen cao* 'оздоровительная гимнастика'; 减肥茶 *jianfei cha* 'чай для похудения'; 打保龄 *da baoling* 'игра в кегли'; 看大片 *kan dapian* 'смотреть сериал' и 电视系列片 *dianshi xilie pian* 'телесериал'. Стала модной изысканная музыка 高雅音乐 *gaoya yinyue*, и одновременно с этим популярны танцы 迪斯科 *disike* 'диско' [10].

Ср. в русском языке: *диск-жокей, диско, дискотека, мейнстризм, пирсинг, рейф, рок, рок-группа, рэп, синтезатор, шоу, шоу-бизнес*.

Лексические инновации связаны с развитием различных сфер общественной деятельности (спорта, экологии и др.). Так, в последние годы в китайском языке появились лексемы: 高尔夫球 *gao'erfu qiu* 'гольф'; 风板 *fengban* 'виндсерфинг' (*windserfing*); 登顶 *dengding* 'стать первым; добиться успеха' (букв. 'достичь вершины'), 绿色食品 *lüse shipin* 'экологически чистые овощи'; 无机农业 *wuji nongye* 'чистые сельхозпродукты, без использования химикалий и химических удобрений'; 无公害蔬菜 *wugonghai shucai* 'экологически чистые овощи' [10]. В русском языке: *армрестлинг, бодибилдинг, боулинг, качок*.

¹ Здесь и далее, если не оговаривается особо, все примеры русского языка приводятся по «Толковому словарю русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г.Н. Складневской (2008).

С точки зрения своего происхождения, все лексические инновации (неологизмы) в современных русском и китайском языках отчетливо делятся на три группы: *заимствования, словообразовательные и семантические неологизмы*. При этом пополнение словарного состава языка неологизмами-заимствованиями можно рассматривать как результат внешнего влияния на лексическую систему, а появление производных слов и семантических неологизмов – как результат внутриязыкового расширения.

К заимствованиям обычно относят слова и фразеологизмы, перенесенные из одного языка в другой. Частным случаем заимствования можно считать перенос лексических средств из одного подъязыка в другой подъязык того же языка. В зависимости от того, что является донором: другой язык или подъязык того же самого языка – заимствования делят на *внешние* (донор – другой язык) и *внутренние* (донор – один из подъязыков того же самого языка).

Так, к внешним заимствованиям русского языка последних десятилетий можно отнести слова: *имидж, киллер, мейнстрим, ноутбук, он-лайн, папарацци, поп-корн, прайс, пресс-релиз, промоутер, ремикс, сайт, секьюрити, сиквел, сингл, слоган, тамагочи, ток-шоу* и под. К внутренним заимствованиям – слова, проникшие в русский литературный язык из других подсистем национального языка (например, из жаргона и сленга): *байк, дурь, жмурик, качок, лажса, ментовка, облом, попса, тащиться, ширяться, тусоваться* [11] и под.

В китайском языке наиболее важным (если не основным, то, во всяком случае, наиболее очевидным) источником новой лексики за последние двадцать лет также являются заимствования из английского языка: 吧 *ba* (англ. *bar*), 迪斯科 *disike* (англ. *disco*), 的士 *dishi* (англ. *taxi*) [7] и под. При этом освоение англоязычной лексики в китайском языке может осуществляться различными путями и способами, характеризующими специфику этих инновационных процессов.

Так, многие новые слова в китайском языке представляют собой *фонетические заимствования*¹. Например, в восьмидесятые годы для обозначения *такси* наряду с уже имеющимся в китайском языке словом 出租车 *такси* ‘арендуемая машина’ стали использовать термин 的士. Это фонетическое заимствование из английского языка *taxi*, т.е. передача средствами китайского языка английского слова, для чего и были выбраны два иероглифа. Так возникло слово 的士 *dishi*. Позднее появилось слово 大的 *dadi* ‘взять такси’. Оно стало конкурентом исконному словосочетанию 打出租汽车 *da chuzu qiche* ‘взять такси’, ‘ездить на такси’. Появилось слово 摩的 *modi* ‘мототакси’, 的哥 *dige* ‘водитель такси’, 的姐 *dijie* ‘женщина –

¹ Специфика китайского языка (иероглифическая письменность, фонетическая система, слоговой характер) объясняет тот факт, что в китайском языке большой процент от общего объема заимствований составляют кальки. В русском языке в последние десятилетия подавляющее большинство заимствованной лексики представляет собой фонетические заимствования.

водитель такси’. 公共汽车 *gonggong qiche* ‘общественный (многоместный) автомобиль’, ‘автобус’ вытесняется фонетическим заимствованием 巴士 *bashi* (от англ. *bus*). Для русского языка такой заимствования является наиболее распространенным: *байер* (англ. *buyer*), *гейм* (англ. *game*), *дайвинг* (англ. *diving*), *модератор* (англ. *moderator*).

Многие англицизмы проникают в путунхуа (официальный язык КНР) не напрямую, а через лексику других китайских диалектов, в частности, через гуандунский. Например, 脱口秀 *tuokouxiu* ‘ток-шоу’ (фонетическое заимствование от *talk show* 脱口 ‘красноречивый’, 秀 ‘фонозапись от *show*’); 世界波 *shijiebo* ‘гол мирового класса’ (世界 *shijie* ‘мир’, 波 *bo* фонетическое заимствование от англ. *ball*, которое раньше распространялось среди поклонников спорта в Гонконге и в провинции Гуандун); 拍档 *paidang* – диалектное слово (фонетическое заимствование от английского *partner*), которое часто употреблялось в Гонконге и на Тайване; и многие другие. Это явление представляет собой процесс вторичного заимствования внутри системы самого китайского языка, так называемое *самозаимствование*. В лексическом фонде китайского языка в Гонконге и на Тайване больше иноязычных заимствований, чем в общенациональном языке путунхуа [12, л. 49]. Для современного русского языка такой тип внутреннего заимствования в целом нехарактерен. В качестве единичных примеров можно привести только социолектные *байк*, *крейзи*.

В русском языке широко распространено такое новое языковое явление, свидетельствующее о начальном этапе освоения иноязычной лексики, как *комбинированное* (латиницей и кириллицей) написание сложносоставных слов (*IBM-совместимый*, *PR-акция*, *PR-бизнес*, *PR-менеджер*, *VIP-клиент*, *VIP-номер*, *VIP-мероприятие*, *Web-сайт*, *WEB-страница*, *Web-сервер*); а также появление некоторых производных слов, образованных от иноязычного слова по словообразовательной модели русского языка (*PRщик*, *VIPовский* т.п.).

В китайском языке, с его иероглифической системой, процесс заимствования иноязычной лексики и ее адаптация, вхождение в систему языка проходит гораздо труднее, чем в русском языке, использующем алфавитное письмо и «открытым» с технической точки зрения. «Китаизировать» появляющиеся в таком большом объеме заимствования очень сложно. Поэтому в современной китайской печати все чаще встречаются никак не оформленные в соответствии с нормами китайского языка иноязычные слова – так называемые *иноязычные вкрапления*: А股 *A gu* ‘акции серии А, продаваемые только для граждан Китайской Народной Республики’; В-超 *B chao* ‘ультразвуковое исследование’; Т型台 *T xingtai* ‘подиум для демонстрации моделей’ [10]. Это свидетельствует об употреблении слов в непривычной для китайского языка форме. Они дословно не переводимы.

Поскольку до сих пор не найден другой способ передачи этих реалий, возможно, они так и войдут в лексику как *интернационализмы*.

С развитием общества, экономики, науки и техники появляется большое количество новых предметов, новых явлений, которые требуют своего наименования. Однако для передачи нового значения не обязательно каждый раз создавать новый звуковой комплекс. Язык – достаточно экономичное средство общения, он использует минимальное количество материала для передачи максимума информации. Именно многообразие словообразовательных способов позволяет удовлетворять требования создания новых наименований.

Процесс современного словообразования лавинообразен и в определенной степени неуправляем. «Здесь действует языковая стихия: новые производные слова образуются и входят в речевое употребление не постепенно и ступенчато, как это бывает в периоды “спокойного” языкового развития, а стремительно, одномоментно, когда в соответствии с потребностями языкового коллектива, в связи с актуализацией того или иного понятия, в речевой обиход обрушивается сразу громоздкое словообразовательное гнездо» [13, с. 180].

К словообразовательным неологизмам относят новые лексические единицы, образованные по словообразовательным моделям самого языка. В русском языке с появлением Интернета вошли в обиход следующие слова и выражения: *Интернет* (англ. *Internet*), *интернетовский*, *интернетизация*, *чат* (англ. *chat*). В китайском языке: 网 *wang* ‘Сеть Интернета’; 网友 *wangyou* ‘участники Интернета’; 网址 *wangzhi* ‘адрес e-mail’; 上网 *shangwang* ‘войти в Интернет’. Пожалуй, трудно сосчитать все слова, которые связаны с 网 *wang*. Термин 酒吧 *jiuba* ‘бар’ пришел извне, уже нельзя точно определить, в какое время. Вслед за этим пришли 网吧 *wangba* ‘бар Интернета’, 氧吧 *yangba* ‘кислородный бар’, невозможно предсказать, какие еще будут бары.

В русском языке активизировались многие словообразовательные аффиксы: *де-*, *раз-*, *пост-*, *после-*, *не-* и др.: *деидеологизация*, *декоммунизация*; *послеавгустовский*, *послеоктябрьский*, *постсоветский*, *постперестроечный*; *разгосударствление*, *раскрестьянивание*; *неотоваренный*, *неполитизированный*. Новые словообразовательные форманты, такие, как *видео-*, *аудио-*, *нарко-*, *секс-*, *эко-* и др. формируют новые представления о мире (*видеоиндустрия*, *видеопиратство*, *наркобизнес*, *наркорубли*, *наркосредства*, *сексменьшинства*; *экогенез*, *экокатастрофа*, *экосистема*) [9, с. 7]. Что касается известных иноязычных словообразовательных формантов, то и они, регулярно включаясь в словообразовательный процесс, также отражают новый мир – ср. новые слова с известным формантом *анти-*: *антивоенный*, *антидемократ*, *антиконституционный*, *антиноменклатурный*, *антиперестроечный*.

В китайском языке значительное количество новых слов для наименования предметов и явлений также создается по определенным словообразовательным моделям – как от глаголов, так и от имен существительных. Заметное место в словообразовании китайского языка за последние два-три десятилетия также принадлежит *аффиксам*. Китайские а ф ф и к с ы могут находиться в конце слова и выполнять функцию суффикса (суффиксоида). Здесь имеет место следующая структура: первичная лексема + суффикс (полусуффикс¹) (星, 热, 风, 迷, 学); очень продуктивен, например, суффикс 迷 *mí* – он служит для наименования лиц, имеющих какое-либо увлечение или пристрастие к чему-либо, выраженное первым компонентом слова: 足球迷 *zuqiumi* ‘футбол’ + *mí* → ‘футболман, фанат футбола’; 歌剧/音乐迷 *geju/yinyue mi* ‘музыка/оперная’ + *mí* → ‘меломан’, ‘страстный любитель музыки’; 网迷 *wangmi* ‘интернет’ + *mí* → ‘страстный любитель интернета’, ‘интернетоман’; 电视迷 *danshimi* ‘телевизор’ + *mí* → ‘телеман’.

Большой продуктивностью отличается также модель X + 星 *xīng* ‘звезда’: 影星 *yingxing* ‘кинозвезда’; 歌星 *gexing* ‘эстрадная звезда’; 笑星 *xiaoxing* ‘комедийная звезда’; 童星 *tongxing* ‘звезда-ребенок’ [14].

В последние годы с помощью суффикса 热 *rè* от именных и глагольных основ образуется большое количество новых слов, отмечается употребление 热 *rè* в значении ‘бум, оживление, увлечение’.

В рамках модели X + 热 *rè* ‘бум, оживление, увлечение’ слова образуются свободно, без ограничений, они обозначают любое чрезмерное оживление вокруг какого-либо мероприятия, события, деятеля и т.п. Суффикс 热 *rè* постепенно утрачивает свое исконное лексическое значение. Он встречается в сочетаниях с разными типами слов и словосочетаний (外语热 *waiyure* ‘увлечение иностранными языками’; 减肥热 *jianfeire* ‘увлечение похуданием’; 电脑热 *diannaore* ‘увлечением компьютером’; 汉语热 *hanyure* ‘увлечением китайским языком’; 足球热 *zuqiure* ‘увлечением футболом’ [14]).

Сокращения, так же как и полные наименования, являются достаточно информативными и дают представление о новых явлениях в жизни общества. Причиной их появления является тенденция к экономии языковых средств. В процессе употребления языка говорящие стремятся отобрать наиболее рациональные средства. При этом они руководствуются требованием к сокращению текста при условии сохранения его информативности. Первоначально сокращенные варианты возникают как вторичные наименования, и в этом смысле можно говорить об их избыточности. В дальнейшем они часто становятся единственным средством обозначения данного понятия, закрепляются в лексической системе языка и начинают фиксироваться словарями как самостоятельные номинативные единицы.

¹ В китайской терминологической традиции понятие *полусуффикс* соотносится с понятием *суффиксоид* в русской лингвистической терминологии.

Одним из общих законов развития любого языка является экономия, проявлением которой является активное образование сложносокращенных слов. Подобный процесс имеет место и в китайском языке, где большое количество новых слов – это *сложносокращенные слова* (ССС). СССР присутствуют во всех группах новых лексических образований, при этом наибольшее их число приходится на *двуслоги* (слог состоит из *инициали* – *согласный звук в начале слога, и финали* – гласный в конце слога, финаль может заканчиваться *n, ng, и r*). Для современного китайского языка характерны следующие способы сокращения: 1) сокращение первичных лексем – 彩电 *caidian* (от 彩色电视 *caise dianshi*) ‘цветной телевизор’; 节能 *jienerg* (от 节约能源 *jieyue nengyuan*) ‘экономить (электро)энергию’; 家电 *jiadian* (от 家用电器 *jiayong dianqi*) ‘бытовые электроприборы’; 扶贫 *fupin* (от 扶助贫困 *fuzhu pinkun*) ‘помогать бедным’; 2) сокращение с именами числительными 两户 *lianghu* ‘два двора (специализированные крестьянские дворы и базовые крестьянские дворы)’. Наибольшей продуктивностью обладают модели, имеющие первым компонентом числительное 三 *san* ‘три’; 四 *si* ‘четыре’; 五 *wu* ‘пять’: 三个面向 *sange mianxiang* ‘три направления’ (образование должно быть ориентировано лицом к модернизации, миру, будущему); 三高 *sangao* ‘три повысить’, т.е. 高产量 *gaochanliang*, 高质量 *gaozhiliang*, 高效益 *gaoxiaoyi* ‘повысить урожайность, качество, эффективность’; 三个有利于 *sange youliyu* ‘три выгодно’, т.е. выгодно для развития производительных сил общества, выгодно для усиления силы социалистического государства, выгодно для повышения жизненного уровня народа; 三讲 *sanjiang* ‘поставить на первое место учебу, политику, патриотизм’ [8].

В русле инновационных процессов в лексической системе русского языка наблюдается новая волна *аббревиации*: СПС (Союз правых сил), АО (Акционерное общество), АПК (Агропромышленный комплекс), ГКО (Государственная краткосрочная облигация), СЕ (Совет Европы), ГНС (Государственная налоговая служба), ДВР (Демократический выбор России), ЕВС (Европейская валютная система), МЧС (Министерство по чрезвычайным ситуациям), причем, как правило, аббревиатуры также вступают в словообразовательный процесс, образуя целые ряды новых производных слов (*бэтээровец, бэтээровский, гэкачепист, гэкачепистский, гэпэушник, зэк, зэчка, кагэбэшный, кагэбэшник, омоновец, омоновский, рубоповец, ОВРовцы*) [9].

Современному китайскому языку также свойственно бурное развитие всех типов *а б б р е в и а ц и и*. Подобные слова создаются путем сокращения глагольных конструкций или атрибутивных словосочетаний. Например, 电大 *dianda*; 电视大学 *dianshi daxue* ‘телевизионный университет’; 轻纺 *qingfang*: 轻工业 *qinggongye*, 纺织工业 *fangzhi gongye* ‘легкая и текстильная промышленность’; 高干 *gaogan*: 高级干部 *gaoji ganbu* ‘высший руководящий состав’; 驾校 *jiaxiao*: 驾驶学校 *jiashi xuexiao* ‘автошкола’ [8].

В прошлом китайские лингвисты не обращали большого внимания на сложносокращенные слова, которые, как правило, не включались в словари. Положение стало меняться только в последнее время. Это обусловлено объективными причинами: употребление ССС получило в китайском языке широкое распространение, многие из них стали употребляться даже чаще, чем их первоначальные формы. Некоторые ССС уже превратились в обычные слова, и их уже не воспринимают как сокращенные формы новых наименований, например 公关 *gongguan* ‘общественные отношения’, 武警 *wujing* ‘вооруженная полиция’, 教代会 *jiaodaihui* ‘собрание преподавателей’.

К семантическим неологизмам относят известные языковой системе слова и фразеологизмы, у которых появились новые значения [11, с. 36]. Для описания этого способа возникновения новых значений слова в лексикологии принято использовать термин *семантическая деривация* [14; 15].

Исследователи отмечают, что формирование новых лексико-семантических вариантов может происходить не только в результате самостоятельной семантической деривации на основе метафорических, метонимических переносов, расширения, сужения значения и семантического сдвига. Возможно также образование новых значений слов под воздействием морфолого-словообразовательных процессов или под влиянием семантики иноязычного слова.

Исследование показало, что основными изменениями, которым подвергалась смысловая структура иноязычных слов в двух языках, являются изменения семантического объема (*расширение смысловой структуры; сужение смысловой структуры; смещение иерархии значений*).

Процесс расширения смысловой структуры может происходить в результате семантической деривации или дубликации заимствованного слова, что, в свою очередь, связано с возросшими функциональной активностью и валентностью. Например: *баннер* ‘рекламный щит’ → *щит, плакат*; *бренд* ‘торговая марка предприятия, играющая роль рекламы этого предприятия’ → *любая марка*; 奔腾 *benteng* ‘Пентиум’ → *процессор*.

Сужение смысловой структуры заимствованного слова возможно по причине утраты какой-либо семемы или обогащения значений и связано с переходом слова в другие функциональные сферы. Например: *артмен* ‘человек, работающий в области искусства’ → *художественный оформитель*; *нейл-дизайн* ‘комплекс услуг по уходу за ногтями, включающий маникюр и декоративное оформление’ → *маникюр*; 巴士 *bashi* ‘автобус’ → *автобус класса люкс*; 朋克 *pengke* ‘направление в музыке’ → *панк-рок*. Сужение значения обычно сопровождается специализацией какого-либо значения: *восстанавливать* ‘ремонтировать’, *информация* ‘программа для ЭВМ’.

Смещение иерархии значений возможно у многозначных заимствованных слов, когда одно из значений переходит в категорию наиболее актуального. Например, в слове *дайджест* ‘издание, содержащее

адаптированное изложение художественного произведения; периодическое издание, перепечатавающее в сокращенном виде или в виде обзора материалов из других изданий на определенную тематику' ушло на периферию первое значение. В слове 酷 *ku* 'крутой' появилась сема 'красивый (о мужчине)'; 桑拿 *sangna* 'сауна: место для омовения и парения' появилась сема 'заведение, где предлагают услуги массажа'. Следует отметить, что со временем актуальная значимость заимствования может быть утрачена. В этом случае его коммуникативная активность снижается.

Семантическая модификация, или изменение объема значения, происходит в результате появления/исчезновения/частичной замены каких-либо сем в семеме. Например, в слове *флайер* появилась сема 'рекламная листовка, обеспечивающая скидку на вход в какое-либо развлекательное заведение'.

В сравнении с русским языком большое количество изменений, происходящих в семантике исследуемых единиц китайского языка, приходится на *категоризацию значений*. Сужение значения заимствованных китайским языком единиц происходит по разным причинам. В случае экспликации заимствования 巴士 *bashi* 'автобус' прослеживается социальная составляющая отдельных дефиниций. Слово *bus*, которое в английском языке именуется родовое понятие, в китайском языке может служить видовым индикатором и указывать на социальную престижность выражаемого объекта: 巴士 *bashi* 'не просто общественное транспортное средство, а автобус класса люкс для междугородних или туристических перевозок'. Сеть кафе быстрого питания KFC (сокращение от англ. *Kentucky Fried Chicken* 'жареные цыплята из Кентукки'), широко распространенная в Китае, специализируется на изготовлении гамбургеров, содержащих только мясо птицы, отсюда и полученная дефиниция 'резанная пополам булочка с вложенным в нее листом салата и отбивной из куриного бедра'.

Семантические преобразования в лексике, наряду с номинацией новых реалий, способствуют расширению и обогащению словарного состава, поскольку они не только называют новые явления и реалии, но и придают словам и словосочетаниям новые стилистические оттенки.

Наблюдения над инновационными процессами в лексике китайского и русского языков позволяют сделать следующие выводы.

1. Появление лексических инноваций в обоих языках обусловлено, главным образом, экстралингвистическими факторами – номинативными потребностями названия новых актуальных явлений действительности.

2. Лексические инновации в современных китайском и русском языках называют широкий круг явлений действительности, главным образом из сферы общественной жизни, экономики, политики и т.д., и представляют собой инновационный фрагмент языковой картины мира носителей этих языков.

3. Как показывают лексикографические источники, наиболее многочисленными тематическими группами неологизмов китайского и русского языков являются «Информатика», «Экономика, бизнес, финансы», а также

«Наука и техника». Продолжающийся приток лексических инноваций именно в эти сферы деятельности свидетельствует об их важной роли в языковом сознании современного общества.

4. Подавляющее число неологизмов в обоих языках – производные слова, что объясняется следующим: гораздо удобнее использовать уже имеющиеся модели и элементы (первичные лексемы), чем создавать или заимствовать новый фонетический комплекс, который не имеет внутренней мотивированности значения. Наиболее продуктивными моделями новообразований как в китайском, так и в русском языках являются *суффиксальные модели и аббревиация*.

5. Неологизмы-заимствования составляют значительную часть лексических инноваций китайского и русского языков. Они являются наиболее яркими, так как новое проявляется в их словесном облике на всех уровнях, и активно включаются в процесс словообразования в качестве базовых слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенас, А.Л. Лексика китайского языка / А.Л. Семенас ; 2-е изд., стер. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2005. – 310 с.
2. Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Языки рус. культуры, 1996. – С. 90–141.
3. Крысин, Л.П. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова РАН. – М. : Языки слав. культур, 2008. – 712с.
4. Дуличенко, А.Д. Русский язык конца XX столетия / А.Д. Дуличенко. – Munchen : Otto Sagner, 1994. – (Slavistische Beitrage. Hg. Von P. Rehder. – Bd. 317)
5. 姚汉铭, 新词语.社会.文化/上海 : 上海辞书出版社, 1998. – 221页. = Яо, Ханьмин. Неологизмы. Общество. Культура / Ханьмин Яо. – Шанхай : Цышу чубаньшэ, 1998. – 221 с.
6. 杨华, 汉语新词语研究. – 黑龙江 : 黑龙江教育出版社, 2001. – 262页. = Ян, Хуа. Исследования о неологизмах китайского языка / Хуа Ян. – Хэйлуийцзян : Цзяюй чубаньшэ, 2001. – 262 с.
7. 新华新词语词典: 2003年版 / 商务印书馆辞书研究中心编写. – 北京: 商务印书馆, 2003. – 455页. = Словарь новых выражений китайского языка ; сост. Лексикограф. центром изд-ва "Шаньбу иньшугуань". – Пекин : Шаньбу иньшугуань, 2003. – 455 с.
8. 新世纪汉语新词语词典/王均熙编著。 – 上海: 汉语大词典出版社, 2006. – 588 页. = Вань, Цзуньси. Словарь новых слов и выражений / Цзуньси Вань. – Шанхай : Изд-во большого словаря кит. языка, 2006. – 588 с.

9. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской – М. : Эскимо, 2008. – 1136 с.
10. Буров, В.Г. Китайско-русский словарь новых слов и выражений / В.Г. Буров, А.Л. Семенас. – М. : Восточ. книга, 2007. – 736 с.
11. Попова, Т.В. Русская неология и неография : учеб. электрон. и текстовое изд., Федерал. агентство по образованию ГОУ ВПО «Урал. гос. ун-т – УПИ» / Т.В. Попова. – Екатеринбург, 2005. – 96 с.
12. Борисова, О.С. Адаптация иноязычной лексики в системе языка и восприятии носителей : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 – теория языка / О.С. Борисова. – Бийск, 2009. – 232 л.
13. Скляревская, Г.Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы / Г.Н. Скляревская // Исследования по слав. языкам. – 2001. – № 6 – С. 177–202.
14. 陈光磊, 改革开放中汉语词汇的发展 / 陈光磊。 – 上海: 上海人民出版社, 2008. – 289 页. = Чэнь, Гуанлэй. Развитие лексики китайского языка в период реформы и открытости / Гуанлэй Чэнь. – Шанхай : Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2008. – 289 с.
15. 亢世勇, 现代汉语新词语计量研究与应用 / 亢世勇等著. – 北京: 中国社会科学出版社, 2008. – 346页. = Кан, Шиюн. Количественное исследование неологизмов современного китайского языка / Шиюн Кан. – Пекин : Изд-во обществ. наук Китая, 2008. – 346 с.

The purpose of the article is to analyze the most general regularities of the development of lexical innovations of the Russian and Chinese languages at the end of 20th and beginning of the 21st century, follow the activation of separate parts of their word-building systems.

Поступила в редакцию 29.06.11

А.И. Полевая

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ (на материале французских реалистических романов второй половины XX века)

В центре внимания автора – основополагающая для лингвистики эмоций категория *эмотивности*. Статья посвящена главной трудности, по мнению многих лингвистов, в исследовании эмотивности – взаимоинтерпретируемости метапонятий: номинация эмоций, выражение их словом и описание проявления эмоций в тексте. Приведены две доминирующие концепции категоризации эмоций в языке: концепция, предполагающая противопоставление языка описания, номинации и языка выражения эмоций, и концепция, предполагающая объединение языка выражения, номинации и описания эмоций. Точка зрения автора о необходимости изучать лексику, номинирующую эмоции, обусловлена наличием в семантике подобных слов стабильного эмотивного смысла и

подкреплена данными, полученными в результате исследования, проведенном на материале произведений французской художественной литературы второй половины XX века.

Возрастающий в последние годы интерес лингвистов к специфике отражения эмоций в языке привел к формированию новой научной дисциплины – *эмотивной лингвистики*, или *лингвистики эмоций*. Краеугольным камнем научных интересов этой области лингвистики является категория *эмотивности*.

Появление в 80-х годах прошлого века большого количества исследований, разрабатывавших теоретическую базу изучения специфической репрезентации эмоций в языке, привело к осознанию необходимости разработки терминологического аппарата, отличного от имеющегося в рамках психологии. Следствием этого явилось введение понятия *эмотивность*. «На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность, эмоции – психологическая категория, эмотивность – языковая» [1, с. 13]. Распространено мнение, что в трактовке понятия *эмотивности* нет единства (Л.Г. Бабенко, О.Е. Филимонова, В.И. Шаховский), однако нам представляется возможным все многообразие определений свести к двум тенденциям в понимании данного термина. В узком значении эмотивность определяется как языковая категория, предполагающая наличие в том или ином языке средств системной репрезентации эмоций. Широкая трактовка подразумевает рассмотрение эмотивности в качестве имманентно присущего языку семантического свойства отражения эмоциональности как факта психики системой своих средств.

Также неоднозначен подход лингвистов к определению объема исследуемой категории. Согласно первому подходу, лингвисты, признавая наличие на всех уровнях языка специальных средств вербализации эмоций, ограничивают изучение категории эмотивности лексическим уровнем (лексикоцентрический подход). Иной подход предполагает изучение всех языковых средств репрезентации эмоций. Категория эмотивности при этом охватывает эмотивные языковые единицы различных уровней.

По мнению многих лингвистов, главная трудность в исследовании эмотивности – взаимоинтерпретируемость метапонятий: номинация эмоций, выражение их словом (в терминологии Л.Г. Бабенко – лексика эмоций и эмоциональная лексика соответственно) и описание проявления эмоций в тексте или высказывании (Л.Г. Бабенко, Е.Ю. Мягкова, О.Е. Филимонова).

Большинство исследователей предпочитают связывать понятие эмотивности с оценочно-экспрессивной коннотацией единиц, выражающих эмоции, принимая за отправную точку эмотивно-прагматические характеристики данных типов слов или высказываний, в отличие от зарубежных лингвистов, склонных относить к категории эмотивности классы слов, отдельные лексемы или целые речевые акты, называющие эмоции.

Анализ литературы по данному направлению свидетельствует о существовании двух доминирующих концепций категоризации эмоций в языке.

1. *Концепция, предполагающая противопоставление языка описания, номинации и языка выражения эмоций.* Сторонники данной концепции проводят разделение рационального отражения эмоции при ее номинации и описании и эмоционального при ее выражении. При этом лексика, обозначающая эмоции, считается неактивной, не выражающей чувство, а лишь логически-холодно называющей его. В.И. Шаховский, изучая категоризацию эмоций в лексико-семантической системе языка, в частности, пишет: «Денотативным содержанием названий эмоций (дескриптивные слова) являются объективные свойства эмоций, компонента их семиологической ценности – выражения эмоционального отношения в семантике таких слов нет» [1, с. 93]. Он отмечает, что лексика, обозначающая эмоции, эмотивной не является, она – индикативная, логико-предметная. В названиях эмоций отсутствует заражающий компонент. Эмоция, обозначенная в таких словах, на уровне реализации представляет собой не непосредственное чувство, а лишь логическую мысль о нем, в то время как семантика эмотива (лексики, выражающей эмоции. – А.П.) индуцирует эмоциональное отношение к обозначаемому им объекту мира [1, с. 93–94].

Речевые акты с семантическим компонентом «Я говорю, что я чувствую» (а не «Я чувствую») А. Вежбицкая, Л.А. Пиотровская, В.И. Шаховский предлагают относить к классу декларативов, а не аффективов. Таким образом, из всего множества лексем и высказываний, в содержание которых входит отражение эмоционального состояния, ученые предлагают исследовать только те, в которых эмоциональный компонент преобладает над рассудочным.

2. *Концепция, предполагающая объединение языка выражения, номинации и описания эмоций.* При этом вся лексика и все речевые акты, имеющие своей функцией номинацию либо дескрипцию эмоций, относятся к категории эмотивности на основании присутствия в них стабильного, устойчивого, перманентного эмотивного смысла, позволяющего им репрезентировать гипотетическую эмотивную ситуацию (Л.Г. Бабенко, Е.Ю. Мягкова, О.Е. Филимонова).

Признавая, что употребление языка, номинирующего и описывающего эмоции, заметно снижает коммуникативно-эмоциональный эффект [1, с. 92–95], мы, однако, не считаем это веским аргументом против отнесения соответствующей лексики и соответствующих речевых актов к эмотивным, особенно принимая во внимание тот факт, что, представляя множество средств обозначения или описания эмоций, языковые единицы не могут не участвовать в их отображении. Лексика, номинирующая эмоции (лексика эмоций), непосредственно отражает эмоции своим значением, «она обозначает понятия об эмоциях, что и составляет ее денотативное значение» [2, с. 97]. Действительно, эмотивное значение выделяется у знаков, номи-

нирующих ту или иную эмоцию: «эта группа знаков представляет собой результат предметно-тематической классификации лексики; их объединяет то, что все они обозначают проявления эмоций и образуют соответствующую тематическую группу» [2, с. 97]. Отнесение номинативов и дескриптивов эмоций к категории эмотивности может быть оправдано наличием в их семантике идеи эмоциональности, которая способствует ассоциированию их в сознании говорящих со сферой эмоций, образуя фонд социально типизированных связей. Если при определении объема категории эмотивности отталкиваться от понятия *эмотивный смысл*, то необходимо признать, что существуют разнообразные средства репрезентации эмоций в различных условиях общения и в зависимости от намерений говорящего.

Именно э м о т и в н ы й с м ы с л позволит рассматривать следующие высказывания как репрезентирующие определенную эмоцию:

(1) *De nouveau j'éprouve cette fureur sourde.* 'Я вновь испытываю эту глухую ярость.' [НВ1, р. 118]

(2) *Je ne pus plus me retenir: je me levai et assenai un grand coup de poing sur son bureau.* 'Я больше не мог сдерживаться: я встал и ударил кулаком по столу.' [RG1, р. 35]

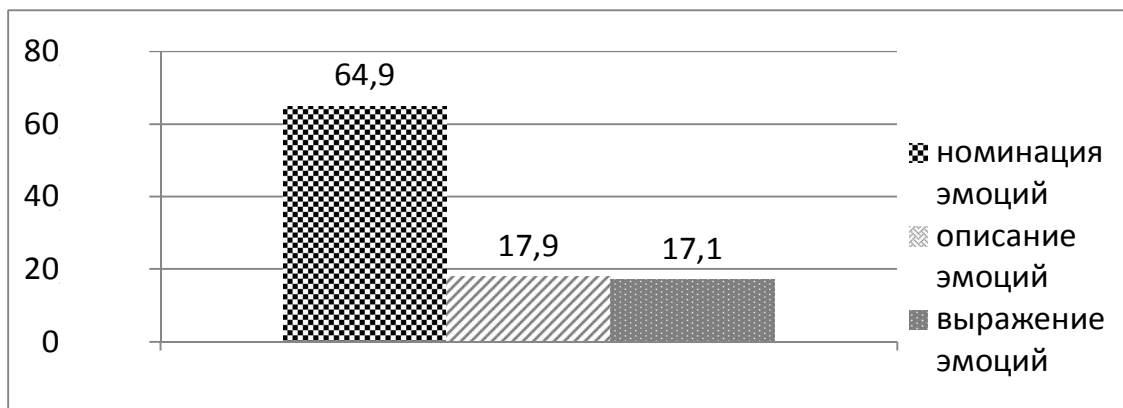
(3) – *Taisez-vous, Mme Rosa! Vous êtes complètement inculte!* '– Замолчите, Мадам Роза! Вы абсолютно ничего не понимаете!' [RG2, р. 72]

Все эти высказывания репрезентируют одну и ту же эмотивную ситуацию с доминирующей в ней эмоцией гнева вне зависимости от способа вербального отражения данной эмоции. При этом эмоция *прямо номинируется* (1), *экспрессивно выражается* (3), *описывается* внешнее проявление эмоции (2). Отвлекаясь в данном случае от идентификации адресата в каждом из примеров и от анализа явлений полифонии, можно говорить, что все приведенные примеры решают одну задачу: сигнализировать адресату о наличии эмоции у адресанта и через данный сигнал оказать на него соответствующее влияние. При этом языковые единицы, номинирующие эмоции, несут в себе цельный перманентный эмотивный смысл, не зависящий от контекста и от ситуации.

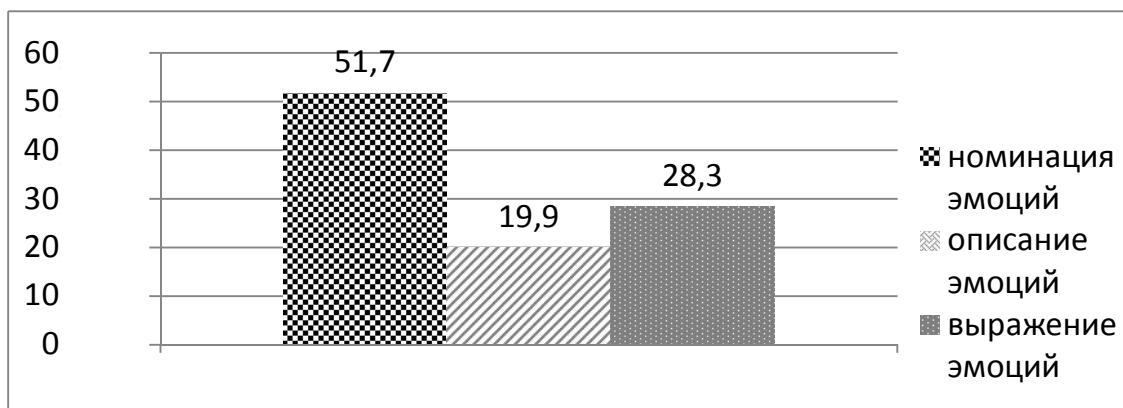
Согласно проведенному нами исследованию на материале произведений французской художественной литературы второй половины XX века, именно п р я м а я н о м и н а ц и я является самым распространенным способом лингвистического отражения эмоций. В качестве материала исследования нами были отобраны девять реалистических романов трех французских писателей второй половины XX века (Н. Bazin, R. Gary, F. Sagan) общим объемом около 1 800 печатных страниц. Каждое из произведений описывает события примерно одного временного периода (50–60-е годы XX века). При получении данных учитывались эмоции уровней персонажа и автора (общая эмотивность произведения). Приведенные данные представляют собой среднее по трем романам каждого автора значение процентного соотношения от общего объема лингвистического отражения эмоций в произведениях.

Так, в среднем, согласно данным по девяти проанализированным романам, на номинацию эмоций приходится более 50% лексической экстерриоризации эмоций (соответственно на долю экспрессивного выражения и описания внешнего протекания эмоций – менее 50% в совокупности).

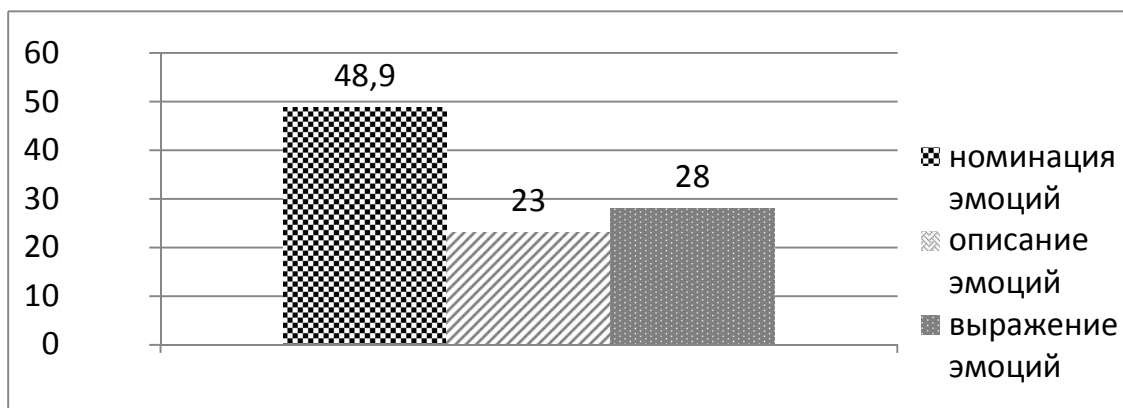
Françoise Sagan (средние данные по романам "Aimez-vous Brahms?", "Dans un mois dans un an", "Un certain sourire"), %

Romain Gary (средние данные по романам "Clair de femme", "La vie devant soi", "Au-delà de cette limite votre ticket n'est plus valable"), %

Hervé Bazin (средние данные по романам "Cri de la chouette", "Un feu dévore un autre feu", "L'église verte"), %

Действительность, описанная на страницах книги, неизбежно предстает через призму авторского замысла и видения им событий, образуя вторичную действительность, выступающую в качестве реальной в мире романа. Каждое написанное художественное слово автор «пропускает» через свое собственное «я», по-своему интерпретируя объективный ход реальности. Субъективный, направленный на автора характер художественной коммуникации, определяет особое значение, которое в рамках художественного текста приобретает лексика, номинирующая эмоции, и лексика, описывающая протекание эмоции. Так, согласно полученным нами данным в результате анализа названных французских романов, в репликах героев могут быть представлены все три типа эмотивной лексики: номинирующая, описывающая и выражающая эмоции. Авторский комментарий, как правило, позволяет присутствие лишь лексики, номинирующей и описывающей эмоции (исключение составляет речь автора-героя и несобственно-прямая речь героя).

Развернутый авторский комментарий через номинацию и описание эмоций персонажа, как следствие их распознавания, делает их осязаемыми для читателя произведения, создавая для него видимость присутствия и компенсируя таким образом недостатки опосредованного общения. При этом лингвистическое отражение эмоций выступает как «объективно существующая реальность, подобно любой другой конкретно наблюдаемой реальности» [3, с 11].

В речи действующих лиц лексика, номинирующая эмоции, – результат осознания эмоции субъектом. Лексика, выражающая эмоции, напротив, прорывается в речь в виде языкового выражения спонтанных эмоциональных состояний и реакций, являя собой самопроизвольную реакцию субъекта на результат оценки окружающего мира.

Интересен тот факт, что, несмотря на то, что в репликах действующих лиц произведения самым распространенным способом лингвистического отражения эмоций является их экспрессивное выражение (в среднем более 90% от общего объема лингвистического отражения эмоций в речи персонажей), во многих подобных случаях автор предпочитает точно определять эмоцию, дополняя выражение эмоции ее прямой номинацией либо описанием ее проявления.

Bertrand était furieux que j'eusse accepté ce manteau. Quand nous les eûmes quittés, il me fit une scène violente: – C'est absolument incroyable! N'importe qui t'offrirait n'importe quoi, tu ne refuserais pas! Tu ne serais même pas étonnée! ‘Бертран был в ярости, что я приняла это пальто. Когда мы ушли, он устроил мне ужасную сцену: – Невероятно! Непонятно кто дарит тебе непонятно что, а ты и не отказываешься! Да ты даже не удивилась!’ [FS, p. 15]

Mais Arthuro, qui s'est retourné, beugle rageusement: «Ah! non, pas de rouge avec nous! Allez au diable!» ‘Но Артуро, повернувшись, гневно проорал: «Ну уж нет! Никаких красных с нами! Пусть идет к черту!»’ [HB2, p. 20]

Полученные результаты, по нашему мнению, обусловлены конкретной, устойчивой, стабильной эмотивной семантикой слов, номинирующих эмо-

ции. Данные языковые единицы обладают большей номинативной значимостью, они дифференцированно обозначают конкретные эмотивные смыслы; «в структуре их лексического значения эмотивная сема является яркой и коммуникативно значимой, так как она зафиксирована в словарных значениях; в отличие от языковых единиц, номинирующих эмоции, семантика слов, выражающих эмоции, размыта и конкретизируется лишь в определенных контекстных условиях» [4, с. 16].

Результаты проведенного анализа показывают, что из всех типов эмотивной лексики наиболее распространенной в художественной литературе является лексика, номинирующая эмоции (более 50%). Полученные данные объясняются не только тем фактом, что лексика, номинирующая эмоции (как, впрочем, и лексика, описывающая проявление эмоции), может быть представлена в авторском комментарии, в репликах действующих лиц произведения (лексика, выражающая эмоции, прорывается лишь в речь героев), а также яркой, стабильной и контекстно независимой эмотивной семой слов, номинирующих эмоции. Автор присоединяется к концепции категоризации эмоций в языке, предполагающей объединение языка выражения, номинации и описания эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шаховский, В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – М. : ЛКИ, 2008. – 208 с.
2. *Стернин, И.А.* Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 156 с.
3. *Бабенко, Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
4. *Муллинова, Т.А.* Эмотивная лексика в художественном тексте: функционально-семантический аспект : На материале романов А. Белого "Котик Летаев" и "Крещеный китаец" : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т.А. Муллинова. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2004. – 19 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- HB1 – *Bazin, H.* Cri de la chouette / H. Bazin. – Paris : Grasset, 1972. – 283 p.
RG1 – *Gary, R.* Au-delà de cette limite votre billet n'est plus valable / R. Gary. – Paris : Gallimard, 1975. – 248 p.
RG2 – *Gary, R.* La vie devant soi / R. Gary. – Paris : Mercure de France, 1975. – 274 p.
FS – *Sagan, F.* Un certain sourire / F. Sagan. – Paris : Julliard, 1956. – 112 p.
HB2 – *Bazin, H.* Un feu dévore un autre feu / H. Bazin. – Paris : éd. de Seuil, 1978. – 223 p.

The author's point of view concerning the necessity to study the vocabulary nominating *emotions*, is supported by the data received as a result of the research, conducted on the base of French fiction related to the second half of the 20th century. So, according to the received results, more than 50 % of the lexical reflection of *e m o t i o n s* falls on the vocabulary nominating emotions (the share of language of expression and description of emotions – less than 50 % in aggregate). The obtained data could be explained not only by the fact, that the language of nomination of emotions, can be presented both in the author's comment and in the remarks of characters, whereas the language of expression of emotions occurs only in the speech of characters; but also by the bright, stable and contextually independent emotive seme of similar words.

Поступила в редакцию 28.06.11

Н.С. Радикович

РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕНОТАТИВНОЙ ОБЛАСТИ «ОЦЕНКА» В ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И СВЕРХФРАЗОВЫХ ЕДИНСТВ

В статье дается анализ *пропозициональной структуры* предложений и сверхфразовых единств с предикатами оценки и поэлементное сопоставление ее со структурой ситуации. На уровне микро- и макропропозиции предполагается наличие следующих аргументных позиций: *агентива, пациентива, инструментива, фактивива, адресатива*. При заполнении аргументных мест участниками ситуации оценки обнаруживаются существенные расхождения в структурах сигнификативной и денотативной областей семантики предложения. Обязательная позиция агентива заполняется пятью партиципантами: *субъектом, объектом, аспектом, инструментом и результатом*. В обязательной позиции пациентива могут находиться *объект, аспект и результат*. Факультативные позиции инструментива и фактивива заполняются соответственно *и н с т р у м е н - т о м и р е з у л ь т а т о м*, а в факультативной позиции адресатива оказываются в большинстве случаев участники других денотативных областей. Именно факультативные позиции (чаще – *а д р е с а т и в и ф а к т и т и в*, реже – *и н с т р у м е н т а т и в*) более тяготеют к выходу в сложные смысловые и структурные блоки, т.е. сверхфазовые единства (СФЕ).

Композиционная модель синтаксического анализа опирается на положение о неизоморфизме (автономности) денотативной и сигнификативной структур семантики предложения [1, с. 89], т.е. предполагается рассмотрение номинативной семантики предложения на двух уровнях при раздельном анализе структуры ситуации (*денотата*) и структуры пропозиции (*сигнификата*). Предлагаемая статья направлена на анализ *реляционной структуры* [2, с. 31] предложений и сверхфразовых единств (СФЕ) с предикатами оценки в современном английском языке.

В качестве с и г н и ф и к а т а предложения постулируется *пропозиция* как средство, с помощью которого человеческое сознание моделирует онтологические ситуации, делая их пригодными для обозначения языковыми средствами. П р о п о з и ц и я являет собой формально-семантическую

бинарную структуру. Она состоит, с одной стороны, из *реляционного предиката*, представляющего собой мыслительный коррелят реальных отношений действительности, а с другой – из некоторого количества *актантов* (или *релятем*, в понимании И.П. Сусова [2, с. 34]) – мыслительных коррелятов предметов объективного мира, находящихся в некотором отношении друг с другом. Таким образом, *р е л я ц и о н н ы й п р е д и к а т*, во-первых, открывает места/позиции на то или иное количество актантов, во-вторых, определяет характер связывающих их отношений, в-третьих, задает их ролевые характеристики. Иначе говоря, тип и основные характеристики предиката обуславливают сам класс пропозиции.

Но пропозициональные отношения не ограничиваются лишь рамками сентенционального уровня, они могут распределяться в том числе и между соседствующими предложениями и представлять собой *макропропозицию*. По определению Т.А. ван Дейка, *макропропозиция* «является пропозицией, выведенной из ряда/последовательностей пропозиций, выраженных предложениями дискурса» [3, с. 42, 59]. Макропропозиции управляют тематически связанными частями дискурса, именуемыми *эпизодами*. Каждый *эпизод* состоит из последовательности предложений и имеет свою макропропозицию [3, с. 62]. Специфика оценочной ситуации такова, что отдельные ее элементы выходят за пределы самостоятельного предложения и становятся частью сложного смыслового и структурного единства. В свете сказанного целесообразно проследить закономерности заполнения аргументных позиций партиципантами ситуации оценивания также и на уровне сложного синтаксического целого, или СФЕ.

Процедура идентификации типа пропозиции включает два теста: тест на ранжирование аргументов и тест на временную зависимость [4, с. 5]. Поскольку английские глаголы оценки относятся к группе акциональных глаголов (они могут употребляться в формах длительного вида, предложения с оценочными предикатами способны быть ответом на вопрос *What did somebody do?/What happened?*, в словарных дефинициях и предложениях присутствуют обстоятельства образа и интенсивности действия, времени) и для них характерна направленность отношений между аргументами пропозиции, пропозицию оценки можно определить как *векторную* (т.е. направленную динамическую).

С использованием формальных правил и приемов по разграничению функции и статуса аргументов, составленных для акциональных предложений [5, л. 27–39], было выявлено, что пропозициональная структура предполагает наличие *п я т и* функциональных *м е с т* при предикате оценки, который по признаку количества индуцируемых актантов оказывается *многоместным* (поливалентным) предикатом:

1. Позиция *агента* – это актант, занимающий позицию подлежащего при активной форме глагола. В пассивной конструкции агентив выражается предложным дополнением. Данный аргумент может отражать как одушевленного партиципанта ситуации (чаще всего человека, иногда животного),

сознательно и целенаправленно оценивающего некоторый объект, так и неодушевленного участника, способного быть инициатором действия. Например: 1) *The Air Force fighters arrived and instantly appraised the situation* (C. Cussler. Deep Six); 2) *The crabs' mouths can be seen moving from side to side, like scissors; all three survey the world with mobile eyes still lively on little stalks* (A.S. Byatt. The Chinese Lobster); 3) *One shot grazed Blair's starboard shields, and his status board lit up red as the computer assessed the power loss* (W.R. Forstchen, A. Keith. Wing Commander-3).

2. Позиция *пауциентива*, т.е. объекта – как живого существа, так и неодушевленного предмета – оценочного действия, например: 1) *Della Street, walking over to the full-length mirror, surveyed herself critically* (E.S. Gardner. The Case of the Caretaker's Cat); 2) *... it turned out people evaluate a sentence in several ways simultaneously, while it is being spoken* (M. Crichton. Prey); 3) *Historians estimate the riots took eighty million lives* (Fr. Herbert. Dune).

3. Позиция *инструментатива* – актанта, отражающего чаще всего неодушевленного, реже – одушевленного участника ситуации, с помощью которого производится оценочное действие, занимающего позицию предложного дополнения, например: 1) *He scans the horizon with a huge brass telescope* (W.S. Burroughs. Naked Lunch); 2) *... Parvati was curling her eyelashes around her wand and examining the effect in the back of her spoon* (J.K. Rowling. Harry Potter and the Order of Phoenix); 3) *Perry Mason turned to Bertha McLane, studied her with level, appraising eyes* (E.S. Gardner. The Case of the Counterfeit Eye); 4) *... he attained the ability to examine his subconscious mind by way of his dreams* (B. Daniels. Beautiful Dreamer); 5) *They just went past with a bunch of first-years, I bet they're testing stuff on them again* (J.K. Rowling. Harry Potter and the Order of Phoenix). Идентифицировать инструментатив можно при помощи подстановки словосочетаний *by means of*, *with the help of* или *using* [4, с. 11].

4. Позиция *фактивива*, представляющего собой актант, который отражает результат, конечную цель процесса оценивания. Например: 1) *He swiftly estimated the distance between the roadway and the water at 150 feet when it was actually 135* (C. Cussler. Valhalla Rise); 2) *Andrea was giving the judge the once-over as well. A prosperous looking man, clearly a professional of some sort, expensive suit, shoes and wristwatch. He might be just the individual her development office required* (D.L. Wright. Within Grasp).

5. Позиция *адресатива* – актанта, отражающего одушевленного участника ситуации, который становится получателем оценочной информации: 1) *... the boy is being detained by Canadian authorities. I'd like you to ... look into it for me as soon as possible... Everything about his situation* (D.L. Wright. Within Grasp); 2) *We're bringing Professor Weaver down from Brown to evaluate it for us* (T. Clancy. The Bear and The Dragon); 3) *Assume that this is a nationwide move on their part. Evaluate that [this sort of farming] for me, Bob* (T. Clancy. Red Storm Rising); 4) *Paul worries too much, Charlie, but he*

told me that if a No-dong so much as raises its pointy little head, we're free to do more than just a s s e s s the situation for Op-Center (Т. Clancy. Op-Centre).

Позиции агента и пациента являются обязательными, тогда как аргументные позиции инструментатива, фактитива и адресатива факультативны. Такой именной элемент, как аспект, выделенный нами на ситуационном уровне, в пропозиции зачастую изоморфен пациентиву, т.е. объект и аспект здесь отражены как один элемент. Хотя встречаются отдельные случаи, когда для автора существенным оказывается поместить этот партиципant в сирконстантную позицию цели или образа действия, тем самым актуализировав его: 1) *The Mile merchants had all been assessed accordingly for the beautification* (С. Willeford. New Hope for the Dead); 2) *There will be three tasks, spaced throughout the school year, and they will test the champions in many different ways: their magical prowess – their daring – their powers of deduction – and, of course, their ability to cope with danger* (J.K. Rowling. Harry Potter and the Chamber of Secrets). Что касается функций основания, шкалы и стереотипа, на пропозициональном уровне они в случаях своей экспликации (поскольку главным образом являются имплицитными элементами) выступают в качестве сирконстантов образа действия, а основание еще и как сирконстант причины: 3) *Then, by virtue of his appearance, his quietness, and his disinclination to join in the sixth-grade touch-football games at recess, he was judged a fag and thereafter jeered at* (P.Z. Brite. Lost Souls); 4) *By his own personal time scale, so far as he could estimate it, living as he had been under the alien rotations of distant suns, it was eight years since he had left, but what time had passed here he could hardly guess* (D. Adams. So Long, and Thanks for All the Fish); 5) *... I didn't expect the top grade, not if he's marking to OWL standard...* (J.K. Rowling. Harry Potter and the Order of Phoenix). Дополнительными элементами сигнификативной структуры, сопровождающими аргументы пропозиции, являются в том числе и такие сирконстанты, как локатив и темпоратив.

Представляя собой гносеологическую сущность, пропозиция является промежуточным звеном между онтологией и языком. Если онтологическим коррелятом пропозиции является ситуация, то ее коррелятом на языковом уровне выступает предложение. В ходе преобразования пропозиции в предложение происходит «языковление» аргументов пропозиции, придание им знакового лингвистического статуса. Таким образом, элементы пропозиции, с одной стороны, отражают элементы ситуации, а с другой – сами отражаются в формальной структуре предложения, которая определяется характером и валентностью глагола-предиката.

При заполнении аргументных мест участниками ситуации не всегда имеет место взаимно однозначное соотношение между количеством партиципантов ситуации и количеством пропозициональных актантов. Онтологические и логические характеристики репрезентируемых элементов могут совпадать, но могут также различаться [2, с. 24]. Иными словами, структура пропозиции не всегда изоморфна структуре ситуации, но между двумя

составляющими номинативной семантики предложения – денотатом и сигнификатом – могут наблюдаться значительные расхождения.

Анализ пропозициональной структуры предложений и сверхфразовых единств с предикатами оценки показал, что первую *агентивную* позицию могут занимать пять участников ситуации: *субъект, объект, аспект, инструмент* и *результат*. Случаи, когда в позиции агента находится *субъект*, свидетельствуют о совпадении ситуативной роли и аргументной функции: 1) *I see Professor Flitwick has graded you between 'Acceptable' and 'Exceeds Expectations' for the last two years...* (J.K. Rowling. Harry Potter and the Order of Phoenix); 2) *When the appraiser appraised the office furniture he put a very low value on this typewriter because it was so old...* (E.S. Gardner. The Case of the Horrified Heirs). При отражении субъекта оценки вне предложения с оценочным предикатом место инициатора действия занимают, как правило, анафорические местоимения.

Позицию агента могут также занимать имена существительные, обозначающие объекты оценки: 3) *Cutter was not abrupt, but certainly not hospitable. Chats with pushy lawyers rank low on his list of favorite chores* (J. Grisham. The Partner); 4) *I know, too, that your father rank very highly in the Berlin councils of war* (A. McLean. Bear Island). Результатом трансформации примеров 3 и 4 являются следующие предложения: *Cutter rank chats with pushy lawyers low on his list of favorite chores* и *The Berlin councils of war rank your father very highly*. В полученных предложениях комбинации *chats with pushy lawyers* и *your father* представляют собой актанты, отражающие предметы, подлежащие оценке, следовательно, в исходных предложениях данные партиципранты ситуации должны быть квалифицированы как *объекты*.

Аспект оценки, определяемый как «некоторая базовая переменная, т.е. общий признак, который включает признаки, расположенные по оценочной шкале, как части» [6, с. 61], соотнесен с дескриптивными количественными и/или качественными свойствами объекта, на котором основана оценка. Следовательно, он также может быть помещен в позицию подлежащего: 5) *... Buttercup's jealousy rate d a close fourth on the all-time list* (W. Goldman. The Princess Bride). В данном случае аспектом для параметров ревнивый/неревнивый можно считать базовую переменную «Ревность».

В позиции агента может находиться *инструмент*: 6) *One study estimates that less than five percent of bad-faith denials are ever seen by a lawyer* (J. Grisham. The Rainmaker); 7) *The year nines had to sit exams in June, which tested their knowledge of the subjects they had been taught over the course of the year* (A.J. Braithwaite. The Roman and the Runaway); 8) *Alekseyev's trained eye evaluated the exercise closely* (T. Clancy. Red Storm Rising); 9) *Insecurity tries the hero's hardest but cannot break his spirit* (B. Daniels. 'Aesop Updated'); 10) *But the thing/the most magnificent broom he had ever seen in his life/that tested Harry's resolution most appeared in his*

favorite shop, Quality Quidditch Supplies, a week after he'd arrived at the Leaky Cauldron (J.K. Rowling. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban).

Малочисленны, но встречаются случаи, когда первую позицию при предикате оценки занимает такой партиципant, как **результат**, причем подобные примеры были обнаружены лишь с глаголом *sum up*: 11) *Hagrid pointed down into the crates. 'Eurgh!' squealed Lavender Brown, jumping backward. 'Eurgh' just about summed up the Blast-Ended Skrewts in Harry's opinion. They looked like deformed, shell-less lobsters, horribly pale and slimy-looking, with legs sticking out in very odd places and no visible heads* (J.K. Rowling. Harry Potter and the Goblet of Fire).

Позиция пациентива может быть заполнена тремя участниками ситуации: объектом, аспектом и результатом. Любой объект, попадая в сферу оценочной деятельности субъекта, может оказаться не безразличным для оценки, поэтому оценочному суждению могут подвергаться как *вещественные (предметные)*, так и *невещественные (непредметные)* объекты [7]. Предметные объекты делятся на *живые* и *неживые*. К живым принадлежат человек и одушевленные представители природы, к неживым – существующие независимо от человека (природные) и созданные человеком предметы: 1) *I sat down and assessed myself* (R. Zelazny. The Guns of Avalon); 2) *He appraised the pictures that hung between the shelves, noting a fine small drawing of ships at sea and a very good Reynolds* (B. Cornwell. Sharpe's Regiment). Непредметные объекты отображают событийную и ментальную стороны жизни, к ним относятся свойства, качества, поступки, действия, процессы, изменения, события, факты, проявляющие связи и отношения между объектами реального мира, представляющие окружающее как всеобщую систему, отдельные элементы которой также подвергаются изучению и оценке: 3) *There is, of course, a possibility that Minerva did not regard her marriage to Hastings as a permanent alliance, looking upon it as a means of financial advancement* (E.S. Gardner. The Case of Daring Divorcee); 4) *He was looking out of the windows he passed, trying to gauge how much wind they were facing* (J.K. Rowling. Harry Potter and the Half-Blood Prince).

Все объекты реальной действительности наделены определенным набором аксиологически релевантных свойств. Но чаще внимание субъекта фокусируется на какой-либо «части» объекта, которая на ситуационном уровне соответствует аспекту оценки: 5) *He surveyed their appearances and both boys became conscious of their uncombed hair, hastily-done-up ties...* (A.J. Braithwaite. The Roman and the Runaway); 6) *... I've decided to assess the extent of diamond deposits in the hillsides now* (M. Crichton. Congo).

Результат оценки может быть формализован как пропозициональный пациентив только в составе сложноподчиненных предложений с придаточными дополнениями: 7) *I estimate that Colonel de l'Eclin will be here within the next two hours* (B. Cornwell. Sharp's Rifles); 8) *There was fire aboard, but the ship should not flood from the blow, the captain judged* (T. Clancy. Red

Storm Rising); 9) *As far as he could calculate he was half way between the picturesque town of Mahone Bay and the ancient settlement of Lunenburg* (B. Daniels. Beautiful Dreamer).

В позиции инструментатива встречается только инструмент оценки: 1) *Ron ... surveyed himself in the long mirror in the corner with an appalled look on his face* (J.K. Rowling. Harry Potter and the Goblet of Fire); 2) *“Harry,” said George weakly, weighing the money bag in his hands, “there’s got to be a thousand Galleons in here.”* (J.K. Rowling. Harry Potter and the Chamber of Secrets); 3) *Perry Mason frowned speculatively, as though weighing two possible plans of campaign in his mind* (E.S. Gardner. The Case of the Curious Bride); 4) *I’ve heard a lot about you from Perry Mason. I always remembered what he said about you when you’d been examining one of his clients on a sanity test* (E.S. Gardner. The Case of the Caretaker’s Cat).

Позиция фактитива занимается результатом оценки: 1) *I was talking to Christopher Robin, and he said that a Kanga was Generally Regarded as One of the Fiercer Animals* (A. Milne. Winnie-the-Pooh and All, All, All); 2) *Because no one was seriously injured, the offenders were assessed only ten penalty pounds apiece off their final stringers* (C. Hiassen. Double Whammy).

Что касается позиции адресатива, то в большинстве случаев она заполняется участниками других денотативных областей, так как операция оценивания встроена в человеческую деятельность: 1) *Daddy had Hershman from Magazine Street appraise it [the emerald necklace]* (A. Rice. The Witching Hour); 2) *I took some silver dollars down to Wulgemuth’s Coin Exchange to get them appraised* (C. Willeford. Miami Blues); 3) *He drove directly to Sutton Memorial and decided to have someone look at his leg before joining Jean and Martha* (D.L. Wright. Within Grasp). Также следует отметить и синкретизм двух семантических ролей – субъекта и адресата. Это происходит в тех случаях, когда активно действующий субъект сам совершает оценочное действие для своей дальнейшей деятельности: 4) *I assessed my damage: only a few broken ribs and a dislocated shoulder* (N.A. Collins. Sunglasses After Dark); 5) *Hermione was checking that the coast was clear for them to leave the bathroom* (J.K. Rowling. Harry Potter and the Chamber of Secrets). Но поскольку адресат не определяет ни структуры, ни основных характеристик самой ситуации оценки, мы не стали включать его в число обязательных элементов денотативного аспекта семантики предложения.

Семантические роли инструмента, результата и адресата могут быть реализованы в том числе и в макропозиции: 1) *We don’t know exactly where we are, we estimate it based on course and speed from our last position. But an approximate position isn’t good enough. We have to know exactly where we are. This is where the sextant comes in* (J.F. David. Footprints of Thunder); 2) *He seldom let a mirror go by without putting it to use, and even now – knowing he wouldn’t like what he saw – he paused and assessed his reflection. He was a sad sight, his clothes in disarray from his trip through the*

shrubbery, his face like an inept copy of its finer self (C. Barker. Coldheart Canyon); 3) *The accident reconstructionist hired by the truck's insurance company estimated my guy's speed at seventy-five, and this, of course, would've seriously hurt our case. Any jury will frown on twenty miles over the speed limit* (J. Grisham. The Partner). Это свидетельствует о том, что оценка дается для того, чтобы использовать ее в дальнейшем, «вплетать» ее в другие действия.

Таким образом, заполнение аргументных мест в пропозиции участниками ситуации оценки может быть представлено в виде следующей таблицы:

Представление партиципантов ситуации оценки в предложениях и СФЕ

Аргументы Партиципанты	Позиция агентива	Позиция пациентива	Позиция инстру- ментатива	Позиция фактитива	Позиция адресатива
субъект	+	–	–	–	–
объект	+	+	–	–	–
аспект	+	+	–	–	–
основание	–	–	–	–	–
шкала	–	–	–	–	–
стереотип	–	–	–	–	–
инструмент	+	–	+	–	–
результат	+	+	–	+	–
адресат	–	–	–	–	+

Как видно, позиции инструментатива, фактитива и адресатива заполняются только одним видом участников ситуации с определенной функциональной ролью. Это соответственно инструмент, результат и адресат. Позиции же агентива и пациентива могут быть заполнены участниками с разными функциональными ролями. Поэтому вариативность заполнения аргументных позиций определяется лишь этими двумя пропозициональными актантами.

Обязательные аргументные места агентива и пациентива всегда остаются в пределах предложения, тогда как факультативные позиции инструментатива, фактитива и адресатива могут выходить за его границы и представлять собой часть более широкого контекста, т.е. сложного синтаксического целого, или сверхфазового единства (СФЕ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Богусевич, Д.Г. Денотативные области и их отражение в предложении / Д.Г. Богусевич // Функционирование и развитие языковых систем : сб. науч. тр. / Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол.: А.П. Клименко (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1990. – С. 89–94.

2. Сусов, И.П. Семантическая структура предложения : На материале простого предложения в современном немецком языке / И.П. Сусов ; под ред. М.В. Раевского. – Тула : Тул. гос. пед. ин-т, 1973. – 141 с.
3. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т.А. ван Дейк ; сост. В.В. Петров ; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
4. Outline of the compositional syntax / D. Bogushevich [et al.] // Proceedings of the 16th Intern. Congr. of linguists, Paris, 20–25 July 1997. – Oxford, 1997. – Ser. 2: Philosophy of linguists. – P. 1–21.
5. Козлова, Л.К. Семантическая структура и текстовые функции предложений с неличными формами глагола в современном английском языке (подъязык электроники) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л.К. Козлова. – Минск, 1987. – 215 л.
6. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2006. – 280 с.
7. Чернявская, Е.А. Оценка и оценочность в языке и художественной речи : На материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А.С. Пушкина : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.А. Чернявская. – Брянск, 2001. – 270 л.

The article studies *the propositional structure* of sentences and supra-phrasal unities with *the predicates of evaluation* and the tendencies in the filling of the argument positions by the participants of the situation. The single-item juxtaposition of the relational and situational structures revealed considerable divergence between the signification and denotation fields of sentence semantics. The obligatory positions of *the Agentive* and *the Patientive* remain within the sentence limits while the optional positions of *the Instrumentative*, *the Factitive* and *the Addressative* may enter larger thematic and structural blocks, or supra-phrasal unities.

Поступила в редакцию 29.06.11

М.Н. Сидоренко

ТИПЫ ЗНАНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВАНИЙ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ

(на материале имен существительных немецкого языка)

Статья посвящена выявлению особенностей малоизученных в лингвистике взаимосвязей *целей* и *оснований* метафорических переносов имен существительных немецкого языка. Исследование показало, что в метафорических обозначениях единиц разных лексико-семантических свойств наиболее активно используются 5–7 *оснований*, которые можно охарактеризовать как *ядерные*. **Я д е р н ы е о с н о в а н и я** (*когнитивные базы*) представлены разнообразными *типами знаний*, с помощью которых можно подобрать обозначение почти для любого нового члена лексико-семантической группы.

О с н о в а н и я метафорических обозначений единиц разных лексико-семантических групп в некоторой степени совпадают, что позволяет сделать вывод о существовании в языке *нетаксономических* классов лексики.

В статье также устанавливается зависимость выбора основания метафорического обозначения не только от лексико-семантических свойств производного значения, но и от его *субкатегориальных характеристик*.

Моделирование *метафорических переносов* имен того или иного языка занимает значительное место в лингвистических работах последних десятилетий. Изучение многочисленных трудов приводит к заключению, что метафорическая модель есть трехчленное образование, состоящее из *источника*, *цели* и *основания* переноса¹. Следовательно, дать описание метафорической модели означает охарактеризовать лексико-семантические свойства *исходного* значения (имя которого переносится) и *производного* значения (на которое имя переносится), а также установить о с н о в а н и е переноса имени (или *когнитивную базу*). Каждый из названных компонентов модели может стать объектом отдельного рассмотрения, однако наиболее активно разрабатываемым аспектом, насколько позволяет судить имеющаяся в нашем распоряжении литература, является определение корреляций между и с - т о ч н и к о м и ц е л ь ю метафоры, что делает возможным установление универсальных и специфичных направлений м е т а ф о р и ч е с к и х п е р е н о с о в в разных языках [2; 3 и др.]. Очевидно, однако, что указанная связь составляет лишь одну из сторон взаимосвязей, лежащих в основе метафоры. Не менее важной, но наименее изученной и потому требующей своего анализа является взаимосвязь между основаниями и целями метафорических переносов.

То, что выбор основания метафоры обусловлен семантикой значения, требующего названия (в дальнейшем именуемого в связи со сложившейся традицией *производным значением*), не вызывает сомнения. Однако малоизвестно, какие *типы знаний* (признаки, структуры и их комбинации) особенно значимы в метафорической номинации единиц той или иной лексико-семантической группы. С одной стороны, можно предположить, что метафорические наименования единиц разных лексико-семантических групп характеризуются специфическими основаниями, поскольку значения этих единиц различаются своими составляющими, т.е. семами, или семантическими признаками. С другой стороны, так как в качестве оснований метафорических переносов используется весьма ограниченный набор т и п о в з н а н и й [4; 5; 6 и др.], высока вероятность продуктивности одних и тех же когнитивных баз в метафорических названиях единиц, относящихся к разным лексико-семантическим группам, что, в свою очередь, может свидетельство-

¹ Термины *источник* и *цель* метафоры соответствуют терминам *source* и *target* в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1] и соотносятся с исходным и метафорическим значениями соответственно.

вать как об их особой значимости для языка, так и о существовании в лексической системе *нетаксономических классов* [7, с. 74].

Основными задачами данной статьи являются: 1) определение наиболее часто используемых, т.е. наиболее значимых оснований, а следовательно, и типов знаний, в метафорических наименованиях единиц той или иной лексико-семантической группы, 2) установление сходства и различия оснований метафор разных лексико-семантических групп. Материалом исследования послужили более 3000 тысяч метафорических производных и столько же производящих значений имен существительных немецкого языка, отобранных методом сплошной выборки из десятитомного толкового словаря Duden [8].

В ходе анализа указанного языкового материала было установлено, что целями метафорического переноса могут быть единицы с разными лексико-семантическими характеристиками, например, относящиеся к ЛСГ «Человек», «Животное», «Части тела человека», «Физические состояния живых существ» и пр.¹ Однако большинство метафорических значений имен существительных немецкого языка относятся к следующим лексико-семантическим группам: «Артефакты» (24% от общего количества метафор имен существительных немецкого языка), «Человек» (12,6%), «Части артефактов» (9%), «Природные образования» (5,5%), «Социальное устройство» (5,2%), «Предметы различной формы, функции и пр.» (5%), «Произведения творческой мысли» (5%), «Части тела животных» (4%), «Части тела человека» (4%). Обращает внимание особенно большая потребность в метафорических обозначениях единиц ЛСГ «Артефакты» и «Части артефактов». Возможно, это связано с тем, что артефакты являются более широкой по сравнению с другими денотативной областью, что требует дополнительного исследования.

Как отмечается в ряде работ, в качестве оснований метафорических переносов могут использоваться самые разные типы информации: перцептивная, функциональная, локативная, структурная и др. (О.Н. Алешина, А.С. Янкубаева и др.). Полученные нами результаты позволяют уточнить как сами типы знаний, выступающие в качестве когнитивных баз метафорических переносов имен существительных, так и установить их значимость в метафорических обозначениях единиц разных ЛСГ.

Использование разнообразных типов знаний в метафорических обозначениях единиц разных лексико-семантических характеристик создает условия для формирования широкого спектра когнитивных баз, количество которых колеблется от 22 до 74 в метафорических обозначениях единиц разных лексико-семантических групп (табл. 1).

¹ Классификация лексики по лексико-семантическим группам в данной работе проводится на основании критериев, описанных в «Русском семантическом словаре» под общ. ред. Н.Ю. Шведовой, представляющий собой наиболее авторитетный современный словарь идеографического типа: Русский семантический словарь : в 6 т. / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 1998–2003. – 3 т.

Цели, количество оснований и средняя продуктивность оснований¹
метафорических переносов имен существительных немецкого языка

ЛСГ	Количество метафор	Количество оснований/ средняя продуктивность оснований	ЛСГ	Количество метафор	Количество оснований/ средняя продуктивность оснований
«Артефакты»	758	74/10	«Предметы разной функции, формы и пр.»	154	53/3
«Человек»	393	66/6	«Произведения творческой мысли»	153	28/5,5
«Части артефактов»	281	36/8	«Части тела животных»	129	29/4,4
«Природные образования»	173	35/5	«Части тела человека»	126	22/5,7
«Социальное устройство»	165	48/3,4			

Интересно, что средняя продуктивность оснований в рамках системы метафорических обозначений единиц той или иной ЛСГ является различной, тогда как можно было бы предположить, что во всех ЛСГ на одно основание в среднем приходится одинаковое количество метафор. Однако, как явствует из приведенных в табл. 1 данных, тенденция такова, что наибольшим разнообразием характеризуются группы с меньшим количеством метафор (например, «Предметы разной формы, состава и пр.») и наименее разнообразны группы с большим числом метафорических обозначений. Тем самым можно предположить, что развитие системы метафорических обозначений единиц какой-либо лексической группы происходит по следующему сценарию: сначала увеличивается количество метафор одновременно с числом оснований, затем, на каком-то этапе развития, новые метафоры возникают на основе уже имеющихся когнитивных баз, рост количества которых прекращается или замедляется.

В действительности продуктивность, а следовательно, и значимость отдельных оснований в метафорических обозначениях единиц той или иной группы не является одинаковой. Среди них выделяется ядро из 4–6 наиболее

¹ Средняя продуктивность основания показывает, сколько метафорических обозначений в среднем приходится на одно основание в той или иной лексико-семантической группе, т.е. определяется его деривационный потенциал.

активных когнитивных баз, используемых, как правило, в 60–65% случаев. Так, из 74 оснований метафорических обозначений артефактов в основном используются следующие: ‘функция’, ‘общая организация’, ‘форма’ (*der Stiefel* 1. a) *langschäftiges Schuhwerk, das meist bis zu den Knien reicht* ‘обувь с голенищами по большей части до колен’; 2. *sehr großes Bierglas in Form eines Stiefels* ‘очень большой бокал для пива в форме сапога’, – а также такие основания, как ‘целое–часть’¹, ‘форма + функция’. Ограниченность ядерных оснований позволяет говорить об особой значимости, или *салиентности*, данных типов знания в семантике описываемых единиц.

Сопоставление метафорических обозначений единиц разных лексико-семантических групп показывает, что я д е р н ы е о с н о в а н и я разных ЛСГ в большей или меньшей степени совпадают. Так, например, семантические признаки ‘форма’ и ‘функция’ входят в число продуктивных когнитивных баз метафорических наименований единиц самых разных лексико-семантических характеристик (табл. 1–4). Тождество оснований, в свою очередь, указывает на релевантность одинаковых типов знания в семантике разных единиц, что позволяет предположить сходство в *нетаксономической* категоризации данных объектов носителем языка. Так, на основании совпадения ядерных оснований восемь из девяти анализируемых лексико-семантических групп объединяются в три большие г р у п п и р о в к и : 1) «Артефакты» и «Природные образования», 2) «Части тела человека», «Части тела животных», «Части артефактов», «Предметы разной формы, функции и пр.», 3) «Произведения творческой мысли» и «Социальное устройство». При общем совпадении типов оснований анализируемых лексико-семантических групп следует отметить своеобразие когнитивных баз метафорических наименований человека, что можно объяснить семантикой одушевленного имени. Сопоставление лексико-семантических и *субкатегориальных характеристик* приводит в дальнейшем к выводу о том, что при выборе основания метафорического обозначения значительную роль играют следующие семантические оппозиции: конкретность – абстрактность, одушевленность – неодушевленность, человек – нечеловек, а также часть – целое, указывающая на принадлежность к общекатегориальному лексическому классу меронимов (наименований частей).

Переходя к анализу тождественных элементов знаний, эксплицируемых посредством метафоры в единицах разных ЛСГ, отметим, что даже среди ядерных оснований можно выделить наиболее распространенные, а следовательно, и наиболее значимые. В этом отношении интересно также проследить совпадение значимости ядерных единиц в выделенных группах. Например, метафорическим обозначениям артефактов и природных образований

¹ К примеру, *der Apparat* 1. a) *aus mehreren Bauelementen zusammengesetztes technisches Gerät, das bestimmte Funktionen erfüllt* ‘технический прибор, состоящий из многих деталей, выполняющий определенные функции’; 3. *Fachspr.* a) *Zusammenstellung von Büchern als Hilfsmittel für eine wissenschaftliche Arbeit* ‘подборка книг в качестве вспомогательного средства для научной работы’). Более подробно о данном типе оснований см. [9].

свойственна корреляция не только в ядерных основаниях, но и в некоторой степени в их релевантности (табл. 2), что позволяет говорить о высокой степени сходства в нетаксономической категоризации данных лексико-семантических групп.

Т а б л и ц а 2

Ядерные мотивировочные признаки метафорических обозначений артефактов и природных образований

«Артефакты»	Количество	«Природные образования»	Количество
1. 'форма'	241	1. 'форма'	38
2. 'функция'	164	2. 'общая организация'	20
3. 'общая организация'	50	3. 'функция'	16
4. 'целое–часть'	39	4. 'локативность'	10
5. 'форма + функция'	33	5. ¹ 'форма + функция'	9
		5. 'целое–часть'	9

Как явствует из приведенных в таблице данных, наиболее релевантным типом знания в значениях наименований артефактов и природных образований является перцептивный признак 'форма' (см. *der Stiefel; der Trichter* 1. ... Gerät von konischer Form, das an seinem unteren Ende in ein enges Rohr übergeht 'предмет конической формы, переходящий в трубку своей нижней части'; 4. *Geogr.* Krater eines Vulkans → trichterförmige... Öffnung 'кратер вулкана → воронкообразное отверстие'). Особенно интересно это наблюдение на фоне того, что семантический признак 'функция' представляет собой обязательный компонент семантики артефактов [10, л. 44], из чего можно было бы сделать предположение об их более высокой активности в роли оснований. Однако, по-видимому, при метафорической номинации носителям языка удобнее использовать визуальное сходство между двумя денотатами, нежели функциональное.

Значительные совпадения в эксплицируемых типах знания и их значимости выявляют и метафорические наименования частей. Следует подчеркнуть, что принадлежность к классу меронимов обуславливает их большее сходство друг с другом, чем с метафорическими обозначениями единиц их собственных денотативных областей, например, «Частей артефактов» с «Артефактами» (табл. 2). Все это позволяет сделать вывод о том, что меронимы распределяются носителем языка в большинстве случаев по одинаковым нетаксономическим классам.

¹ Одинаковый порядковый номер в ранжировании означает, что в проанализированном материале было найдено одинаковое количество метафор с данными когнитивными базами.

Основания метафорических обозначений частей тела человека, частей тела животного, частей артефактов и предметов разной функции, формы и пр.

«Части тела человека»	«Части тела животного»	«Части артефактов»	«Предметы разной функции, формы и пр.»
1. 'форма' (37) ¹	1. 'форма' (23)	1. 'форма' (65)	1. 'форма' (32)
2. 'часть–целое + форма' (27)	2. 'часть–целое + форма' (17)	2. 'часть–целое + форма' (30)	2. 'функция' (18)
3. 'общая организация' (11)	3. 'функция' (13)	2. 'функция' (30)	3. 'ценность' (13)
4. 'часть–целое + локативность' (9)	3. 'часть–целое + локативность' (13)	2. 'часть–целое + локативность' (30)	4. 'качество' (10)
	5. 'часть–целое + структура' (10)	5. 'часть–целое + функция' (19)	4. 'часть–целое + локативность' (10)
			4. общая организация (10)

Как следует из анализа данных, приведенных в таблице, к ядерным когнитивным базам могут относиться и такие сложные комбинации элементов, как 'часть–целое + форма', 'часть–целое + локативность' и др., что и формирует своеобразие данной группы: 'часть–целое + форма' – *der Schnabel* 1. 'клюв' 5. *Musik schnabelförmiges Mundstück bei bestimmten Blasinstrumenten* 'мундштук некоторых музыкальных инструментов в форме клюва'; 'часть–целое + локативность' – *der Rüssel* 1. a) *zu einem röhrenförmigen, zum Tasten, auch Greifen dienenden Organ ausgebildete Nase bei manchen Säugetieren* 'нос некоторых млекопитающих, преобразовавшийся в трубообразный орган, служащий для осязания и хватания'; 2. *salopp* 1a) *Geruchsorgan (von Menschen u. Tieren)* 'орган обоняния (человека и животных)'.

Сходство салиентных признаков, с одной стороны, и разная их значимость, с другой, характеризуют лексико-семантические группы «Социальное устройство» и «Произведения творческой мысли». Среди когнитивных баз их метафорических обозначений очень незначительную роль играют перцептивные признаки, в то время как увеличивается значимость и разнообразие когнитивных оснований, представляющих собой структуры (например, 'часть–целое' – *die Schicht* 1. *in flächenhafter Ausdehnung in einer gewissen Höhe über, unter od. zwischen anderem liegende einheitliche Masse* 'плоская однородная масса, находящаяся на определенной высоте над, под или между чем-то другим'; 2. *Gesellschaftsschicht* 'слой общества', 'субъект–предикат–объект–результат' – *die Interferenz* 1. *Physik Überlagerung beim*

¹ В скобках указано количество метафор с данным основанием.

Zusammentreffen zweier od. mehrerer Wellenzüge ‘наложение двух или более волн при встрече’; 3a) Einwirkung eines sprachlichen Systems auf ein anderes... ‘воздействие одной языковой системы на другую’).

Т а б л и ц а 4

Мотивировочные признаки метафорических обозначений социального устройства и произведений творческой мысли

«Социальное устройство»	«Произведения творческой мысли»
1. ‘субъект–предикат–объект–результат’ (23)	1. ‘целое–часть’ (31)
2. ‘форма’ (14)	2. ‘часть–целое’ (18)
2. ‘целое–часть’ (14)	3. ‘функция’ (15)
4. ‘движение’ (13)	4. ‘субъект–предикат–объект–результат’ (13)
5. ‘функция’ (12)	4. ‘общая организация’ (13)
6. ‘часть–целое’ (8)	

Увеличение значимости структур и уменьшение релевантности перцептивных признаков в роли когнитивных баз, на наш взгляд, является следствием увеличения числа лексики с абстрактной семантикой.

Как отмечалось выше, когнитивные базы метафорических обозначений человека характеризуются своеобразием по сравнению с другими ЛСГ, что объясняется, по нашему мнению, отнесенностью его к классу живых существ. Так, наиболее частыми элементами знания о человеке, эксплицируемыми с помощью метафоры, являются: ‘поведение’, ‘функция’, ‘качество’, ‘оценка’, ‘отношение’, ‘размер’ (‘поведение’ – *der Diplomat* 1. höherer Beamter im auswärtigen, diplomatischen Dienst, der bei einem fremden Staat akkreditiert ist u. dort die Interessen seines Landes vertritt ‘высший служащий в иностранной дипломатической службе, аккредитованный иностранным государством и представляющий там интересы своей страны’; 2. jmd., der geschickt u. klug taktiert, um seine Ziele zu erreichen, ohne andere zu verärgern ‘тот, кто умело ведет тактическую игру, чтобы достичь своих целей, не вызвав неудовольствия других’; ‘качество’ – *der Fuchs* ‘лиса’ 1. kleineres Raubtier mit rötlich braunem Fell, spitzer Schnauze, großen, spitzen Ohren u. buschigem Schwanz; 3. ugs. durch seine Schläue u. Gewitztheit andern überlegener Mensch ‘человек, превосходящий других в хитрости и ловкости’).

Метафора служит в данном случае механизмом отнесения человека к классу действующего субъекта, в деятельности которого могут проявляться его душевные качества, оцениваемые по шкале «хорошо-плохо». Кроме того, обращает на себя внимание и то, что в метафорических обозначениях человека роль перцептивных признаков незначительна, т.е. значимость данного типа информации для семантики единиц данной ЛСГ не является

ведущей. Перечисленные типы знания, эксплицируемые в метафорических обозначениях человека, составляют своеобразие единиц данной группы, отличающимися их даже от метафорических наименований животных, что, перефразируя Р. Ладо [11, с. 54], «пусть только в виде намека», указывает на различия в категоризации человека и животного, позволяя тем самым говорить о существовании в языке противопоставлении *человек – нечеловек*.

Таким образом, при исследовании метафорических обозначений разных ЛСГ привлекает внимание разнородность типов знаний, реализуемых в ядерных основаниях переноса. Так, к ним может относиться только один перцептивный признак ('форма' или 'размер'), или только одна разновидность предикатно-аргументных отношений ('субъект–предикат–объект–результат'). По-видимому, благодаря этому обстоятельству данные элементы и выполняют свою роль ядерных оснований, с помощью которых можно подобрать обозначение почти для любого нового члена лексико-семантической группы.

В ходе исследования было также установлено, что выбор мотивировочного признака для метафорического обозначения зависит не только от лексико-семантической отнесенности производного значения, но и от его субкатегориальных характеристик, таких, как конкретное – абстрактное, одушевленное – неодушевленное, человек – нечеловек, или принадлежности к семантическому классу меронимов. Это, в свою очередь, согласуется с утверждением З.А. Харитончик о том, что в выборе лексических единиц, вовлекаемых в процессы семантической деривации, значительную роль играют не только их индивидуальные, но и общекатегориальные и субкатегориальные характеристики [7, с. 72].

За всем многообразием метафорических переносов скрывается ограниченное количество определенных тенденций, изучение которых играет ключевую роль в познании механизмов метафорической номинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. А.Н. Баранова. – М. : УРСС, 2004. – 256 с.
2. *Скляревская, Г.Н.* Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская ; отв. ред. Д.Н. Шмелев. – СПб. : Наука, 1993. – 151 с.
3. *Лещева, Л.М.* Лексическая полисемия в когнитивном аспекте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Л.М. Лещева. – Минск, 1997. – 232 л.
4. *Алешина, О.Н.* Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О.Н. Алешина ; Новосибирский гос. ун-т. – Томск, 2008. – 51 с.

5. Янкубаева, А.С. Метафорическая актуализация параметрального признака в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.С. Янкубаева. – Горно-Алтайск, 2005. – 171 л.
6. Патейчук, Н.Ф. Связующие компоненты, типы и свойства семантических структур многозначных слов : На материале имен существительных современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.Ф. Патейчук. – Минск, 2010. – 149 л.
7. Харитончик, З.А. Нетаксономические классы в деривационных процессах / З.А. Харитончик // Когнитивные исследования языка : сборник материалов Международного конгресса по когнитивной лингвистике / Ин-т языкознания РАН, Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина ; редкол. Е.С. Кубрякова [и др.]. – Тамбов, 2010. – С. 72–74.
8. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache : in 10 Bd. [Electronic resource]. – Elektronische Datei (576 Mb). – Mannheim : Bibliogr. Inst. und F.A. Brockhaus AG, 2000. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
9. Сидоренко, М.Н. Меронимо-холонимические структуры как основания метафорического переноса (на материале имен существительных немецкого языка) / М.Н. Сидоренко // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2010. – №4(47). – С. 56–65.
10. Олейник, М.И. Семантика предметных имен : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. / М.И. Олейник. – Минск, 2001. – 126 л.
11. Ладо, Р. Лингвистика поверх границ и культур / Р. Ладо // Новое в зарубежной лингвистике: контрастивная лингвистика ; под общ. ред. В.Г. Гака. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. 25. – С. 32–62.

The article focuses on the description of the relationship between cognitive grounds and targets of the metaphor on the data of German nouns. The lexical system of the language has a nucleus of cognitive grounds for metaphoric nomination of each lexical class. Cases of their overlapping indicate the existence of non-taxonomic lexical classes in the language and reveal the role of subcategories of metaphoric meanings in the selection of the cognitive grounds.

Поступила в редакцию 05.07.2011

А.У. Таболіч, Д.А. Чарток

ГІСТАРЫЧНЫЯ РЭАЛІІ Ў МІЖМОЎНАЙ КАМУНІКАЦЫІ (на матэрыяле англійскай і беларускай моў)

У артыкуле супастаўляюцца *гістарычныя рэаліі* англійскай і беларускай моў і аналізуюцца спосабы іх перадачы з адной мовы на другую. *Г і с т а р ы ч н ы я р э а л і і* (словы і словазлучэнні) займаюць значнае месца сярод рэалій кожнага этнасу і складаюць даволі вялікую частку іншых рэалій (этнаграфічных, бытавых, анамастычных, асацыятыўных і да т.п.). Спосабы іх перакладу залежаць ад жанру літаратуры, дзе яны выкарыстоўваюцца, ад структуры адзінкі, ад яе самабытнасці і прыналежнасці да падгрупы рэалій.

Найбольш ужывальнымі спосабамі перадачы гэтых лексічных адзінак з'яўляюцца практычная транскрыпцыя, транслітарацыя з паралельным тлумачэннем, калькаванне, функцыянальны аналаг. Перакладу гістарычных рэалій варта ўдзяляць вялікую ўвагу, паколькі яны прысутнічаюць у розных відах дыскурсу і займаюць значнае месца ў навучальным працэсе. Іх супастаўленне мае значэнне і для параўнальнай лінгвістыкі.

Рэаліі – адна з тых лексічных адзінак, якія знаходзяцца ў цэнтры ўвагі перакладчыкаў і тэарэтыкаў перакладу. Праблемы, што хвалююць навукоўцаў, – статус і класіфікацыі рэалій, спосабы іх перакладу з адной мовы на іншыя. У гэтым і заключаецца актуальнасць нашага артыкула.

Рэаліі ўключаюцца некаторымі даследчыкамі ў поле безэквівалентнай лексікі [1, с. 89]. Сярод іншых адзінак гэтага поля яны вылучаюць неалагізмы, асацыятыўную лексіку і іншыя.

Спецыфіка англійскай і беларускай моўных сістэм абумоўлена як *інтралінгвістычнымі*, так і *экстралінгвістычнымі* фактарамі. Сярод першых можна назваць наступныя: словаўтварэнне, валентнасныя магчымасці слова, спосабы ўтварэння складаных слоў, асаблівасці значэння розных часцін мовы і іншыя. Сярод *экстралінгвістычных* фактараў – рознае члянэнне англійскай і беларускай мовамі прасторы і часу.

На сённяшні дзень існуюць розныя падыходы да класіфікацыі рэалій, але нам падаюцца найбольш цікавымі падыходы С. Влахава, С. Фларына і В.С. Вінаградава [2; 3]. Менавіта яны прапануюць тэматычны прынцып. Дапаўняе гэтую класіфікацыю В.С. Вінаградаў, які выконвае даследаванне на матэрыяле іспанскай мовы. Ён вылучае наступныя групы рэалій: бытавыя, этнаграфічныя і міфалагічныя, прыродныя, дзяржаўна-адміністрацыйныя, рэаліі грамадскага жыцця, анамастычныя і асацыятыўныя [3, с. 104–110].

Што датычыцца *гістарычных рэалій*, то яны не вылучаюцца ў асобную групу, але іх можна знайсці амаль у кожнай з названых груп.

Гісторыя любой краіны ахоплівае розныя бакі жыцця і звязана не толькі з падзеямі, але і з іншымі сферамі чалавечага існавання. У слоўніках гістарычных словы-рэаліі пазначаюцца як *gicm./hist.* або *ўcm./dated* [4; 5]. Але не кожнае ўстарэлае слова адносіцца да гістарычнай лексікі, таксама як і не кожнае гістарычнае слова стала ўстарэлым. Напрыклад, геаграфічныя назвы *Галіцыя*, *Сарматыя*, *Caledonia* пазначаны ў слоўніках як гістарычныя, але гэта не значыць, што яны выйшлі з ужытку ў гістарычнай літаратуры. Устарэлае слова *spenser* 'ліфчык' не мае прамога дачынення да гісторыі, у той час як *Scottish ell* 'шатландскі эль' (мера даўжыні) пазначаны як гістарычная адзінка.

Гісторыя Беларусі і Вялікабрытаніі складвалася па-рознаму, не гаворачы ўжо пра іншыя англамоўныя краіны, далёкія ад Беларусі ў часе і прасторы. Што нас лучыла з Брытанскімі астравамі, дык гэта кельты, якія вандравалі па заходне-паўднёвай тэрыторыі нашых зямель, а пасля з Еўропы перасяліліся на поўнач; іміграцыя скотаў у Беларусь у XVI–XVII ст., Першая сусветная вайна, якую Брытанія абвясціла Германіі ў жніўні 1914 г.

[6, с. 162]; Другая сусветная вайна, калі ў маі 1942 г. быў адкрыты Другі фронт. Гэта не магло не адлюстравана на гістарычнай лексіцы абедзвюх моў.

Да бытавых рэалій гістарычнага характару можна аднесці словы *маёнтак, андарак, медавуха; shepherd's pie, Norfolk jacket*; да этнаграфічных – *дрыгавічы, ваўкалак; Picts, Jutes, Beowulf*; да дзяржаўных і грамадскіх – *войт, навет; shire, yeoman*; да анамастычных – *Грунвальд, тэатр Агінскага; Waterloo, the Globe*; да асацыятыўных – *як швед пад Палтавай, вазіць кафлю ў Нясвіж; Cheshire cat, to carry coals to Newcastle*.

Мэтай нашага даследавання было прааналізаваць слоўнікі (тлумачальныя, гістарычныя, краіназнаўчыя), вылучыць найбольш цікавыя гістарычныя рэаліі з пункту гледжання перакладу і разгледзець спосабы іх перадачы з адной мовы на другую. Матэрыялам для даследавання сталіся розныя крыніцы (слоўнікі, падручнікі, Інтэрнэт і г. д.) [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

Спосабы перадачы рэалій на іншыя мовы не перастаюць цікавіць навукоўцаў. Найбольш рапаўсюджаныя спосабы перадачы рэалій з адной мовы на іншую – практычная транскрыпцыя, транслітарацыя, *калькаванне*, функцыянальны *аналаг, апісанне, каментар*. Кожны з іх мае свае асаблівасці, перавагі і недахопы. Напрыклад, захапленне транскрыпцыяй прыводзіць да празмернага ўжывання экзатызмаў, і тады часта даводзіцца дадаваць паралельнае тлумачэнне. З іншага боку, гэты спосаб дае магчымасць чытачу адчуць каларыт мовы-арыгінала. А перакладчыку трэба шукаць “залатую сярэдзіну”.

К а л ь к а в а н н е, якое выглядае як літаральны пераклад з некаторымі трансфармацыямі, найчасцей выкарыстоўваецца пры перадачы словазлучэнняў, прымавак, прыказак і г. д.

А н а л а г больш падыходзіць для перадачы рэалій з мастацкіх твораў. Ён называе паняцце, хаця адрозненні паміж словам арыгінала і словам у перакладзе відавочныя.

А п і с а н н е заўжды шырэйшае чым слова арыгіналу, яно тлумачыць з’яву, але не можа быць выкарыстаным ва ўсіх відах дыскурсу. Напрыклад, у перакладах пазіі апісальны спосаб сустракаецца вельмі рэдка.

К а м е н т а р звычайна падаецца ў дужках у перакладных слоўніках, у зносках – у мастацкай літаратуры або ў канцы кнігі.

Пры перадачы рэалій, таксама як і іншых лексічных адзінак, адбываюцца розныя *граматычныя трансфармацыі* – перастаноўка слоў, змена часціны мовы, замена англійскага прыназоўніка на адпаведны склон ў беларускай мове і наадварот, апушчэнне і г. д.

Выбар спосабу перадачы рэалій залежыць ад некаторых экстралінгвістычных фактараў, ад месца фіксацыі рэаліі ў слоўніках і яе функцыянавання (вучэбны або прафесійны пераклад). Спосаб перадачы рэаліі таксама залежыць ад віду рэаліі і дыскурсу. Напрыклад, экзатызмы часцей перадаюцца праз транскрыпцыю або транслітарацыю, міфалагічныя рэаліі могуць мець розныя адпаведнікі ў слоўніку і мастацкім тэксце (*хатнік* ‘hut goblin’, ‘sprite’).

Пачнём з рэалій, звязаных з гістарычнымі падзеямі краіны, пераклад якіх выклікае значныя цяжкасці. Тут акрамя калькавання ў пераможку з транскрыпцыяй/транслітарацыяй патрабуецца каментар. Таму пры перакладзе рэаліі *Бітва на Нямізе* ‘the Battle of Niamiha’ трэба патлумачыць чытачу, што бітва адбылася ў 1067 г. недалёка ад Мінска на рацэ Няміга, дзе былі пераможаны татараманголы. Дарэчы, складанае слова *татараманголы* прынята перадаваць адным словам ‘Tatars’ [14, с. 93]. Назвы бітваў у англійскай мове маюць заўжды аднолькавую структуру (назоўнік + прыназоўнік of + назоўнік), а ў беларускай мове назіраецца варыятыўнасць ва ўжыванні прыназоўнікаў (*the Battle of Britain* ‘бітва за Англію’, *the Battle of the Boynе* ‘бітва на рацэ Бойн’, *the Battle of Waterloo* ‘бітва над Ватэрлоа) або наогул перадаецца без прыназоўніка (*the Battle of Trafalgar* ‘Трафальгарская бітва’). Іншыя падзеі таксама перакладаюцца пры дапамозе калькавання, як напрыклад, *Вялікая Айчынная вайна* ‘the Great Patriotic War’; *the War of the Roses* ‘вайна Пунсвай і Белай Ружы’..

З гістарычнымі падзеямі ў жыцці краіны звязаны і нацыянальныя святы, назвы якіх перадаюцца таксама спосабам калькавання – *Дзень Незалежнасці* ‘Independence Day’; *Remembrance Day* ‘Памінальны дзень’ або ўжываецца транскрыпцыя/транслітарацыя – *Дзяды* ‘Dziady’; *Guy Fawkes Day* ‘Дзень Гая Фокса’.

Вялікую групу гістарычных рэалій складаюць этнаграфічныя, якія звычайна перадаюцца пры дапамозе граматычнай калькі або маюць два варыянты перадачы (калькаванне і транслітарацыя). Напрыклад: *радзімічы* ‘Radzimichans’, *крывічы* ‘Kryvichans/Kryvichy’, Scots/Scotsmen ‘шкоты/шоты’, *Celts* ‘кельты’, *Picts* ‘пікты’. Пра беларускіх шкотаў ёсць артыкул ў нацыянальнай гістарычнай энцыклапедыі, дзе гаворыцца, што шатландцы перасяліліся ў Рэч Паспалітую, часткай якой была Беларусь, ў XVI–XVII ст. як гандляры або салдаты [9, с. 216]. Да этнаграфічных рэалій належаць і назвы казачных істот, легендарных мясцін, бостваў і г.д. Тут адбываюцца запазычанні праз спосаб практычнай транскрыпцыі або транслітарацыі (*гоблін* ‘goblin’, *Пярун* ‘Piarun’), або падбіраецца аналаг (*вадзянік* ‘watersprite’, *асілак* ‘asilak’). Легендарныя мясціны патрабуюць паралельнага тлумачэння (*Белая вежа* ‘White Tower, constructed in the 13th century as a defensive building not far from Brest’; *Stonehenge* ‘Стоўнхэндж, адзін з самых вядомых кромлехаў 1900–1600 г. да нашай эры’; *Burns’ Cottage* – ‘катэдж Бёрнса, дом-музей Роберта Бёрнса ў г. Элаўэй’).

Адміністрацыйныя адзінкі і назвы дзяржаўных устаноў мяняліся на працягу гісторыі часцей у Беларусі, якая была часткаю Расіі і Польшчы, а таму такія назвы перадаюцца звычайна з той мовы, якая прынесла іх на нашу зямлю (*губернія* ‘gubernia’, *гміна* ‘gmina’, *сойм* ‘sejm/soym’). Вялікая непаслядоўнасць назіраецца пры перадачы гістарычнай назвы, якая ўключае слова *княства*. Калі гэта *Вялікае Княства Літоўскае*, то ўжываем традыцыйны пераклад, які прысутнічае на старажытных картах – *The Grand Duchy of Lithuania*, у іншых выпадках ужываецца слова *Principality (Polatsk*

Principality). І тое, і другое з'яўляюцца аналагамі, і то даволі далёкімі, бо англійскае слова *duke* азначае 'герцагства', а *principality* 'уладанне прынца'.

Грамадзянскія пасады і прафесіі, тытулы і званні, што існавалі раней, звычайна маюць слоўнікавы адпаведнік (*стараста* 'starosta', *гетман* 'hetman'; *уеоман* 'лейб-гвардзеец', *reeve* 'аканом'), перадаюцца яны, як правіла, спосабам транскрыпцыі/транслітарацыі або калькаваннем ці аналагам (*Народны паэт Беларусі* 'People's Poet of Belarus', *войт* 'voit'). Тое ж адбываецца і з назвамі арганізацый і іх сяброў (*Беларуская цэнтральная рада* 'Belarusian Central Council', *камсамалец* 'Komsomol member'; *the Labour Party* 'Лейбарысцкая партыя', *Whig* 'член партыі вігаў'). Галоўныя воінскія, міліцэйскія або паліцэйскія падраздзяленні ніколі не перадаюцца аналагам (*міліцыя* 'militia', *паліцыя* 'police'), за выключэннем слова *партызан*, якое звычайна перадаецца праз слова італьянскага паходжання *guerilla*. Асабліва цяжкімі для перакладу з'яўляюцца юрыдычныя пасады, англійскія, у прыватнасці. Яны часта маюць некалькі значэнняў, адно з іх звычайна адносіцца да гісторыі. Напрыклад, *attorney* мае два значэнні: '1. давераны і 2. аторней, павераны (назва адменена ў 1873 г.)'. Слова *bailiff* ужываецца ў наступных значэннях: '1. бейліф, судовы прыстаў; 2. аканом (маэнтка); 3. бейліф (адзін з двух старшыняў заканадаўчай асамблеі на астравах Джэрсі і Гернсі)'.

Анамастыка (тапонімы, антрапонімы) таксама мае дачыненне да гісторыі. Што датычыцца тапонімаў, то некаторыя з іх і засталіся ў гісторыі, бо цяпер няма тых аб'ектаў, якія яны называюць, або былі перайменаваны. Напрыклад, рака Нёман мела назву *Хронус*. Што датычыцца брытанскіх назваў, то яны захавалі сваё старажытнае імя, нават калі яно не вельмі мілагучнае (*Oxford* – *Оксфард* 'пераход для валоў'). А беларускія гарады і вёскі пераназываліся па некалькі разоў па розных прычынах (*Бярэсце*, *Гародня*, *Менск*, *Прапойск/Светлагорск*, *Пляцянiчы/Чырвонае Сяло*). Перадача тапонімаў ідзе праз транскрыпцыю з англійскай мовы (за выключэннем традыцыйных назваў, як напрыклад, *Cambridge* 'Кембрыдж', а не 'Кэймбрыдж'). Праўда, апошнім часам з'яўляюцца новыя словы для перадачы некаторых тапонімаў (*Hull* 'Хал' замест *Гуль*, *Manchester* 'Мэнчыстар' замест *Манчэстэр*). Перадача брытанскіх тапонімаў адбываецца рознымі спосабамі, але на сённяшні дзень найбольш ужывальны спосаб – практычная транскрыпцыя. Праўда, па прычыне пэўных фанетычных законаў маюць месца пераносы націска *Liverpool* [ˈlɪvəpu:l] 'Ліверпўль', або атрымоўваецца змешаная перадача (*London* 'Лондан').

Імёны, звязаныя з гісторыяй, маюць традыцыйныя адпаведнікі (*James I* 'Якаў I', а не *Джэймс I*, *William the Conqueror* 'Вільгельм Заваёўнік', а не *Уільям*, *Robin Hood* 'Робін Гуд', а не *Худ*, *Shakespeare* 'Шэкспір', а не *Шэйкспір*). Гістарычныя імёны навейшай гісторыі (XIX ст.) перадаюцца ўжо спосабам транскрыпцыі/транслітарацыі (*Thatcher* 'Тэтчар', *Thomas Dylon* 'Томас Дылан'). З цягам часу некаторыя прозвішчы змяніліся ў беларускім перакладзе (*Newton* 'Ньютан', а не *Неўтан*, як было раней).

Беларускія гістарычныя імёны перадаюцца звычайна спосабам транслітарацыі з беларускай або з польскай, літоўскай, рускай моў (*Міндоўг* ‘Mindouguś’, *Міцкевіч* ‘Mickiewicz’, *Сянега* ‘Sapieha’, *Іван Грозны* ‘Ivan the Terrible’). Часта выкарыстоўваецца беларуская лацінка (*Гарэцкі* ‘Harecki’). Складаныя імёны тыпу *Кірыла Тураўскі*, *Давыд Гарадзенскі* перадаюцца двайным спосабам – транслітаруюцца (*Kiryła Turauski*) або перадаюцца змешаным спосабам (*Cyril of Turau*). Трэба таксама ўзгадаць і мянушкі, якія часта пазначаюцца як размоўныя або паэтычныя. Яны адносяцца таксама і да найбольш папулярных тапонімаў. Перадаюцца яны звычайна пры дапамозе калькавання або змешаным спосабам, але заўжды з паралельным тлумачэннем. Некалькі прыкладаў: *Bard of Avon* ‘бард з берагоў Эйвана’ (Шэкспір), *Athenes of the North* ‘Паўночныя Афіны’ (Эдынбург), *Avalon* ‘востраў Авалон’ (“зямны рай” кельцкіх паданняў), *беларускі пясняр* ‘Belarusian Bard’ (poet Yanka Kupala), *беларуская Швейцарыя* ‘Belarusian Switzerland’ (Lahoisk Area).

Назвы газет, часопісаў, кніг і г.д. звычайна перакладаюцца, часам падаецца паралельна практычная транскрыпцыя: “*Гоман*” – “*Homan*”, ‘*Glamour*’; “*Наша ніва*” – “*Nasha Niva*” ‘*Our Cornfield*’; “*The Daily Worker*” – “*Дэйлі Уоркер*”; “*Пінская шляхта*” “*Gentry of Pinsk*”; “*The Thorn Birds*” “*Птушкі на цернях*”). Назва твора, дарэчы, можа мець некалькі варыянтаў перакладу (“*Знак бяды*” – “*Sign of Misfortune*”, “*Portent of Disaster*”; “*She Walks in Beauty*” – “Яна нясе красу сваю”) [14, с. 20–21].

Бытавыя рэаліі – тая частка лексікі, якая прысутнічае ў розных дыскурсах: па-першае, у мастацкай літаратуры гістарычнага характару, дзе апісваюцца побыт і традыцыі народа, па-другое, у музеях, па-трэцяе, у турыстычнай літаратуры. Трэба адзначыць, што апошнім часам у Беларусі адраджаюцца старажытныя кулінарныя стравы і напоі, і такія назвы даводзіцца перакладаць для меню (*вантрабянка*, *зацірка*, *мачанка*, *зуброўка*).

Не ведаем, ці заклапочаны сваімі старажытнымі стравамі брытанцы, але ў турыстычнай кнізе “*The Scottish Borders*” шматлікія гатэлі і кавярні прапануюць стравы хатняга прыгатавання накшталт *haggis* ‘хэгіс’, *shepherd’s pie* ‘пірог пастуха’, *angels-on-the-horseback* ‘анёлы на конях’, *muffin*, якія маюць аналагі ў беларускай мове – *напіханы і адвараны трыбух*, *запяканка*, *грэнкі з вустрыцамі і беконам*, *кекс* [16].

Старажытнае адзенне захоўваецца цяпер у музеях, а носяць яго на святах і фестывалях. Гэтыя рэаліі перадаюцца транскрыпцыяй/транслітарацыяй з паралельным тлумачэннем (*андарак* ‘andarak’, a home-made skirt in stripes; *bell-bottom trousers* ‘штаны клёш’, *french* ‘фрэнч’, *style “new look”* ‘стыль «нью-лук»’).

Культурна-гістарычныя рэаліі тыпу *батлейка* – puppet theatre ‘batleika’, *кастэля* ‘castle’, *крыжачок* – folk dance ‘kryzhachok’; *pop-goes-the-weasel* – танец “вось ідзе ласка”, *the jig* – ірландскі танец ‘джыга’, *limerick* ‘лімэрык’ перадаюцца праз транслітарацыю/транскрыпцыю або пераклад. Часам можа ўжывацца змешаны спосаб.

Назвы старажытных пабудоў (кастэлі, курныя лазні), рэлігійныя пабудовы маюць свае адметнасці ў мовах. Калі ў Брытаніі гэта абацтвы (*Westminster Abbey* ‘Уэстмінстарскае абацтва’), саборы (*St. Paul’s Cathedral* ‘сабор св. Паўла’), касцёлы (*St. Martin-in-the-Fields* ‘касцёл св. Мартына на палях’), то ў Беларусі – саборы, цэрквы і касцёлы, якія перакладаюцца змешаным спосабам (*Царква Аляксандра Неўскага* ‘Alexander Nevsky Orthodox Church’) або калькаваннем (*Святанпраабражэнская Царква* ‘St. Transfiguration Church’), але пажадана дадаваць тлумачальныя словы *Orthodox* або *Catholic*.

Назвы брытанскіх замкаў падлягаюць традыцыйнаму перакладу (*Windsor Castle* ‘Віндзарскі замак’). І хаця большасць беларускіх замкаў і палацаў яшчэ ляжаць у руінах, але ўзгадваць іх даводзіцца (*Крэўскі замак* ‘Kreva Castle’) таксама, як і палацы (*Палац Сапегаў* у Ружаных ‘Sapiehas’ Palace’ in Ruzhany).

Алюзіі часта робяцца на гістарычныя з’явы, асобы, падзеі. Яны складаюць частку асацыятыўных рэалій, куды таксама адносяцца некаторыя нацыянальныя сімвалы (*бусел* ‘stork’, *зубр* ‘European bison’, ‘аuroch – Беларусі’, *thistle* ‘дзядоўнік’ – сімвал Шатландыі, *rose* ‘ружа’ – сімвал Англіі). Беларускаму чытачу, які не чытаў кнігу Кэрала “Аліса ў Краіне Цудаў” не зразумець, што такое *Cheshire cat* ‘Чэшырскі кот’. А гэта, дарэчы, пэрсанаж кнігі, які ўвесь час ухмыляўся і бяследна знікаў. Англамоўнаму чытачу таксама трэба растлумачыць, што значыць *язык да Вільні/Кіева давядзе* або *вазіць кафлю ў Нясвіж*. Трэба таксама тлумачыць алюзіі на знакамітых асоб (*Ayrshire poet* ‘Эршырскі паэт’ Бёрнс; *беларускі салавей* ‘Belarusian Nightingale’ singer Zabeida-Sumitski).

Саветызмы таксама адносяцца да гісторыі, хаця гэта і не вельмі далёкая гісторыя. Яны патрабуюць падбору прыблізнага адпаведніка або транслітаруюцца, вядома, праз рускую мову (*друзынік* ‘druzhinnik’, *калгас* ‘collective farm’).

Значную цяжкасць выклікаюць меры вагі, даўжыні, грошы, якія ўжываліся раней. Напрыклад, беларускія *вярста*, *гоня*, *талер* перадаюцца спосабам транслітарацыі (*viarsta*, *honia*, *taler*), але патрабуюць паралельнага тлумачэння (a measure of length in Russia and in Belarus, equal to 1.06 km; a measure of length in the GDL, equal to 80–100 metres; money used in the GDL in the 16th cent.). Пры перакладзе мастацкіх тэкстаў дапускаецца ўжываць і аналагі (*вярста* – *mile*).

Англійскія меры і грошы маюць адпаведнікі ў слоўніках (*bushel* – *бушэль*, *farthing* – *фартынг*), вядома, з адпаведным тлумачэннем.

Некаторыя гістарычныя рэаліі набылі пераноснае значэнне, і пры іх перакладзе неабходны каментар. Напрыклад, *Babes in the Wood* перакладаецца як ‘даверлівыя, найўныя людзі’ (пайшло ад старажытнай балады з XVI ст.), *Гарлахвацкі* – *Harlakhvatski* ‘a bold person who makes a profit using all means’.

Гістарычныя рэаліі ўключаюць і абрэвіятуры, перадача якіх ідзе звычайна праз транслітарацыю з паралельным тлумачэннем (*БССР – BSSR, Byelorussian Soviet Socialist Republic; ВКЛ – GDL, Grand Duchy of Lithuania; ABS – АБТ, Англа-беларускае таварыства*).

Структура гістарычных рэалій прадстаўлена словамі або словазлучэннямі, але могуць быць і сказы-клішэ, якія перакладаюцца шляхам цэласнага перастварэння (*Смачна есці! – Bon appétit!, I hope you enjoy your dinner, etc.*). Дарэчы, звычайка жадаць апетыту ў брытанцаў адсутнічае, таксама як і прымус піць або есці.

Зваротак таксама можа з’яўляцца гістарычнай рэаліяй. Яны былі як у англійскай мове (*My lassie – Дзяўчынка мая*), так і ў беларускай (*Паночку – Dear sir*).

Звяртаць трэба ўвагу і на гістарычныя фразеалагізмы, якія звычайна перадаюцца апісальнымі спосабамі або функцыянальнымі аналагамі (*carry coal to Newcastle – вазіць кафлю ў Нясвіж; як дзядзька ў Вільні – like a simpleton*).

Такім чынам, гістарычныя рэаліі-словы, рэаліі-выразы цікавыя як сваімі асаблівасцямі пабудовы, так і з пункту гледжання перакладу з адной мовы на другую. Яны складаюць значную частку лексікі, якая вывучаецца студэнтамі лінгвістычнага ўніверсітэта, а таксама гістарычных факультэтаў іншых устаноў. Гістарычныя рэаліі ўзгадваюцца ў сродках масавай інфармацыі, не кажучы ўжо пра мастацкую літаратуру.

Запазычванне ў беларускую мову часта ідзе праз рускую, і тады, на жаль, страчаюцца нюансы фанетычнага складу слова, таму ў перакладах сустракаюцца прыкрыя недакладнасці. Беларускія рэаліі былі слухна перададзены ў слоўніку Я. Запрудніка, а таксама ў перакладзе Г. Пікарды кнігі пра Мінск [9; 17].

У сувязі са зменамі ў беларускай арфаграфіі перадача англамоўных назваў і запазычанні павінны ісці з улікам новых правіл (гл. “Беларускі арфаграфічны слоўнік”, 2009).

Вынікі гэтага даследавання можна выкарыстаць пры ўкладанні навучальных дапаможнікаў, у лексікаграфічнай практыцы, у лекцыйных курсах па тэорыі перакладу, лексікалогіі і краіназнаўстве.

ЛІТАРАТУРА

1. *Гвоздович, Е.Н.* Лексическая безэквивалентность в англо-русском словаре и при переводе с английского (грамматический и словообразовательный аспекты) / Е.Н. Гвоздович // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2006. – №2. – С. 89–94.
2. *Влахов, С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С.Флорин. – М. : Р. Валент ; Вышш. шк., 2006. – 448 с.

3. *Виноградов, В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М. : Изд-во ИОСО РАО, 2001. – 224 с.
4. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* / ed. S. Wehmeier. – Oxford : Univ. Press, 2005. – 1780 p.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / І.М. Бунчук ; пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – Мінск. : БелЭн, 1996. – 784 с.
6. *Baranovsky, L.* Panorama of Great Britain / L. Baranovsky, D. Kozikis. – Minsk : Vysheishaya Shkola, 1990. – 343 p.
7. *Oxford Guide to British and American Culture* / ed. J. Crowther. – Oxford : Univ. Press, 2004. – 600 p.
8. *Рум, А.Р.У.* Великобритания. Лингвострановедческий словарь. – 2-е изд. стер. / А.Р.У. Рум. – М. : Рус. яз., 2000. – 560 с.
9. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т.. – Мінск : БелЭн, 2003. – Т.6, кн. 2. – 616 с.
10. *Zaprudnik, J.* Historical Dictionary of Belarus / J. Zaprudnik. – Lanham : Scarecrow Press, Inc., 1998. – 299 p.
11. *Kabakchi, V.V.* The Dictionary of Russia / V.V. Kabakchi. – St. Petersburg : Publishing house «Soyuz», 2002. – 573 p.
12. *Translation Journal. A Publication for Translators, by Translators about Translators and Translation* / ISSN 1536-7207 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.translationjournal.net>. – Date of access : 15.06.2011.
13. *Online bilingual and multilingual dictionaries* [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.lexicool.com>. – Date of access : 14.06.2011.
14. *Казакова, Т.А.* Практические основы перевода / Т.А. Казакова. – СПб. : Союз, 2000. – 320 с.
15. *Tabolich, A.U.* English Poetry in Belarusian Translations / A.U. Tabolich. – Minsk : MDLU, 2000. – 106 p.
16. *The Scottish Borders.* – Sil Kirk : Scottish Borders Tourist Board, 2004. – 167p.
17. *Minsk. A Historical Guide* / transl. G. Piccarda. – London : The Byelorussian Language Society, 1993. – 154 p.

The present article sets out to tackle the challenges of comparing historical *culture-bound words* in the English and Belarusian languages and reviews the ways of their rendering from one language into the other. Their equivalent translators' rendering depends on the literature genre in which they are used, the structure of the lexical units, the identity and belonging to a particular subset of culture-specific words. Translation of the *h i s t o r i c a l c u l t u r e - b o u n d* words should be paid particular attention to as they are present in different kinds of discourse and occupy a significant place in the process of learning a foreign language. Their analysis is important to be done for comparative linguistics.

Поступила в редакцию 01.07.2011

Фалак Таха

СУПЕРСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОРТРЕТНОГО ОЧЕРКА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

В статье выявляется специфика семантической организации портретного очерка на русском языке в белорусской прессе. Особенности смыслового построения текста рассматриваются в русле теории семантических суперструктур. В работе устанавливается иерархия компонентов, формально репрезентирующих глобальное содержание текстов *портретного очерка* на страницах белорусских газет. Определяются дискурсивные маркеры, которые сигнализируют принадлежность тех или иных текстовых фрагментов к выявленным компонентам суперструктурной схемы *п о р т р е т н о г о о ч е р к а*.

Одной из основополагающих задач в создании лингвистической модели дискурсивного жанра является изучение его семантического аспекта, которое заключается в выявлении смысловых компонентов текста и принципов их структурного оформления. Существует довольно внушительное количество исследований, посвященных моделированию семантической организации дискурса. Так, семантический анализ может осуществляться с позиций ключевых концептов (А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов), смысловых узлов (И.В. Арнольд, Л.Н. Мурзин), информационных инвариантов (И.Р. Гальперин, Т.М. Николаева), когнитивного анализа (Т.А. ван Дейк, Т.П. Карпилович). Несмотря на многообразие подходов и накопленный обширнейший опыт, проблема смысловой организации такого дискурсивного жанра, как *очерк*, остается открытой. Наряду с новостными и аналитическими текстами жанр *очерка* образует медийный дискурс, роль которого постоянно возрастает в жизни современного общества. Однако при этом в исследовании обозначенных медийных жанров наблюдается некоторый дисбаланс: если новостным и аналитическим текстам посвящены многочисленные лингвистические работы, то языковые характеристики жанра *очерка* исследованы недостаточно. Имеются лишь отдельные исследования этого жанра в российской журналистике (Л.М. Григорьева, Е.В. Ширина). Вместе с тем роль жанра *очерка* является ключевой, с точки зрения повествования о жизни выдающегося человека, описания его характера, раскрытия его внутреннего мира.

Объект настоящего исследования может быть обозначен как письменный дискурс *портретного очерка*, который рассмотрен на материале 50 текстов на русском языке, опубликованных в газетах «Советская Белоруссия», «Народная газета», «Знамя юности» за 2010–2011 годы. Изучение текстов *п о р т р е т н ы х о ч е р к о в* в структурно-семантическом аспекте представляет огромный интерес и в то же время некоторую сложность. Диалогические включения в текст *очерка*, а также вариативность композиционного членения заставили ряд современных исследователей (в частности, С.Ж. Умарканова, Е.А. Николенко) считать весьма затруднительным установление типовых содержательных компонентов данного жанра. По-видимому, нельзя отдавать предпочтение только формально

ориентированному анализу. Также нельзя сводить структурно-семантическое пространство портретного очерка, характеризующееся разнообразием, глубиной и сложностью, к простой линейной модели. В русле обозначенных выше проблем необходимо подчеркнуть, что в настоящей работе предпринимается попытка структурирования семантического пространства газетных очерков на основании глобальных составляющих их пропозиционального содержания.

Принимая во внимание содержательную сторону дискурса, мы рассматриваем текст очерка как совместное речевое произведение, связывающее партнеров по коммуникации. Структуру такого взаимодействия можно уподобить «двувершинной системе» [1, с. 23], в которой выделяют двух обязательных участников коммуникации – адресанта и адресата. Говоря об учете в лингвистике позиций говорящего и слушающего, Р. Якобсон писал следующее: «Две точки зрения – кодирующего и декодирующего, или, другими словами, роль отправителя и роль получателя сообщений должны быть совершенно отчетливо разграничены. <...> Оба участника акта речевой коммуникации подходят к тексту совершенно по-разному» [2, с. 322]. Если принять во внимание процесс преобразования смысла в дискурс очерка, то он представляется еще более сложным. Характер взаимодействия участников очерка предполагает не две, а по сути три роли: автор очерка, герой очерка и читательская аудитория. В ходе такого взаимодействия осуществляется имплицитный диалог участников очерка, направленный на истинного адресата – читателя, который и призван декодировать смысл данного текста.

Портретный очерк как отдельная жанровая разновидность выделяется большинством ученых [3; 4]. Помимо адресата и адресованности, среди жанрообразующих признаков парадигмы текста М.М. Бахтин отмечал речевой замысел (или цель), предмет обсуждения, композиционную организацию [5, с. 239]. Целью автора портретного очерка является создание образа главного героя, его эмоционально-психологического портрета. При этом главный акцент в логической схеме этого типа текстов ставится на самобытность характера героя, оригинальность его суждений и поступков.

Смысловая организация текста очерка на глобальном уровне может быть представлена в терминах семантических макро- и суперструктур. Понятие *суперструктуры* было введено Т.А. ван Дейком и означает конвенциональную композиционно-содержательную схему, по которой строятся конкретные типы дискурсов. *Суперструктуру* можно определить как «традиционную культурно-обусловленную» схематическую структуру, состоящую из иерархически организованного набора категорий, специфичных для определенного жанра [6, с. 42]. Данная схема является продуктивной при исследовании самых разных типов текстов: научных статей (Т.П. Карпилович), медийных текстов малого объема (Т.А. Сысоева), религиозной проповеди (Н.С. Сычевская). Основываясь на пропозициональном характере глобального содержания дискурса, мы предположили возможность организации макросемантики портретного очерка в виде суперструктурной схемы.

Как отмечает Т.А. ван Дейк, содержание, соответствующее терминальным узлам схем, носит глобальный характер, т.е. представляет собой макропропозицию, или тему [6, с. 42]. Глобальное членение дискурса предполагает разбиение на крупные содержательные фрагменты, внутри которых наблюдается единство участников, событий, пространственных и временных категорий. Анализ макросемантики и макросинтаксиса портретного очерка позволил вывести специфичную для данного дискурсивного жанра схему организации его семантического пространства.

С опорой на дискурсивные маркеры было установлено, что суперструктура портретного очерка включает следующие семантические компоненты:

- *вводную часть*, состоящую из *заголовка*, *подзаголовка* и *интродукции* (последняя объединяет в себе компоненты *обоснование* и *гипертема*);
- *основную часть*, состоящую из компонентов *карьера*, *взгляды*, *личностные качества*;
- *итог* (завершающую часть).

Как видно из приведенного перечня семантических компонентов, они образуют своего рода иерархию, однако разворачиваются в тексте линейно на каждом уровне. При этом суперструктурные компоненты нижестоящих уровней носят интегрированный, взаимообусловленный характер.

Приведенная суперструктурная схема отражает ключевые категории, нашедшие наиболее широкую актуализацию (86–100%) в исследуемых текстах. Исключение составляет лишь категория *и т о г*, которая является менее частотной и находит выражение в 74% рассматриваемых текстов.

Рассмотрим выявленные суперструктурные компоненты более подробно. *З а г о л о в о к* традиционно присутствует во всех текстах портретных очерков на русском языке в белорусской прессе, что является характерной особенностью текстов газетных изданий. В рассматриваемых портретных очерках заголовков чаще всего представлен номинативным предложением: *Мамина дочка*, *Тайники разума*, *Деловая женщина*. В отдельных случаях встречаются инфинитивные предложения и односоставные или полносоставные глагольные предложения: *Жить на ощупь*; *...И цветут, как роза*; *Приземлился чемпионом*; *Евровидение вернуло нам с сыном взаимопонимание*.

Приведенные заголовочные структуры выражают часть макросемантического содержания и зачастую указывают на суперструктурный компонент *герой*, сообщая прежде всего его референтное имя. Цитируя в заголовке слова *г е р о я*, автор приписывает глобальную значимость одной из тем [7, л. 138]. Данные анализа позволяют выделить в типовой структуре заголовка на русском языке содержательные компоненты или их сочетания: профессиональная деятельность героя (*Ближний рубеж*, *Строители пирамид*), герой + его основная черта (*Деловая женщина*), герой + событие (*Заново рожденные*, *Приземлился чемпионом*), герой + цитируемые слова героя (*Юрий Башмур: «Я горжусь мундиром пограничника»*).

Если *заголовок* часто дает ответ на вопрос «Кто является героем очерка?», то *п о д з а г о л о в о к* и *и н т р о д у к ц и я* призваны отвечать

на вопрос «Почему этот человек является героем очерка?». Так, подзаголовки в проанализированных очерках кратко сообщают об основном достижении главного героя (*В конкурсе профессионального мастерства среди военных ефрейтор Сильченко проявила характер десантника*) или сообщают о неординарности, уникальных способностях личности (*Незрячий житель Ивья не только мастерски собирает мебель, но и окучивает грядки, работает в интернете*).

Интродукция призвана сформировать у читателя представление о главном герое очерка, обеспечивая коммуникативный контекст, из которого становится известно, почему автор решил вывести на авансцену именно этого человека, чем он может быть интересен читателю. Данный контекст представляет ту часть макроструктурного содержания интродукции, которая репрезентируется в схематичном выражении компонентом *о б о с н о - в а н и е*. А поскольку поводом для выбора некоторой личности в качестве героя очерка могут послужить самые разные причины, то можно выделить целый ряд подкомпонентов обоснования: *достижение, событие, обстоятельство знакомства* и др. В портретных очерках на русском языке в белорусской прессе наиболее часто актуализируется подкомпонент *д о с - т и ж е н и е*: *Летом 2008 года далекий Бомбей награждал победителей очередной международной олимпиады по биологии. Когда на сцену поднялся десятиклассник лицея БГУ Артем Моргунов, зал взорвался аплодисментами: Артем стал единственным за последние несколько лет европейцем, добившимся на этих соревнованиях золота* (Народная газета, 22.04.2011).

Пробуждение у читателя интереса к личности героя очерка происходит посредством акцентуации значимости его профессиональных достижений, для чего используются определенные языковые средства – дискурсивные маркеры, в качестве которых могут выступать лексические клише, словосочетания, отдельные слова [8, с. 81]. В приведенном примере языковыми маркерами подкомпонента *достижение* выступают языковые средства с положительной оценочной семантикой: имя прилагательное рациональной оценки *единственный*, акцентирующее уникальность достижения собеседника, глагольные словосочетания *добившийся золота*, выражающее степень успешности, и *взорвался аплодисментами*, косвенно свидетельствующее о признании заслуг героя очерка. Также в указанном компоненте часто отмечается присутствие названий авторитетных общественных организации или конкурсов, на которых были отмечены выдающиеся достижения героя. Упоминание таких названий подчеркивает значимость успехов героя очерка в обществе (*международная олимпиада по биологии; конкурс профессионального мастерства; «Евровидение»* и т.д.).

Помимо героя очерка как макротемы, смыслового фокуса, концентрирующего в себе суть всего текста, существует еще некая пропозиция, являющаяся, по мнению написавшего очерк журналиста, главной составляющей портрета героя на современном этапе его жизненного пути. Автор вводит эту информацию в интродукции, смещая при этом акцент с общих сведений о герое очерка на наиболее актуальную на данный момент информацию о

нем. Данную часть макротематического содержания интродукции была обозначена нами как компонент *г и п е р т е м а*: *Сейчас о Войтюлях в их родном Острове говорят только добрые слова, советуют следовать их примеру* (Народная газета, 04.06.2011); *Но, как выяснилось, впадать в отчаяние Виктор не собирался и научился жить по-новому* (Народная газета, 06.04.2011). В приведенных примерах прослеживается непосредственная связь с заголовками соответствующих публикаций ("Заново рожденные"; "Жить на ощупь"), что подтверждает связь последних с гипертемой очерка.

Исходя из фактора двойного адресата, адресант очерка (журналист) ставит своей задачей не только активизировать темы, наиболее удачно дающие представление о личности собеседника, но и учесть ракурс интереса читателей по отношению к персонажу, чтобы соответствовать их коммуникативным ожиданиям. Именно журналист является в данном случае лицом, которое выражает интересы предполагаемой аудитории. Учитывая вышесказанное, для проведения настоящего исследования необходимо прежде всего ответить на вопрос: "Так что же интересует массового читателя в современном герое газетного портретного очерка?" Как показал анализ, на первый план выступает профессиональная деятельность. Несмотря на то, что взаимодействие участников дискурса в основной части очерка не отличается высокой степенью типизации, анализ позволил выявить компонент *карьера* во всех исследуемых текстах на русском языке в белорусской прессе: *А военная карьера Юрия началась на срочной службе. После окончания политехнического техникума его призвали в армию. <...> В подразделении, которое осуществляет пограничный контроль в аэропорту Гомель, Юрий служит уже пять лет* (Знамя юности, 27.05.2011–02.06.2011). Компонент *карьера* в вербальном оформлении представлен лексико-семантическими группами терминов и профессионализмов, отражающих характер производственной деятельности героя (*срочная служба, нести службу, призвать в армию; хороший урожай, высокие надои; станочник лесопункта, лесохозяйственное учреждение; нейрофизиолог, нервные клетки, нейрон, гиппокамп* и т.д.).

Общая тенденция такова, что на страницах белорусских газет очерки посвящены исключительно положительным героям, сумевшим добиться успеха в жизни. Деятельность героев публикации имеет общественную значимость, именно на них хотел бы равняться читатель. При этом обсуждение профессиональной деятельности героя занимает обширную часть текста портретного очерка и раскрывает множество деталей. Сказанное определяет тот факт, что компонент *карьера* представлен многочисленными подкомпонентами, полный набор которых формирует сценарий успешной карьеры: *предпосылки, базовое образование, этапы карьеры, содержание работы, профессиональные достижения, корпоративная структура* и т.д. Так, *этапы карьеры* пересекаются с компонентом *биография* (точнее, ее отдельные фрагменты, наиболее значимые для карьеры), как это можно наблюдать в очерке «Мировой парень Лена»: *К 24 годам Лена успела окончить Витебский госуниверситет имени П. Машерова и получить вполне*

мирную профессию – учителя физики и математики. В какое-то время девушка, которой с детства нравились боевые десантники, поняла, что не ее удел стоять у доски с указкой и объяснять ученикам формулы и теоремы. Вот и решила полтора года тому назад подписать контракт с мобильной бригадой (Советская Белоруссия, 21.10.2010). Нередко в очерке приводятся слова его героя, иногда сопровождаемые комментариями или предваряющими вопросами журналиста. Такой прием позволяет имитировать естественную беседу:

Профессиональным спортом Лена никогда не занималась. Пробовала себя в дзюдо, в школе и университете бегала кроссы и длинные спринтерские дистанции. Возможно, поэтому лучше всех и выступила в эстафете на «Мировом парне».

– Я стартовала с россиянкой, которой прочили победу в общем зачете, – вспоминает она. – Во время движения периодически нужно было отжиматься, преодолевать «лабиринт», разлом в стене. (Советская Белоруссия, 21.10.2010).

Профессиональные качества героя также могут раскрываться в его непосредственных высказываниях или высказываниях близких людей, родственников, друзей: *А планка основных показателей между тем должна подниматься все выше и выше. Иначе окажешься на обочине. Вот и думай, председатель, ломай голову, как не просто удержать свои высоты, а подняться до новых (Советская Белоруссия, 20.05.2011).*

Система взглядов и ценностей имеет огромное значение в репрезентации граней личности. На присутствие компонента в з г л я д ы указывает ряд дискурсивных маркеров: перформативные глаголы *думать, считать*, вводные конструкции *на мой взгляд, в моем понимании*: *Мастер Панков убежден, что нужна организация Кулибиных – склонных к рационализаторству и конструированию людей разных возрастов и профессий из всех регионов страны (Советская Белоруссия, 21.05.2001); Можно сказать, что староста на селе – это ближний рубеж власти (Народная газета, 26.05.2011).* Необходимо оговорить, что компонент взгляды представлен во всех рассмотренных текстах. Выявленная специфика свидетельствует о релевантности взглядов, целей, «смыслов жизни» героев публикаций для читательской аудитории.

В свою очередь, компонент л и ч н о с т н ы е к а ч е с т в а отражает важную часть глобального содержания портретного очерка, дополняющую образ героя и придающую законченность тексту. Однако среди широкого спектра черт личности белорусскоязычных авторов все же больше интересуют черты характера, так или иначе связанные с профессиональными качествами героя очерка: *Когда Витя выходит на улицу с садовым инструментом в руках, соседским мужчинам лучше спрятаться от своих жен: хозяйки обязательно поставят моего мужа им в пример. Мол, Виктор, несмотря на свое положение, трудится, как пчелка, а вы лодырничаете... (Народная газета, 06. 04. 2011).*

Компонент итог, завершающий портретный очерк, не просто резюмирует его основное содержание, но и способствует в первую очередь тому, чтобы созданный журналистом портрет героя запомнился читателю: *Горжусь и дорожу мундиром пограничника* (Знамя юности, 27.05.2011–02.06.2011).

Таким образом, было установлено, что макросемантика текста портретного очерка может быть представлена в виде иерархической суперструктурной схемы. Несмотря на то, что компоненты схемы являются ключевыми категориями, они не являются конечными. Анализ языкового выражения компонентов семантической структуры позволил выявить ряд лексических и грамматических маркеров, которые свидетельствуют об определенных языковых закономерностях построения портретного очерка. Исходя из компонентов суперструктурной организации, можно заключить, что медийные тексты этой жанровой разновидности, создавая яркий образ героя, призваны удовлетворить интерес читательской аудитории к технологии профессионального успеха в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Колшанский, Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. 3-е изд. / Г.В. Колшанский. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 176 с.
2. *Якобсон, Р.О.* Избранные работы : сб. науч. тр. / Р.О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1985. – 453 с.
3. *Беневоленская, Т.А.* Портрет современника: очерк в газете / Т.А. Беневоленская. – М. : Мысль, 1983. – 187 с.
4. *Тертычный, А.А.* Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 250 с.
5. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – Примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.
6. *Дейк, Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
7. *Шевченко, О.А.* Когнитивная модель дискурса интервью : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.А. Шевченко. – Тольятти, 2006. – 210 л.
8. *Карпилович, Т.П.* Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивные подходы / Т.П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2003. – 225 с.

The paper considers the semantic structure of *feature articles* in the Russian language published in Belarusian newspapers. As a result of the investigation a number of superstructural components of the genre under discussion were singled out as well as discourse markers signaling them.

Поступила в редакцию 4.07.11

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О.В. Василевская

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ В АРГУМЕНТАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ СПОРТИВНОГО АНАЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья отражает результаты исследования концептов, манифестируемых в структуре спортивного аналитического медиадискурса, на материале английского и белорусского языков. В результате анализа выявлена семантическая структура газетных аналитических текстов спортивной тематики и определены концепты, объективируемые в аргументативной части публикаций. Описана структура спортивных концептов и средства ее вербального воплощения – языковые репрезентанты понятийного, образного и ценностного компонентов. Установлен универсальный характер когнитивных доминант спортивного аналитического медиадискурса и средств их вербализации в исследуемых белорусско- и англоязычных текстах.

Как социальное явление спорт пронизывает многие уровни современного общества, что обуславливает разносторонний интерес к изучению коммуникации в области спорта. Данное исследование, выполненное в русле когнитивной лингвистики, нацелено на установление концептуальной сферы отдельных элементов *семантической структуры* аналитического спортивного дискурса. Материалом исследования послужили газетные тексты спортивной тематики на белорусском и английском языках, отобранные из печатных и электронных вариантов качественной прессы (газет “Звязда”, “Алімпіец”, “Чырвоная змена”, “The Guardian”, “The Daily Telegraph”, “The Times”). Тексты в настоящем исследовании рассматриваются как сложный когнитивно-коммуникативный феномен, чья семантическая структура воплощает структуру знаний адресанта. Причем выявление структуры спортивных текстов, особенностей ее вербализации и характерных концептуальных составляющих происходит с учетом их жанровой принадлежности.

Единой точки зрения на дискурсивные жанры не существует. Более того, лингвисты говорят о размытости жанровых границ, их постоянной модификации, эволюции [1]. Например, некоторые исследователи письменного спортивного медиадискурса отмечают слияние жанров репортажа и комментария, ограничивая жанровое разнообразие данного дискурса двумя типами: репортажем и аналитической статьей [2]. В рамках настоящего исследования к аналитическим публикациям мы отнесли тексты монологического и диалогического характера, дающие читателю ответ на вопросы: при каких обстоятельствах произошло событие, какова ситуация, что делать, как лучше из нее выйти и т.п. [3; 4]. Таким образом, материалом исследования стали тексты-рассуждения, раскрывающие сущность описываемого явления вне зависимости от формата общения.

Аналитичность исследуемых текстов отражена в компонентах их семантической структуры (суперструктуры). Данная модель предложена Т.А. ван Дейком как схема анализа абстрактного содержания определенного типа текстов, конвенциональная для данной социокультурной среды [5]. *Аналитическая* составляющая суперструктуры изучаемых текстов спортивной тематики часто сопряжена с *информационной*. Информационная часть представляет собой вспомогательный элемент в структуре аналитического текста, используемый автором для погружения читателя в проблемное поле сообщения и способствующий успешной реализации общей структуры текста-рассуждения. Аналогично текстам новостей информационная составляющая может содержать наименование события, его описание, предшествующие либо последующие события, фоновую информацию, направленную на стимулирование интереса к обсуждаемой теме и пр. [6]. Такая сложная структура информационной части аналитической публикации в большей степени свойственна белорусскоязычному спортивному медиадискурсу. Для англоязычных аналитических текстов характерна меньшая по объему и структуре информационная составляющая, часто актуализируемая вводной частью.

Наиболее распространенным компонентом семантической структуры аналитического текста является *аргументативный блок* [7]. Аргументация представляет собой способ убеждения, управления мышлением аудитории посредством доводов (аргументов), доказывающих правоту суждения автора, выраженного тезисом [Там же]. Так реализуется семантическая структура публикации «Only Tough Needed If England Return» британской газеты «The Telegraph». Тезис *If England's cricketers are to return to India for the test series, only the tough need to apply* констатирует необходимость отбора сильнейших спортсменов для английской крикетной сборной в преддверии важных соревнований. Последующие аргументы представляют доказательства авторского тезиса – отсев слабых игроков уже начался: *Already there has been speculation that Andrew Flintoff, Steve Harmison and a third player, probably James Anderson, as his wife is pregnant, would not return* (The Telegraph, 1.12.2008).

Специфика аргументативного блока семантической структуры спортивного медийного дискурса отражает природу освещаемого явления. Так, анализ ситуации в спортивных публикациях может структурно соответствовать мини-репортажу, характерному для новостных текстов. Рассмотрим отрывок из статьи «Вяртанне Хюві-гола», где автор рассуждает на тему, как знаменитый футболист после периода неудач вернул себе прежнюю великолепную спортивную форму. Основная мысль автора выражена тезисом: *Вечар панядзелка паказаў нам новага-старога Хюві*, правота которого подкреплена следующими аргументами: *Восьмы нумар «зуброў» кінўся ў бой. <...> Ханэс пачаў прыстрэльвацца да варотаў – трошкі вышэй правага вугла, міма, перакладзіна.<...> Дзума шыкоўнымі кідкамі Хювенен давеў лік да 4:2 і прынёс перамогу сваёй камандзе* (Звезда, 9.12.2009).

Несмотря на формальное сходство с репортажем (детализация действий игрока, восстановление хронологии описываемых событий), данный отрывок реализует авторскую интенцию представить доказательства того, что футбольное сообщество вновь обрело непобедимого футболиста.

Аналитические тексты диалогического характера свойственны белорусскоязычному спортивному дискурсу. Анализ проблемной ситуации здесь основан на авторитетном экспертном мнении. Структура таких текстов схожа со структурой монологических текстов аналитического характера: информационная часть, дающая читателю общее представление о предмете обсуждения, сочетается с аналитической. Последняя часто актуализирует несколько проблемных ситуаций, обсуждаемых приглашенным экспертом или участником событий. В случае диалогического формата в качестве тезиса может функционировать вопрос интервьюера, а аргументом выступает ответ интервьюируемого, что демонстрирует следующий пример:

– [тезис] *Чаму БАТЭ не паказаў сваёй гульні?*

– [аргумент] *Складана сказаць. Магчыма, таму, што мы трэніруемся ўсяго месяц* (Звязда, 19.02.2011).

Однако аргументативный блок в спортивном интервью может иметь более сложную модель построения, где тезис объединяет вопрос автора и часть ответа собеседника:

– [тезис] *Французскі клуб чым-небудзь уразіў?*

– *Не. Хутчэй мы не паказалі сваёй гульні, чым французы штосьці прадэманстравалі на полі.* [аргумент] *Мы разбіралі іх гульнію напярэдадні сустрэчы. У прыцыпе, яны так і дзейнічалі* (Звязда, 19.02.2011).

Структурно-языковая организация газетных текстов спортивной тематики обусловлена необходимостью отражать различные сферы спортивной жизни, (собственно спорт, экономика, медицина и пр). Такие сферы очерчивают систему значимых категорий в коллективе, объединенном в нашем случае по субкультурному признаку, т.е. на основании общности интересов. На когнитивном уровне подобные категории могут быть представлены в виде концептов – тех смыслов, «которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [8].

Существуют различные подходы к исследованию концептов: семантико-когнитивный (Е.С. Кубрякова), логико-философский (Н.Д. Арутюнова), культурологический (Ю.С. Степанов). В настоящем исследовании мы, вслед за В.И. Карасиком, рассматриваем концепты в русле лингвокультурологического направления как «культурные образования», которые выражают объективное содержание слов и транслируются в различных сферах бытия человека [9, с. 103]. В нашем случае такие «образования» представляют собой явления, специфичные для спортивной культуры и транслируемые в газетном спортивном дискурсе на лексико-семантическом уровне группами лексем – лексическими репрезентантами, которые определяются семантикой

концепта [10]. Как отмечает Е.Г. Малышева, «принципиально закрытого списка этого рода когнитивных феноменов <...> не может быть создано, поскольку открытый и даже динамический характер носит и система когнитивных стереотипов <...>, объективирующих базовые концепты того или иного фрагмента наивной картины мира, в том числе и мегаконцепта “Спорт”» [10, с. 30]. Так, в аргументативной части исследуемого спортивного медиадискурса нами отмечена манифестация связанных между собой концептов «состязание», «спортсмен», «тренер», «болельщик», «коммерция», «здоровье» и некоторых других, выделенных на основании логического анализа и интерпретации исследуемых текстов, а также семантического анализа лексических единиц. Специфично белорусским концептом при презентации аргументов в спортивной публикации является концепт «государство», что устанавливает тесное взаимодействие белорусских государственных институтов со спортивным сообществом.

Особый интерес для нашего исследования представляет концепт «состязание». Освещение и анализ соревновательного момента часто является иллюкативной целью авторов газетных текстов спортивной тематики, что отражено на уровне вербальной объективации концептуальной сферы спортивного дискурса. Сема ‘состязание’ является одним из дифференциальных признаков лексемы *спорт*, чьи толкования репрезентируют наши представления о денотате исследуемого типа дискурса: “a physical activity in which people **compete** against each other” [11, с. 1389]; “**спаборніцкая дзейнасць**, спец. падрыхтоўка да яе (спартыўная трэніроўка) і спецыфічныя адносіны да яе, нормы, дасягненні <...>, **спаборніцтвы**, накіраваныя на дэманстрацыю фіз. дасягненняў” [12, с. 119]. Представленная трактовка утверждает «состязание» в качестве одного из основополагающих концептов спортивного дискурса. Анализ лексического значения слова *состязание* в английском и белорусском языках указывает на его основные семантические признаки – ‘соревновательная деятельность’, ‘спортивное мероприятие, в процессе которого происходит реализация состязательного момента’, и ‘участники состязания’. Наличие нескольких признаков у лексемы, объективирующей данный когнитивный феномен, дает нам возможность выдвинуть предположение о том, что «состязание» – это сложный диффузный концепт, потенциально объединяющий в аргументативной структуре спортивного дискурса такие концепты, как «тренер», «спортсмен», «успех» и пр.

Определенная В.И. Карасиком структура лингвокультурологического концепта представляет собой сочетание образно-рецептивного компонента, понятийного (информационно-фактуального) и ценностного (оценка и поведенческие нормы) [9]. Аналогичным образом может быть структурирована плоскость языковой манифестации концептов в спортивном аналитическом дискурсе. Языковые репрезентанты спортивных концептов можно подразделить на три группы: средства вербализации понятийного компонента, языковая манифестация наших ассоциаций, или средства вербализации образа,

и языковые маркеры оценки, специфичные для аргументации суждения авторов спортивных аналитических публикаций.

К лингвистическим репрезентантам понятийного компонента спортивных концептов принадлежат лексемы, чьи значения отражают дифференциальные когнитивные признаки их денотатов. Так, денотативными языковыми маркерами концепта «соревнование» могут считаться названия спортивных мероприятий (*championship; матч*) или обозначения соревновательных процессов (*play, compete; гуляць, забіваць*). Распространенным лексическим маркером данного концепта является предлог *against/супраць*, который вербально воплощает один из когнитивных признаков состязательного момента – наличие противостояния. Понятийный компонент концепта «здоровье» в аналитической спортивной публикации реализуют названия заболеваний, сопряженных со спортивной деятельностью – травм, растяжений и пр. (*hamstring tear; тпраўма*). А информационное содержание концепта «спортсмен» представлено названиями спортивных специализаций (*coach, cricketer, winger; цяжкаатлет, трэнер, малатабойца*).

В вербализации образного компонента спортивных концептов участвуют языковые средства, выражающие ассоциации, или осмысление автором спортивного сообщения соответствующего когнитивного феномена. Такие средства на языковом уровне могут быть представлены метафорическим переносом (*reap the rewards; утрымаць вароты «сухімі»*) и метонимическим переносом (*bid for silverware; задаволены «серабром»*). Узуальный характер подобных лексических выражений свидетельствует о закреплённости этих образов в универсальном коде мышления. Среди узуальных средств вербализации образного компонента спортивных концептов мы также выделили имена собственные, относящиеся к известным спортивным личностям. Так может осуществляться языковая манифестация образного содержания концепта «успех». В публикации «Quiet Man Ogilvy Will Be A Big Noise» («The Express») автор рассуждает о профессиональных качествах спортсмена и его положении в мировом рейтинге гольфистов. Тезис *Geoff Ogilvy will never be the new Greg Norman* выражает суждение автора о том, что Джефф Огилви может никогда не достигнуть таких высот, как Грэг Норман. Он подтверждается аргументом *Calm and understated on and off the golf course, the Australian is more 'Quiet Man' than 'Great White Shark'* (The Express, 3.04.2009) – его манера игры более спокойна и менее выразительна. Аргумент, в данном случае выраженный сравнением спортсмена с Грэггом Норманом, является аллюзией к фактам его биографии. Используемое в аргументации имя собственное сигнализирует наличие в публикации хорошо известной целевой аудитории фоновой информации: Грэг Норман по прозвищу «Белая акула» долгое время удерживал первую позицию в мировом рейтинге и входит в число сильнейших гольфистов всех времен. Таким образом, имя Грэга Нормана является в статье символом высоких спортивных достижений и, следовательно, вербально манифестирует образ концепта «успех».

В силу аналитичности исследуемого дискурса в нем широко представлен оценочный компонент спортивных концептов. Лексические репрезентанты данной части концептов – эмоционально-оценочная лексика – воплощают общую оценку (*ленишы варатар* – прилагательное выражает оценочное содержание концепта «спортсмен»), интеллектуальную (*brainless indiscipline* – оценочная вербализация действий спортсмена, реализующих концепт «состязание») и эмоциональную (*to be on the podium is fantastic* – оценочная зона концепта «успех»). Последняя объективирует один из важных когнитивных признаков такого феномена, как спорт – эмоциональность.

Оценочный компонент спортивных концептов может быть выражен грамматически. Например, в аналитической публикации «Пустыя трибуны на гістарычным матчы» белорусской газеты «Звязда» аргумент выражен риторическими вопросами: *І дзе ўсе гэтыя падлеткі, што ганялі футбольны мяч у двары? Дзе нармальныя мужыкі, якія на сваёй прыродзе, здавалася б, павінны любіць футбол?* Такой грамматический способ манифестации концепта «болельщик», чей образ представлен фразами *падлеткі, што ганялі футбольны мяч у двары* и *мужыкі, якія на сваёй прыродзе павінны любіць футбол* (Звязда, 19.02.2011) содержит косвенную иллокуцию автора – констатация отсутствия болельщиков на стадионе во время исторического спортивного события. Данная иллокуция надстраивается над буквальной – интеррогативной, вкуче представляя эмоциональное описание фактов и негативную оценку произошедшего события.

Таким образом, аргументативная структура спортивного дискурса на когнитивном уровне представляет собой воплощение таких взаимосвязанных и взаимообусловленных концептов, как «состязание», «успех», «болельщик», «спортсмен», «здоровье» и некоторых других, отражающих специфику аналитического описания феноменов спортивной жизни. Данные концепты являются интегральными для исследуемых текстов на английском и белорусском языках, что определяет универсальный характер когнитивных доминант спортивного медиадискурса, характеризующихся сходными способами вербального воплощения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лаевская, Т.Е.* Тенденции современного жанрообразования : (на материале издательской аннотации) / Т.Е. Лаевская // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. : в 2 ч. / Мозыр. гос. пед. ун-т им. И.П. Шамякина ; редкол. : С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2009. – Ч. 2. – С. 38–39.
2. *Шарафутдинова, С.В.* Формирование социальной оценки в дискурсе СМИ (на материале спортивного дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С.В. Шарафутдинова ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2010. – 27 с.
3. *Тертычный, А.А.* Жанры периодической печати : учеб. пособие / А.А. Тертычный. – 2-е изд. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 320 с.

4. Риторические основы журналистики : Работа над жанрами газеты : учеб. пособие / З.С. Смелкова [и др.]. – 2-е изд. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – 320 с.
5. *Дейк, Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т.А. ванн Дейк ; сост. В.В. Петров ; пер. с англ. яз. ; под ред. В.И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
6. *Василевская, О.В.* Пропозициональная структура спортивного события в новостном тексте / О.В. Василевская // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология / Минск. гос. лингв. ун-т ; редкол. : А.М. Горлатов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011 – № 2 (51) – С. 85–92.
7. *Сычевская, Н.С.* Структура и прагматика публичной речи : (на материале англоязычного публичного выступления и религиозной проповеди) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.С. Сычевская ; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2008. – 159 л.
8. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.] ; под ред. Е.С. Кубряковой. – М. : МГУ, 1996. – 245 с.
9. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
10. *Малышева, Е.Г.* Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е.Г. Малышева ; Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2011. – 45 с.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. – 3rd ed. – Harlow, Essex : Longman : Corpus, 2001. – 1668 p.
12. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2003. – Т. 15. – 512 с.

The article deals with the cognitive phenomena, which form the argumentative structure of the analytical sports discourse. Based on the Belarusian and English quality newspapers, the analysis reveals typical sports concepts, their cognitive structure and ways of verbal actualization.

Поступила в редакцию 05.07.2011

Г.А. Змудяк

КОМПЛИМЕНТ КАК РЕГУЛЯТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ

В статье рассматриваются семантико-прагматические особенности речевого акта *комплимент*, играющего важную роль в регулировании межличностных отношений коммуникантов, которые подвергаются в процессе общения целенаправленному воздействию со стороны обоих участников. К регулятивным относятся коммуникативные акты с установкой на реализацию комплимента, являющегося эмоционально настраивающим

речевым актом. Его коммуникативная цель – выражение симпатии, доброго отношения с целью поддержания равновесия в межличностных отношениях или восстановления нарушившихся, то есть комплимент должен быть принят собеседником. Он может быть направлен на адресата, на вещи, которые ему принадлежат, и на близких ему людей. Прямая позитивная оценка, субъективная оценка, позитивное сравнение, направленный восклицательный являются важными факторами выражения комплимента. Он внешне может походить на другие речевые акты, однако их социопсихологические и семантико-прагматические характеристики не совпадают.

Взаимодействие человека с окружающим миром осуществляется в системе объективных отношений, складывающихся между людьми в их общественной жизни, отражением которых являются субъективные межличностные отношения. Для установления между людьми контакта и должного взаимопонимания применяются разнообразные речевые акты (РА), среди которых важное место занимает *комплимент*. Комплимент, наряду с другими РА (извинение, похвала, приветствие и т.п.), представляет собой класс высказываний, активно участвующих в процессе речевой коммуникации и являющихся элементами речевого общения. Для высказываний, регулирующих межличностные отношения, обязательным условием является дейктическая одновременность реализации высказывания и момента его восприятия. Они осуществляются в реальном времени, и их содержание не имеет отношения к третьему лицу или его действиям, а касается только самих коммуникантов.

Процедура регулирования межличностных отношений предполагает, что один участник должен испытывать определенное отношение (чувство, намерение), а другой – быть готов вести себя соответствующим образом. Говорящий или демонстрирует, что существующее положение дел его устраивает и что он хочет укрепить его, или указывает на свою неудовлетворенность данным состоянием дел. Эксплицируя свое отношение к собеседнику, он целенаправленно регулирует свои отношения со слушающими, пытаясь поддержать их в состоянии равновесия.

Отправной точкой порождения высказывания является коммуникативная интенция – намерение говорящего, реализуемое посредством речи. Интенция отражает реакцию говорящего на характер межличностных отношений коммуникантов и формируется в его сознании под воздействием следующих факторов:

- действий слушающего, предшествующих данному коммуникативному акту;
- характера ситуации, в которой осуществляется РА.

При изучении говорящего субъекта учитываются факторы, которые обуславливают коммуникативный акт в целом: экстравербальное поведение коммуникантов, наличие других слушателей, лингвистические и паралингвистические характеристики общения. Все они в определенной степени влияют на выбор говорящим языковых средств. Выбор вида высказывания и его построение осуществляется в зависимости от фактора, нарушившего равновесие, установление чего способствует выбору вида высказывания,

способного, с точки зрения говорящего, решить задачу восстановления утраченного равновесия.

Кроме дейктических координат существует также социальный дейксис: социальный статус, пол, возраст, отношения с говорящим могут повлиять на структуру самого РА, на выбор говорящим языковых средств, которые будут способствовать сохранению (восстановлению или установлению) равновесия в межличностных отношениях.

Таким образом, каждый коммуникант исполняет в РА определенные предписания и отвечает ролевым ожиданиям партнеров по общению. Вступая в общение, говорящий ориентируется в социальных ролях адресата и выбирает соответствующие формы общения.

Регулятивный характер комплимента как РА проявляется в реализации инвариантой формулы «Настоящим я признаю на основании экзистенциальных детерминант наличие позитивных свойств и качеств и тем самым, лицом к лицу, выражаю своим речевым действием оценку этих свойств и качеств» [1, с. 34–35].

Согласно определениям французских словарей комплимент во французской лингвокультуре понимается как “*paroles élogieuses et louangeuses, une glorification, une chaleureuse approbation, une félicitation, adressées à qn pour le féliciter, vanter, louer, exalter, louer*” [2]. Комплимент – это хвалебные слова (*paroles élogieuses et louangeuses*), прославление (*glorification*) или одобрение (*chaleureuse approbation, félicitation*), обращенные к кому-либо (*adressées à qn*), чтобы похвалить его (*féliciter, vanter, louer, louer*) вызвать в нем положительное эмоциональное состояние “*exalter*”.

В русской лингвокультуре комплимент определяют как «похвальный отзыв, приятные слова, вызванные стремлением сказать любезность в чей-то адрес [3; 4].

Следовательно, перлокутивным эффектом комплимента является сокращение коммуникативной дистанции между адресантом и адресатом, выражение симпатии, доброго отношения с целью поддержания существующего равновесия межличностных отношений либо восстановления нарушившихся.

По способу выражения интенции РА-комплимент могут быть прямыми и косвенными. В прямых комплиментах дается эксплицитная положительная оценка каких-либо качеств адресата. В косвенных комплиментах адресат вынужден сам обнаруживать комплимент в семантических компонентах высказывания. Положительная оценка адресата эксплицитно не выражена.

Комплимент принадлежит к высказываниям, относящимся к области ритуальных речевых действий, которые обычно строятся на основе клише, стандартизованных форм, речевых стереотипов. Однако, в отличие от таких ритуальных речевых действий как приветствие, извинение, благодарность и т.п., комплимент предполагает творчество говорящего.

РА-комплимент может рассматриваться на основании направленности комплиментного речевого действия на адресата, на вещи, которые принадлежат адресату, и на близких ему людей.

Важным фактором выражения комплимента могут быть: а) прямая позитивная оценка; б) оценка субъективного характера; в) позитивное сравнение; г) направленный восклицательный крик.

Комплимент может быть направлен на оценку внешних, нравственных интеллектуальных, физических данных адресата.

(1) *Les lèvres se retroussèrent, creusant des rides sur sa joue et des pattes d'oie à la commissure des paupières comme si l'âge et la désillusion reprenaient soudain possession de son visage.*

– *Vous avez un sens aigu de l'observation, monsieur Archer.*

– *Il faut bien dans mon métier* (М. Росс).

Неразоблаченная преступница пытается скрыть свое волнение перед следователем. Поэтому комплимент сдержанный, официальный, низко экспрессивный. Адресат (следователь *monsieur Archer*) воспринимает данное высказывание (*Vous savez un sens aigu de l'observation*) как справедливую характеристику наблюдательности адресата, но не как комплимент в свой адрес. Наблюдательность – одно из качеств, необходимых в профессии следователя (*Il faut bien dans mon métier*).

(2) *Quel que fût l'angle sous lequel on la regardât, cette tête bouclée était si gracieuse que j'avais toutes les peines du monde à détourner les yeux. Comment un front aussi élégant, pouvait-il abriter une colère aussi froide ?*

– *Vous deviez être très belle quand vous étiez jeune fille, remarquai-je, en partie pour lui faire un compliment sincère, en partie pour la calmer.*

– *Oui, très* (М. Росс).

Говорящий (следователь *monsieur Archer*) переводит тему разговора на внешность адресата (мать похищенного ребенка) в прошлом и тем самым пытается склонить его к кооперативному общению, сгладить недовольство, сделать комплимент, чтобы его успокоить (*en partie pour lui faire un compliment sincère, en partie pour la calmer*). РА-комплимент достигает перлокутивного эффекта: адресат принимает комплимент (*Oui, très*), но не настроен тем не менее уходить от основной темы разговора.

РА-комплимент может относиться к поступкам адресата.

(3) – *Vous n'avez pas dormi de la nuit, lieutenant?*

– *Pas beaucoup, admit-il bien que le manque de sommeil ne se remarquât guère que dans sa façon de parler et de se comporter plus impersonnelle qu'il n'était nécessaire. Vous n'avez pas chômé pendant les dernières vingt-quatre heures, Archer. Je vous dois des remerciements : c'est vous qui avez retrouvé le frère et ses déclarations seront importantes, surtout si l'affaire est portée un jour devant la justice* (М. Росс).

Разговор происходит между двумя коллегами-полицейскими (следователь *Archer* и лейтенант). Комплимент выражен в форме отрицания, отсутствия действия со стороны адресата (следователь *Archer*). Выполненная работа напрямую не оценивается говорящим (*lieutenant*), он только подчеркивает ее продолжительность (*pendant les dernières vingt-quatre heures*). Комплимент находится в подтексте: «Вы работали целые сутки, а не сидели сложа руки».

Далее говорящий (*lieutenant*) раскрывает суть и важность работы, проделанной адресатом (*Archer*): *c'est vous qui avez retrouvé le frère et ses déclarations seront importantes* и благодарит адресата за то, что расследование значительно продвинулось вперед благодаря его усилиям (*Je vous dois des remerciements*).

(4) – *Et que disiez-vous à M.Hillman dans ce petit mot ?*

– *Que j'avais eu des nouvelles de Tommy et qu'il était vivant. Juste pour le rassurer.*

– ***C'est là un geste qui vous honore.***

– *Peut-être, mais il m'empêche pas que j'ai manqué à ma promesse* (M. Ross).

Комплимент выражен в форме восхищения и одобрения поступка адресата (информатор). Однако адресат сомневается в своем поступке (*Peut-être, mais il m'empêche pas que j'ai manqué à ma promesse*). Неуверенность и сомнение адресата, нарушившего обещание держать информацию в секрете, не дают возможность адресанту вызвать в нем (адресате) положительное эмоциональное состояние. Следовательно, РА-комплимент не достигает перлокутивного эффекта.

В примерах 1–4 дается прямая позитивная оценка адресата. Однако комплимент может реализовываться посредством оценки субъективного характера. Такой комплимент воспринимается адресатом как более искренний, чем констативный тип.

(5) – *Je me demande ce que mon pere va me faire, fit alors la jeune fille. Excusez-moi de vous avoir entraîné dans cette aventure, ajouta-t-elle après une brève hésitation.*

– *Ne vous en faites pas. Votre aide m'a été infiniment précieuse* (M. Ross).

Знакомая похищенного мальчика (*la jeune fille*) просит прощение за свои действия, которые, по мнению следователя (*Archer*), наоборот, были абсолютно необходимы в данной ситуации. Желая подбодрить собеседницу (*la jeune fille*), следователь произносит комплимент, цель которого – не только похвалить девушку, дать оценку ее поступку, но и сообщить о благорасположении, установить и сохранить добрые отношения. Комплимент оказался достаточно убедительным, равновесие в отношениях коммуникантов сохранено.

(6) – *Je ne sais pas ce que je dois penser.*

– ***Je vous considère comme un brave homme qui s'est mis dans le pétrin, Harold.***

Cette manifestation de sympathie, c'était trop : il craqua. Les larmes lui montèrent aux yeux (M. Ross).

Разговор происходит между следователем и братом подозреваемого (*Harold*), который, рассказав свою историю следователю, чувствует себя неловко и неуверенно (*Je ne sais pas ce que je dois penser*). Следователь пытается оправдать адресата, подбодрить его. РА-комплимент *Je vous considère comme un brave homme qui s'est mis dans le pétrin, Harold* выражает субъективную оценку действий и поступков адресата, а также эксплицирует отношение говорящего к адресату. Цель РА-комплимент достигнута: адресат настолько растроган проявлением симпатии (*cette manifestation de sympathie*), что слезы

накатываются на его глаза (*Les larmes lui montèrent aux yeux*). Невербальный компонент (*il craqua* и *Les larmes lui montèrent aux yeux*) показывает, что перлокутивный эффект комплимента достигнут: между коммуникантами установились доверительные отношения.

(7) – *C'est une vanne que vous me balancez dans les gencives?*

– ***Non, je te considère comme un type honnête pour autant que tu saches de quoi tu parles. Mais tu vois les choses selon une optique personnelle et tu les déformes parce qu tu es un révolté.***

– *Oui, c'est vrai, je suis un révolté, reconnut-il avant d'ajouter après une courte pause : mais vous vous trompez quand vous m'accusez d'être partial ...* (M. Ross).

Разговор происходит между следователем и наконец-то найденным мальчиком, который сбежал от своих приемных родителей. Мальчик возмущен строгостью следователя (*C'est une vanne que vous me balancez dans les gencives?*). Следователь же возражает ему, используя комплиментное высказывание *Non, je te considère comme un type honnête pour autant que tu saches de quoi tu parles* 'Нет, я тебя считаю честным человеком'. Однако на правах старшего воспитывает подростка: *Mais tu vois les choses selon une optique personnelle et tu les déformes parce qu tu es un révolté*. Интенция РА-комплимент не реализуется, так как воспитательный момент в высказывании следователя вызывает протест подростка (*mais vous vous trompez* 'вы ошибаетесь'). Доверительные отношения между коммуникантами не возникают, а, следовательно, нет и равновесия в межличностных отношениях.

(8) *En dehors de Mme d'Orgel, seul Mirza voyait en Naroumof autre chose que vivacité d'esprit. Il lui posait des questions précises.*

– ***Vous êtes étonnant, Naroumof, dit Hortense d'Austerlitz, vous n'avez pas changé. Je vous trouve même rajeuni.***

– *Je n'ai pas changé, dit le prince, mais j'ai tout perdu. J'ai tout perdu, répétait-il d'une voix douce* (R. Radiguet).

Коммуникативная ситуация реализуется в кругу знатных людей, среди которых находится человек (*le prince Naroumof*), на которого никто не обращает внимания, так как его никто не знает и он кажется неинтересным для окружающих. Чтобы сгладить сложившуюся напряженную ситуацию, *Hortense d'Austerlitz* решает подбодрить его и привлечь к нему внимание присутствующих, адресуя ему комплимент по поводу его внешности: ***Vous êtes étonnant ..., vous n'avez pas changé. Je vous trouve même rajeuni.*** Однако *le prince Naroumof* чувствует себя настолько неловко, что комплимент не достигает цели (*Je n'ai pas changé, dit le prince, mais j'ai tout perdu. J'ai tout perdu*).

Комплимент относительно действий и поступков адресата способен разрядить обстановку общения, сделать ее более непринужденной.

(9) – *Soit, donnez à vos confidences le nom que vous voulez. Je suis très heureux de pouvoir m'entretenir avec vous. Depuis que j'ai commencé mon enquête, c'est la première fois que je rencontre quelqu'un qui me parle des origines profondes de cette affaire.*

– *A présent, ces origines n'ont plus guère d'importance. Ni le reste, d'ailleurs* (M. Ross).

Следователь глубоко признателен свидетелю за подробные сведения, необходимые для расследования, и выражает это комплиментом в косвенной форме (“Вы единственный, кто рассказал столько подробностей по этому делу, хотя мог бы держать все в тайне”). Свидетель спокойно реагирует на комплимент, так как считает, что ничего особенного он не сделал (*A présent, ces origines n'ont plus guère d'importance. Ni le reste, d'ailleurs*).

(10) – *Je faisais le ménage, m'expliqua Lila. Il fallait absolument que je m'occupe et c'est tout ce qui m'est venu à l'esprit...*

– *J'espère qu'Harold pourra bientôt apprécier vos vertus ménagères.*

– *Oui...* (M. Ross).

В примере (10) реплику следователя можно рассматривать как скрытый комплимент свидетельнице *Lila*. Следователь косвенно выражает свое мнение по поводу стараний *Lila*, ссылаясь при этом на ее мужа, т.е. если бы он был на месте ее мужа, то обязательно по достоинству оценил труд жены.

Lila скромно соглашается, поэтому кратко отвечает : *Oui*.

РА-комплимент может быть выражен при помощи сравнения.

(11) *Bastian me dévisagea longuement, me jaugeant du regard.*

– *Los Angeles avait raison. Vous n'êtes pas un fouille-merde comme les autres.*

– *J'espère bien* (M. Ross).

Комплимент адресован второму коммуниканту, но выражен в нестандартной для комплимента форме: отрицание отрицательного качества. Такой комплимент не в полной мере реализует интенцию говорящего – дать оценку свойств и качеств адресата, тем самым эмоционально настроить, подготовить его к дальнейшей эффективной коммуникации. Поэтому адресат принимает высказывание говорящего за должное и отвечает с некоторым укором (*J'espère bien* ‘Я тоже так считаю’, ‘Я очень надеюсь на это’).

РА-комплимент может быть представлен направленным *эксclamативом*.

(12) – *Je n'ose vous apporter mes excuses au sujet de mon fils ...*

– *Oh ! Madame ! Quelle bonté ! s'écria Mahaut. Et mue par coeur, elle prit les mains de la mère* (R. Radiguet).

Комплимент в примере (12) является выражением взаимной симпатии и доброго отношения между *Mme de Sérieuse* и замужней молодой женщиной *Mahaut*, которая нравится ее сыну *François de Sérieuse*. Мать (*Mme de Sérieuse*), полагая, что ее сын в чем-то виноват перед *Mahaut*, пришла к ней, чтобы принести свои извинения за своего сына (*Je n'ose vous apporter mes excuses au sujet de mon fils*). Однако *Mahaut* испытывает взаимные чувства к ее сыну. Поэтому она отвечает, используя РА-комплимент (*Oh ! Madame ! Quelle bonté !*). Междометие (*Oh !*), обращение (*Madame !*), а также восклицательный знак, который повторяется три раза, подчеркивают эмоциональное состояние *Mahaut*. Не желая нарушать достаточно неустойчивое равновесие в межличностных отношениях, молодая женщина, движимая сердечным порывом (*mue par coeur*), берет за руки *Mme de Sérieuse*. И РА-комплимент

(речевое действие), и следующее за ним физическое действие способствовали сохранению межличностных отношений и эмоционально настроили коммуникантов на дальнейшее общение.

РА-комплимент может быть направлен не только непосредственно на адресата, но и на вещи, которые ему принадлежат, и в таком случае передается через прямую позитивную оценку.

(13) – *Je l’aurais parié. Pourquoi dormirait-on ? Le sommeil vous prend derrière les oreilles. Vous sentez vos yeux qui se ferment, mais pourquoi dormir ? Vous vous allongez sur le canapé et pffft... le sommeil s’envole. Il faut se froter les yeux et tout recommence.*

– ***Que vous êtes romanesque !***

– *Taisez-vous. Je ne crierai pas, je ne gémirai pas, mais je veux regarder la situation en face ...* (J.-P. Sartre).

РА-комплимент *Que vous êtes romanesque* является направленным восклицанием. Однако реакция на комплимент не является положительной, так как человек, в адрес которого он прозвучал, считает себя выше по статусу и полагает, что может грубо ответить (*Taisez-vous* ‘Замолчите’).

(14) – ***J’ai entendu dire que vous aviez un orchestre de jazz excellent.***

– *C’est la vérité* (M. Ross).

(15) – *Je descendis de voiture et je m’approchai de son bolide dont je tapotai le capot.*

– ***Jolie voiture.***

– *Je l’aime bien* (M. Ross).

В примере (14) следователь *M. Archer* делает комплимент владельцу заведения по поводу джазового оркестра (*vous aviez un orchestre de jazz excellent*), в примере (15) тот же следователь использует РА-комплимент в разговоре с подозреваемым (*Jolie voiture*). И в том, и в другом случае через оценку вещи, принадлежащей адресату, положительно оценивается и сам адресат. Следователь специально использует комплимент для того, чтобы установить контакт, сократить дистанцию между собеседниками и тем самым расположить их к себе. Использование тактики комплимента позволяет адресанту реализовать намеченные цели: вызвать собеседника на искренний разговор и получить как можно больше нужной информации.

РА-комплимент, направленный на вещи, которые принадлежат адресату, а также на близких ему людей, может быть выражен при помощи оценки субъективного характера.

(16) – *D’accord, tu as gagné, admit-il en riant. On va la recevoir, ta protégée. Quel est son nom au fait ?*

– *Léonie Marchand. Elle a téléphoné la semaine dernière pour confirmer son arrivée. Elle m’a tout l’air d’une jeune femme charmante et très bien élevée* (N. Barnard).

(17) – *Dame ! C’est un gentil petit gars, un tantinet trop intello pour mon goût ...* (M. Ross).

В примере (16) субъективный характер подчеркнут местоимением *me*, а в примере (17) – при помощи слов *pour mon goût*, находящихся в постпозиции. Достаточно редкое явление, так как чаще оценка субъективного характера ставится в начале предложения.

По коммуникативной цели РА-комплимент сближается с другими РА, например, *похвала, лесть*.

Комплимент и похвала тесно связаны с положительной оценкой.

Похвала – лестный, положительный отзыв о ком-либо, чем-либо, высказываемое одобрение кого-либо, чего-либо [3; 4].

Во французском языке значение ‘похвала’ передается синонимами *louange, éloge*.

Louange *f* – action de louer quelqu’un ou qch.

Louer – déclarer quelqu’un ou qch digne d’admiration ou de très grande estime.

Eloge *m* – jugement favorable qu’on exprime au sujet de quelqu’un [2].

Таким образом, похвала – это благосклонное суждение (*jugement favorable*), заявление о том, что кто-то или что-то достойно восхищения (*digne d’admiration*) или очень большого уважения (*ou de très grande estime*).

Основной целью РА-похвала является положительная оценка, в то время как в РА-комплимент положительная оценка служит способом выражения симпатии, доброго отношения, благорасположения с целью поддержания равновесия в межличностных отношениях либо восстановления нарушившихся. Похвала – это оценка достижений (знаний, умений) адресата, его поступков, действий и т.д., проявленных при каких-либо обстоятельствах:

(18) *Tu as bien travaillé, mon petit* (G. Simenon).

Комплимент не ограничен в этом плане: можно сделать комплимент, отметив голубые глаза, цвет кожи и т.п., но нельзя похвалить за голубоглазость [5, с. 179].

Одним из условий комплимента является искренность. В РА-лесть это условие исчезает.

В русском языке лесть определяется как уродливое, обычно неискреннее восхваление кого-либо с целью добиться его благосклонности; лицемерное восхищение кем-либо, чем-либо [3; 4].

Французские словари дают следующее определение понятию *лесть*:

Flatterie *f* – louange fausse ou exagérée que l’on adresse à qn par complaisance, calcul [2], то есть лесть – это лживая, преувеличенная похвала (*louange fausse ou exagérée*), обращенная к кому-либо (*que l’on adresse à qn*) из корыстных побуждений (*par complaisance, calcul*).

Речь идет о речевых действиях, связанных с корыстными целями: просьбой, желанием добиться чего-либо, расположить к себе собеседника. Говорящий выделяет у собеседника некоторый признак, возможный как положительный. Если говорящий не считает, что собеседник обладает этим признаком, то формируется другой тип речевого действия: по форме – комплимент, по сути – лесть.

(19) *Elle poussa un profond soupir.*

– *Il serait exagéré de prétendre que tu es une vieille peau.*

– *Pas de flatteries, je t'en prie. Je suis vieille, vieille, vieille ...* (M. Ross).

(20) – *Je lui préparai un cocktail dont elle but une gorgée.*

– *Merci, Lew. Tu es vraiment adorable.*

– *Arrête ton cinéma, tu veux ?* (M. Ross).

Если рассматривать высказывания *Il serait exagéré de prétendre que tu es une vieille* и *Tu es vraiment adorable* в отрыве от контекста, можно было бы с уверенностью сказать, что они являются РА-комплимент. В примере (19) высказывание скорее похоже на антикомплимент, так как *Il serait exagéré de prétendre* ‘было бы преувеличением утверждать’ отрицает наличие определенного свойства у адресата: *tu es une vieille* ‘ты старуха’.

В примере (20) *Tu es vraiment adorable* присутствуют все необходимые для РА-комплимент атрибуты: наречие + прилагательное с позитивной оценкой *vraiment adorable*. Однако ситуация общения, отношения, которые сложились между коммуникантами, позволяют адресату легко распознать лесть. Доказательством служат ответные реплики адресата: *Pas de flatteries, je t'en prie. Je suis vieille, vieille, vieille ...* ‘Никакой лести, прошу тебя. Я старуха, старуха, старуха’ ... (пример 19) и *Arrête ton cinéma, tu veux ?* ‘Да прекрати же этот спектакль!’ (пример 20).

(21) *La femme lui souriait, comme pour l'amadouer. Elle riait encore.*

– *Je vous connais, vous savez, et je sais que vous n'êtes pas méchant ...*

– *Tu n'as rien entendu la nuit dernière ?* (G. Simenon).

Разговор происходит между женщиной, возможной свидетельницей убийства, и следователем. У женщины не лучшая репутация, и для того, чтобы не иметь лишних проблем, она старается задобрить следователя: *Je vous connais, vous savez, et je sais que vous n'êtes pas méchant* ‘Вы знаете, я вас знаю и я знаю, что вы не злой’ ... Следователь прекрасно понимает истинные намерения адресанта и потому никак не реагирует на эту лесть и продолжает работать, задавая вопросы (*Tu n'as rien entendu la nuit dernière?*). О том, что это откровенная лесть, свидетельствует поведение женщины, ее мимика: она улыбалась, словно хотела его задобрить (*La femme lui souriait, comme pour l'amadouer*).

Таким образом, при непосредственном общении коммуникантов невербальный компонент (улыбка, мимика), комбинируясь с вербальным, усиливает значение последнего, что позволяет адресату понять истинные намерения адресанта.

РА-комплимент следует отличать от ненаправленного восклицания.

(22) – *Quelle belle journée! J'aimerais que ce soit mon jour de congé.*

– *Ce serait magnifique* (G. Simenon).

По форме высказывание *Quelle belle journée!* ничем не отличается от направленного восклицания, выражающего комплимент (примеры 12, 13). В отличие от РА-комплимент, который направлен к кому-либо с целью вызвать положительные эмоции и тем самым сохранить/восстановить меж-

личностные отношения, РА-экспрессив никакого отношения к собеседнику не имеет. Он передает эмоциональное состояние коммуниканта.

РА-комплимент отличается от форм вежливости. Вежливость является необходимым элементом речевого общения. Она способствует успешному протеканию межличностного взаимодействия и характеризуется прежде всего как уважительное отношение к собеседнику, как стремление коммуниканта осуществить свои намерения и сохранить определенное равновесие в отношениях. Вежливость не связана с определенным типом РА. Она может быть в РА-просьба, совет, предложение и т.п.

(23) – *Je suis désolée, je n'ai pas remarqué, mais je regarderai cet après-midi dans les objets trouvés.*

– *Merci beaucoup, vous êtes gentille* (С. Missonnier).

После РА-благодарность, выраженного стандартной формой *Merci beaucoup*, следует оценка вторым коммуникантом будущего поступка первого коммуниканта: посмотреть, нет ли утерянной вещи в бюро находок (*vous êtes gentille* 'вы очень любезны'). Оценка поведения коммуниканта усиливает интенцию РА-благодарность: подчеркивается уважительное отношение к собеседнику, что создает позитивную среду взаимодействия.

Таким образом, все типы межличностных отношений могут быть обнаружены только в ситуации общения. Речевое общение носит социально-интерактивный характер и привязано к конкретным условиям ситуации. РА-комплимент относится к РА, регулирующим межличностные отношения. Он содержит информацию о психологическом состоянии говорящего, воздействует на эмоциональное состояние собеседника и требует от него определенной реакции, то есть комплимент эмоционально настраивает собеседника на позитивное общение, позволяет установить контакт, расположить к себе собеседника, поддержать/восстановить межличностные отношения.

По коммуникативной цели РА-комплимент сближается с другими РА, такими как похвала, лесть. Все эти РА связаны с положительной оценкой, направлены на установление контакта между коммуникантами. Однако каждый из этих типов РА обладает своими социопсихологическими и семантико-прагматическими характеристиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурашкина, Э.В. Регулятивность комплимента и оценочная риторика в полилоге / Э.В. Мурашкина // Материалы межвуз. науч.-практ. конф. – Тверь. 2003. – С. 34–38.
2. Le petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris, 1990. – 2171 p.
3. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений. – М.: Азбуковник, 1997. – 994 с.

4. Словарь русского языка: в 4 т. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2. – 736 с.
5. *Иссерс, О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 284 с.

The article deals with semantic-pragmatic features of the speech act of compliment, states its role in forming positive emotional reactions that contribute to establishing contact and maintaining or restoring interpersonal relations.

Поступила в редакцию 01.07.11

С.В. Козлова

ЛОЖНОСТЬ ДЕКОДИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье изучаются трудности понимания юридической терминологии, с которыми сталкивается не только исследователь, но и обычный читатель качественной прессы. Сделан вывод о том, что адекватно уяснить смысл газетной статьи возможно только принимая во внимание особенности синтаксиса, словоупотребления, орфографические и пунктуационные ошибки, подвижность семантики юридического термина, разнородность его пластов, а также размытость границ с общеупотребительной лексикой.

Юридический термин – это слово или словосочетание, выражающее определенное юридическое понятие [1].

Единицы языка терминологий характеризуются «двойной» системностью: с одной стороны, они являются членами языковой системы, а с другой – членами той области знаний (терминосистемы), специальные понятия которой они отражают [2, л. 9].

Однако во всех терминологиях существует некоторое количество лексических единиц (ЛЕ), так называемых консубстанциональных терминов, встречающихся как в повседневной, так и в профессиональной речи (а также широко представленных в публицистическом дискурсе) и тем самым вызывающих ряд трудностей при выделении терминов не только из словарного состава языка [3, с. 25–28], но и из газетных статей.

Наиболее непротиворечивым подходом к семантическим исследованиям, соответствующим основным требованиям теоретического языкознания и адекватным лингвистической сущности значения, а также полностью применимым к терминосистеме, является понятие *семантическое поле* (СП) (Й. Трир, Л. Вайсгербер, В. Порциг, Г. Гиппер) [4, с. 10].

В рамках проводимого исследования вслед за Н.В. Черных мы определяем СП как «пространство текста, организованное множеством значений,

имеющих общий семантический компонент (ядро, центр СП, периферия), зачастую с наибольшей точностью представленный в ключевом слове» [5, с. 8–9].

На каждое понятийное поле накладываются слова, членящие его без остатка и образующие словесное поле. При этом каждое слово реализует значение только в качестве части соответствующего поля (вне своего поля данная лексика либо остается непонятной, либо употребляется в ином значении и имеет иные системные связи). Носитель языка в полной мере осознает значение слова лишь в том случае, когда ему известны значения других слов из того же поля [6].

Однако для правильного понимания терминов, принадлежащих к определенному полю, необходимо принимать во внимание следующие трудности.

1. Подвижность лексико-семантических отношений между юридической терминологией (ЮТ) и общеупотребительной лексикой.

2. Синтаксис.

- Неоправданная сложность синтаксиса [7, с. 26; 8, с. 16]:

La Cour de cassation a rejeté mercredi la demande de regroupement à Paris de l'ensemble des procédures dans l'affaire du Mediator, ouvrant la voie à un premier procès pénal à Nanterre dès 2012, où trois citations directes ont été déposées devant la présidente de la 15e chambre correctionnelle du tribunal, Isabelle Prévost-Desprez “Le Monde”.

Информация данного предложения воспринималась бы быстрее, если бы оно было разделено на несколько простых предложений с целью избежания герундия и нагромождения обстоятельств места и времени.

- Избыточность, повторяемость отдельных фразовых фрагментов:

La dépenalisation n'aura de sens que si elle est accompagnée d'une série de mesures éducatives, d'une série de mesures au contact des usagers, des familles, pour effectivement ne pas tomber dans ce manichéisme, dans ces virages à 180°, avec tous les dangers qu'ils ont (“Le Monde”).

В данном случае достаточно было бы объединить *d'une série de mesures éducatives, d'une série de mesures au contact (...)* в *d'une série de mesures éducatives au contact (...)*.

- Искусственное объединение простых предложений в сложное с целью развертывания смысла:

(1) *Les statistiques des crimes et délits enregistrés par les services de police et les unités de gendarmerie reposent sur des critères et des méthodes d'enregistrement communs et identiques depuis 1972: (2) les analyses et les comparaisons dans le temps et dans l'espace sont ainsi permises* (La documentation française).

В данном случае более целесообразным было бы разделить данное сложное предложение на два простых.

- Несоблюдение порядка расположения слов, частей предложения [8, с. 16–20]:

Le fondateur du magazine Playboy a annulé son mariage avec la playmate Crystal Harris, qui a "changé d'avis" (“L'Express”).

Не понятно, к какой части предложения относится *qui a changé d'avis*. Кто передумал сочетаться браком: Хью Хефнер или Кристал Харрис?

- Чрезмерная перегрузка простых предложений однородными членами [9, л. 18]:

Après les premières mesures adoptées en mai-juin 2002 (création du Conseil de sécurité intérieure, instauration des groupements d'intervention régionaux), le gouvernement de Jean-Pierre Raffarin a entrepris la rénovation du cadre juridique pour lutter plus efficacement contre la criminalité et la délinquance : lois d'orientation et de programmation sur la Sécurité intérieure et la Justice en juillet 2002, loi sur la sécurité intérieure (LSI) du 18 mars 2003, loi du 9 mars 2004 portant adaptation de la justice aux évolutions de la criminalité ("Vie publique").

Наличие такого количества однородных членов заметно затрудняет понимание предложения.

3. Словоупотребление.

- Неправильное понимание и толкование слов.

Например, термины *droit criminel* (уголовное право, занимающееся преступными деяниями) и *droit pénal* (уголовно-процессуальное право, занимающееся санкциями) часто используют как синонимы и переводят как *уголовное право*.

- Дублетность или употребление дериватов.

«Je n'accepterai jamais qu'on banalise ces violences et qu'on s'y résigne», a insisté le chef de l'Etat, rappelant que le Parlement examinerait «prochainement» «une modification de la loi pénale destinée à punir plus sévèrement les assassins de policiers et gendarmes». Ce texte de loi, annoncé la semaine dernière après la visite du président à la famille et aux collègues du policier tué, prévoit d'étendre aux meurtriers de membres des forces de l'ordre la peine de sûreté incompressible de trente ans, jusque-là réservée aux auteurs de meurtres d'enfants de moins de 15 ans accompagnés ou suivis de viols, torture, et barbarie ("Le Figaro").

Как правило, наличие в одном абзаце двух групп дериватов не допускается, их заменяют синонимами.

- Использование штампов (с целью оказания помощи, осуществления..., действуя на почве ...):

À la suite d'un appel mené à l'aide d'un avocat l'année dernière, des analyses ont prouvé que l'ADN prélevé sur la scène du crime de Teresa De Simone n'était pas celui de Sean Hodgson ("Le Figaro").

L'homme aurait été tué "à la suite de nombreux coups portés à la tête", a-t-on ajouté ("Le Figaro").

«Les auteurs des crimes les plus graves ayant été masqués, ils ne peuvent pas être identifiés sans l'assistance des autorités israéliennes», souligne la mission d'enquête, qui demande au gouvernement d'Israël de coopérer pour permettre leur «identification en vue de poursuivre les coupables» ("Le Figaro").

La mère du jeune homme, âgée de 65 ans, a également été mise en examen pour "modification des preuves d'un crime en vue de faire obstacle à la manifestation de la vérité", a indiqué Luc Frémiot, procureur général de la cour d'appel de Douai ("Le Figaro").

Подобные клише-канцеляризмы из-за повышенной употребительности практически не воспринимаются читателями.

- Использование неистолкованных латинских выражений, сопровождающих юридические термины:

Sa mission? Faire pression, avec les arguments juridiques ad hoc, pour obtenir le retrait des données compromettantes (“Le Figaro”).

В юридическом дискурсе, ввиду его понятности специалисту-адресату, такой задачи не ставится, при переносе ЛЕ в публицистический дискурс они не истолковываются во избежание перегрузки текста избыточной информацией.

Журналисты не столько интерпретируют, сколько конструируют, создают новый «смысловой сгусток» там, где его не было, что приводит к субъективному, умозрительному, условному характеру многих юридических терминов [10, л. 35].

- Использование юридических терминов, которые в силу своей общей употребительности не воспринимаются адресатом как таковые (*банда, садизм, вменяемость*). Например:

L'enquête, ouverte pour "faits d'enlèvement et séquestration d'un mineur de 15 ans en bande organisée", a été confiée par le parquet de Bobigny à la brigade criminelle de la police judiciaire (PJ) de Paris (“Le Point”).

Les "guerres plus que civiles", elles se déroulent aujourd'hui comme jamais, et jamais leur cruauté, leur sadisme ne se sont déployés avec une démesure telle qu'aucun poète épique n'aurait osé l'imaginer (“L'Express”).

Soulignant qu'il n'avait "jamais trouvé dans ce dossier d'indices qui pouvaient asseoir une quelconque imputabilité des faits", il a demandé un nouveau délai pour obtenir des pièces complémentaires (“Le Point”).

Рядовому носителю языка просто определить семантику общеупотребительных слов (ср. *изнасилование* – *насильственное действие сексуального характера*), однако подобное восприятие может привести к непониманию специального значения (область значений в обыденном и юридическом дискурсах неодинаковая).

- Использование фантомов (*разумность, изменения обстановки, соответствующий, определенный/некоторый*), лексической спекуляции:

La lutte contre les invasions biologiques, cause majeure du déclin d'espèces animales ou végétales, est contestée. Une remise en cause de son bien-fondé qui inquiète les experts (“Le Monde”).

О разумности какой конкретно борьбы идет речь?

Cet avertissement souligne l'impatience dont commencent à faire preuve certains acteurs de la crise haïtienne qui savent que ce pays a besoin de changements drastiques pour espérer entamer une nouvelle ère politique (“RFI”).

Какие изменения имеются в виду?

S'ils l'estiment au contraire «qualifié», une seconde phase s'ouvrira pour déterminer si la peine capitale est la sanction «appropriée» de ses crimes (“Le Figaro”).

Слово *соответствующий* в данном контексте не имеет никакой смысловой нагрузки.

*Même s'il a établi un **certain** nombre d'actes d'accusation, le Tribunal pénal international pour le Rwanda n'a encore poursuivi personne pour viol ou autre violence sexuelle* (“Membres.multimania”).

Определенный/некоторый в таких контекстах принимает значение ‘неопределенный’.

- Использование лексико-грамматических маркеров, указывающих на нечеткость ограничения объема толкуемого юридического понятия, события (*и т.д., как бы, может (также) характеризоваться, другие ...*) [8, с. 16–24]:

Les plaintes ont commencé à augmenter mais les victimes étaient confrontées déjà souvent en justice au même type de propos que ceux que nous venons d'entendre : la réputation de l'accusé était détruite, elle ne s'était pas défendue, elle n'était pas crédible, etc. (“Le Monde”).

On dirait que tous les criminels qui diffament le gouvernement cambodgien et ses dirigeants depuis l'étranger sont considérés comme des héros et reçoivent l'asile politique (“Cambodge Soir”).

Dans une partie de l'affaire du sang contaminé, la Cour avait donné la même interprétation de l'article 221-5 en rappelant que « le crime d'empoisonnement ne peut être caractérisé que si l'auteur a agi avec l'intention de donner la mort » (“Sida Info Plus”).

*Relevant que les groupes terroristes et **d'autres** organisations criminelles "ont tendance à se propager là où les gouvernements n'ont ni la capacité ni les moyens d'action nécessaires pour répondre à leurs vulnérabilités en matière de sécurité", le G8 s'engage "collectivement à les aider" et cite "en particulier l'Afghanistan, le Pakistan, le Sahel, la Somalie et le Yémen"* (“Le Figaro”).

В дальнейшем полностью отсутствует определение этих дейктиков.

- Малопонятные широкому кругу читателей юридические профессионализмы и жаргонизмы (*flic m* ‘полицейский’, *bavard m* ‘адвокат’, *Beauvau m* ‘Министерство внутренних дел’) [11, с. 10–14]:

*L'avenir, c'est que **flics** et **bavards**, on travaille ensemble au service de la justice* (“Les actualités du droit”).

*Retour à la case **Beauvau*** (“Acteurs Publics”).

*Les rencontres de **Beauvau*** (“Sarko France”).

4. Технические трудности:

- тиражирование ошибок речеупотребления [12, с. 10];
- пунктуационные ошибки;
- графические аномалии [8, с. 17].

5. Трудности смысловой стороны юридического термина, подверженной следующим изменениям.

- Сужение значения (вследствие тенденции к детализации понятий и исчезновения каких-либо терминов терминополья): в праве слово *meurtrier m* обозначает любого преступника, но в обыденной речи эта ЛЕ соотносится с убийцами и любым преступником, совершившим тяжкое преступление [13].

- Расширение значения (вследствие появления новых терминов, объединенных новым семантическим признаком): например, ЛЕ *faillite f*, которая изначально является юридическим термином, обозначающим ‘банкротство’, но с некоторых пор употребляется также в значении ‘неудача’.

- Метонимический перенос (С.П. Хижняк отмечает, что «изменение значений юридических терминов происходит только на основе метонимических переносов» [14, с. 77]):

- по действию и его результату (*arrêtation f* ‘арест’);
- вмещающему и вмещаемому (*tribunal m* ‘суд’);
- близости выполняемых функций (*témoin m* ‘свидетель’).

- Моносемантизация (специфический для ЮТ процесс в связи со стремлением к однозначности ее использования (*procès m* ‘судебный процесс’, ‘судебное дело’) [14, с. 74–78].

- Синонимия:

- использование правовых квазисинонимов (ср. *avis m documentaire* ‘документальное заключение’ – *expertise f, examen m* ‘экспертиза’, *règlement m d’un document* ‘согласование документа’ – *obtention f d’un visa* ‘получение визы’);

- употребление неточного синонима (*interpellation f* ‘запрос’ – *demande f en justice* ‘иск’, *aliénation f* ‘отчуждение’ – *ordre m* ‘распоряжение’);

- насыщенность синонимами:

*L'importance accordée à la criminalité des **immigrés** par M. Bastrykine semble cependant bien loin des chiffres de l'Agence des statistiques Rosstat, qui souligne que les **étrangers** ont commis moins de 2% (13.000) des quelque 684.400 "crimes graves ou très graves" recensés en 2010. <...> Les propos critiquant les **immigrés** se multiplient depuis le 11 décembre, lorsque un rassemblement interdit de milliers de supporters de foot – venus réclamer justice pour l'un des leurs tués par des **personnes du Caucase russe** au cours d'une bagarre – a dégénéré en démonstration de force nationaliste et xénophobe suivi d'affrontements avec la police (“Le Figaro”).*

Цель использования синонимии предполагает достижение организованности, оптимальности и взаимосогласованности элементов текста, но любая перенасыщенность приводит к обратному эффекту.

- Антонимия:

- отступление от принципа симметричности антонимической пары, например:

*Ce constat s’applique en particulier à une intervention dans une guerre civile, où les parties en présence ne sont pas facilement divisées entre **victimes** et **agresseurs**, entre le bien et le mal (“Le Figaro”);*

*Elle a par ailleurs jugé que dans ce genre d'affaire, "pour un homme lambda, on parle de **voleur présumé**, de **victime potentielle** (“Le Figaro”);*

*Entre autres atrocités, le **boucher des Balkans** est responsable du massacre, à l’été 1995, de **quelques 8000 hommes et adolescents musulmans désarmés**, dans les bois entourant Srebrenica;*

- окказиональная антонимия:

Il a transposé son action de Downing Street au bureau d'un psychiatre et le prenant pour héros en a fait le dépositaire des névroses de trois archétypes de la société contemporaine : l'homme politique, la victime, le paumé (“Le Figaro”);

○ противопоставление многозначных слов и синонимов (*acte m* ‘акт’ – *action f* ‘действие’), что неизбежно провоцирует применение дополнительных логических операций по выявлению, вычленению противопоставляющихся значений.

- Омонимия (*dette f* ‘долг’ в уголовном и гражданском праве, *récusation f* ‘отвод’ в процессуальной и земельной областях права, *rappel m* ‘отзыв’ в государственном и гражданско-процессуальном праве) [9, л. 21–37].

- Архаизмы:

"Nous allons voter une résolution à la reprise du CCE dans l'après-midi donnant mandat au secrétaire d'ester en justice contre Total pour entrave à l'information", a-t-il précisé (“Le Figaro”).

- Неологизмы. Например, юридический термин *nonobster* ‘не принимать во внимание’ можно встретить даже в статьях, не носящих новостной характер:

L'opus est ambitieux, l'atmosphère riche des références – allant des comédies musicales de Disney aux films aux ambiances sophistiquées et légères des années folles des 30's – est excentrique et enchanteur sans nonobster les textes à la fois romantiques et piquants (“With musique in my mind”).

6. Трудность представляет также разнородность пластов ЮТ:

- а) собственно юридические термины (*déclarant m, défendeur m*);
- б) неюридические термины (являющиеся частью других терминологических систем: *aconage m* – мор.) и термины, входящие в разные терминологические системы (*cassation f* – юр., муз., воен.);
- в) общенаучные слова (*procès m*);
- г) термины, имеющие наряду с терминологическим, общеупотребительное значение (*captation f* – юр. ‘присвоение имущества’, общеуп. от р. ‘захват, перехват’);
- д) общеупотребительная лексика, часто встречающаяся в юридических текстах, но статус которой не подтвержден юридическим словарем (*méthode f*) [15, с. 8].

Более того, термины сами по себе грешат неточностью в силу тенденции к универбации (передача одним словом комплекса значений, выражаемых сочетанием слов) и лингвистическому упрощению (когда ошибочно считается, что любое производное слово может семантизироваться посредством отсылки к производящему) [16, с. 9–15]; многие ученые также свидетельствуют о терминологическом разномыслии и расплывчатости [17, л. 16].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаев, В.К.* Общая теория права: курс лекций / В.К. Бабаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kursach.com/biblio/0010004/000.htm>. – Дата доступа : 22.05.2011.
2. *Клюева, Т.Б.* Образование терминов-словосочетаний и их функционирование в специальном медицинском тексте (на материале терминологии аллергологии и иммунологии): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.Б. Клюева. – М., 1991. – 142 л.
3. *Гринев-Гриневиц, С.В.* Терминоведение: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / С.В. Гринев-Гриневиц. – М. : Издат. центр «Академия», 2008. – 304 с.
4. *Жгенти, М.В.* Семантическое поле как принцип исследования словесных значений): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.В. Жгенти. – Тбилиси, 1983. – 26 с.
5. *Черных, Н.В.* Семантическая емкость слова в рамках семантического поля: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Черных. – Ростов н/Д, 2003. – 25 с
6. Лингвистическая семантика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://semiot.ru/26.html>. – Дата доступа: 20.07.09.
7. *Люсакова, И.П.* Язык газеты: социокультурный аспект / И.П. Люсакова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. – 103 с.
8. *Босов, А.Е.* Функционирование терминов в отечественных лингвистических и юридических текстах второй половины XX – начала XXI века в свете данных дискурсивного анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.Е. Босов. – Нижний Новгород, 2009. – 26 с.
9. *Власенко, Н.А.* Проблемы точности выражения формы права : Лингвологический анализ: дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. / Н.А. Власенко; Екатеринбург, 1997. – 71 л.
10. *Авакова, О.В.* Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.В. Авакова. – М., 2006. – 208 л.
11. *Абдусаидов, А.* Язык газеты и литературная норма: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. Абдусаидов; АН УзССР, Ин-т языка и лит. им. А.С. Пушкина. – Ташкент, 1988. – 23 с.
12. *Добросклонская, Т.Г.* Язык средств массовой информации / Т.Г. Добросклонская. – М. : Книжный дом, 2008. – 115 с.
13. Le Grand Robert [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lerobert.demarque.com/fr/ca/dictionnaire-en-ligne/>. – Дата доступа: 22.05.2011.
14. *Хижняк, С.П.* Юридическая терминология: формирование и состав / С.П. Хижняк. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1997. – 132 с.
15. *Юдина, Е.Н.* Юридическая терминология как часть лексической системы современного французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е.Н. Юдина. – МГУ. – М. , 2005. – 21 с.

16. Милославская, Д.И. Системное описание юридической терминологии в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Д.И. Милославская. – М., 2000. – 24 с.

17. Щаднева, В.П. Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В.П. Щаднева. – Тарту: Тарт. ун-т, 2000. – 208 л.

The article deals with an adequate understanding of law terms in publicistic discourse because of difficulties of syntax, word usage, spelling and punctuation errors, semantics mobility of the law term, the heterogeneity of its recovery, as well as blurring the boundaries with the vernacular vocabulary.

Поступила в редакцию 30.06.11

И.И. Панова, Н.В. Шаляев

ПРОСОДИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ФУТБОЛЬНОГО РЕПОРТАЖА

В статье дано описание значимых просодических делимитативных средств, формирующих жанровую специфику английского аутентичного футбольного комментария. Установлены определенные кокуррентные комплексы дискурсивных средств членения устного текста, обеспечивающие коммуникативно-прагматическую адекватность реализации исследуемого информационно-развлекательного события. Данные получены на основе аудитивного и акустического анализов параметровых признаков членения, достоверность количественных величин которых обеспечена их статистической обработкой.

Изучение стилей и жанров устной речи всегда привлекало внимание исследователей, занимающихся выявлением особенностей функционирования определенных нормативных языковых форм в различных сферах общения. Трудность установления дифференцирующих признаков различных стилей и жанров устной речи, по мнению ученых, обусловлена действием как разнонаправленных, так и идентичных экстралингвистических факторов, создающих как стилистическое, так и внутрителистическое расслоение эпизодов речевой коммуникации и, следовательно, определяющих формирование системы жанровой принадлежности устных дискурсов [1].

Объективное наличие системы жанров как письменной, так и устной речи предполагает и предопределяет внутреннюю взаимозависимость образующих их единиц в пределах каждой системы [2, с. 80; 3, с. 3]. Вместе с тем любой жанр, являясь ингерентным элементом системы, т.е. компонентом, структурирование и организация которого в определенной степени зависят

от условий действия всей системы, обладает относительной самостоятельностью и, по утверждению М.М. Бахтина, имеет свою преимущественную сферу бытия и тем самым расширяет зону определенной жанровой системы [4, с. 77].

В плане стилистической и жанровой стратификации устных дискурсов самостоятельную сферу речевого порождения представляет собой телерадиовещание как особый процесс информационного взаимодействия субъектов в обществе в масштабах от межличностного до глобального. Проведенные исследования композиции и дифференциации телерадиосообщений на материале различных языков как в лингвистике, так и журналистике [5, с. 86; 6, с. 101] свидетельствуют о том, что каждый жанр телерадиовещания наряду с признаками определенной жанровой группы обладает свойственными только ему особыми чертами индивидуальной избирательности, которые внутри данного жанра находятся в определенном соотношении и взаимодействии.

Так, к наиболее репрезентативным жанрам информационного телерадиовещания, помимо новостных бюллетеней, принято относить *репортаж*, регистрирующий определенное событие, очевидцем которого является репортер и которое часто представляется им через собственное его восприятие.

В имеющихся исследованиях речевой реализации различных видов телерадиорепортажей указывается на наличие в любом репортаже, наряду с системными жанровыми свойствами, собственных структурирующих языковых признаков, которые создают его целостность и самостоятельность как особого вида информационного вещания.

Телерадиорепортажи различных игровых видов спорта в современном вещательном пространстве рассматриваются в числе значимых медийных средств информационной журналистики в качестве идеального ретранслятора популярного развлекательного события. Футбольный репортаж представляет собой наиболее динамичный информационно-аналитический жанр в системе игровых видов спортивного вещания [7, с. 177]. Структурная специфика и заданность его композиции обусловлены особыми факторами реализации данного дискурса, ведущими среди которых являются квантикативность адресата и прагматическая эмотивность события.

В имеющихся исследованиях футбольного репортажа на материале различных языков особо отмечается тот факт, что он строится на профессиональном знании и соблюдении комментаторами принятого в журналистике устойчивого операционального сценария данного вида репортажа, который определяет выбор наиболее эффективных языковых средств его тематического наполнения и адекватной его презентации в период фиксированного времени матча.

Прослушивание многочисленных записей английских футбольных матчей подтверждает имеющие место следующие факторы: ингерентное расслоение любого футбольного репортажа; соблюдение всеми комментаторами профессионально заданных институциональных требований тематичес-

кого построения данного событийного дискурса (*вступление (pre-match)*, *комментарий непосредственного хода игры (play-by-play)* и *концовка (after-match)*); выбор адекватной речевой риторики каждого композиционного фрейма [1, с. 102].

В данной статье представлены результаты изучения сегментации текста английских футбольных репортажей просодическими средствами.

Для экспериментального фонетического исследования были отобраны репортажи 10 футбольных матчей различных квалификационных уровней, проходивших в 2008 и 2009 годах с участием английских команд. Запись репортажей получена по спутниковым спортивным каналам “Sky sports 1”, “Sky sports 2” и “ITV sport” в реализации восьми английских профессиональных спортивных комментаторов.

Изучение характера сегментации исследуемых репортажей проводилось методами аудитивного и акустического анализов. Экспериментальная выборка составляла 5 часов звучащего текста. Надежность полученных количественных данных подтверждена их статистической достоверностью.

На первом этапе исследования в процессе перцептивного анализа текстов восьми опытным аудиторам было предложено отметить границы фраз и интонационных групп и воспринимаемые на их границах паузы с учетом принятой в фонетических исследованиях их дифференциации по длительности: короткие, средние и длинные. В ходе проводимой аудитором регистрации воспринимаемых перерывов звучания оказалось, что традиционно используемые в фонетических исследованиях контрасты типов пауз по длительности не отражают всего реального объема их вариативности в футбольном репортаже, что, следовательно, требовало введения двух дополнительных типов пауз по их перцептивной оценке: сверхдлинных и максимально длинных на основе воспринимаемого аудитором эксплицитного контраста перерывов звучания.

Анализ количественных показателей, полученных на основе аудитивных данных, показал, что футбольный репортаж имеет особую по сравнению с другими видами публичной речи [8, л. 4; 9, с. 14] заданность его сегментации, маркирующую его самостоятельность как особого вида публичного дискурса. Так, особенность футбольного репортажа состоит, во-первых, в особом соотношении времени и перерывов фонации, которое составляет 51 и 49 процентов по усредненным данным всех 10 матчей. Имеющая место вариативность соотношения времени длительности перерывов вербального текста в комментировании хода игры (коэффициент вариации – 41 %) обусловлена как индивидуальными особенностями отдельных комментаторов, так и в большей степени реальной ситуацией на игровом поле.

Английский футбольный репортаж, с точки зрения его дискретности, представляет собой особый вид медиадискурса, специфику которого определяет как особая рекуррентность просодических единиц членения текста (фраз и интонационных групп) различной протяженности в период фонационного времени, так и особый характер их делимитации.

Количество фраз и интонационных групп в исследуемых репортажах устанавливалось путем регистрации их количества в минуту звучащего текста, которое составляет 28 синтагм/мин и 11 фраз/мин в среднем по всем 10 репортажам. Вариативность их частотности в определенной степени обусловлена тематическим содержанием того или иного композиционного блока репортажа и варьирует от 27 синтагм/мин во вступлении до 32 синтагм/мин в концовке и от 9 фраз/мин во вступлении до 12 фраз/мин в комментировании хода игры. Коэффициент вариации для фраз и синтагм составляет 39,6 %.

Одним из наиболее эксплицитных жанровых признаков особой сегментации футбольного репортажа является количественно-слоговой состав интонационных групп, который представлен в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Слоговой состав интонационных групп, %

Количество слогов	Репортаж										В среднем
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1–5	53	43	61	57	50	55	62	60	55	42	54
6–12	42	42	33	38	40	38	34	37	43	49	40
12–30	4	15	5	5	9	7	4	3	2	9	6

Как видно из табл. 1, основной просодической единицей членения футбольного репортажа являются короткие синтагмы, состоящие из 1–5 слогов.

Например.

Вступление

'Thank you, 'Richard. { Yes, the 'north of ,Germany 'here | not | 'much 'more { than an 'hour's 'flight from the U'K { within a'nother 'hour's 'drive { from the 'nearest inter'national 'airport | of 'Hanover. || 'This is 'very >much { a 'moto 'town ||| with >half { >the { 'popu'lation >of { a'round 'one 'hundred 'thirty 'forty >thousand { em>ployed { >by { the { 'Volkswagen { 'car \group. || And it is a 'proper 'football ,ground, Mr. \ Grey.

Ход игры

'Ober>tan. ||| If you're 'Michael 'Owen, { you 'make a 'run { and 'hope that the 'ball 'comes, though he 'certainly | was on the >move { which is { 'so 'often the 'key to his 'goal getting 'ability. ||| >That's { a little ,message || to { a ,certain | I>talian | 'head 'coach | of a 'national 'team { for 'Michael 'Owen. ||

,Well { 'abso'lutely. { I >mean { a'gain, { they're 'very ,much on the 'back ,foot{ in the 'second 'half. U'nited 'hardly 'troubled ||| 'Wolfs'burg | de'fensively. ||| Mi'simovic. ||| 'Jasue. || 'Park. || He must have 'learnt the 'language { 'pretty 'well by 'now { I would ,think. || It was 'very 'coolly 'done by the 'South Ko'rean. |||

Концовка

'Man'chester U'nited | 'through { Michael >Owen || six days short of his 'thirtieth 'birthday | >but { 'very 'much | 'in 'from, | 'very 'much in the 'headlines. | 'Man'chester U'nited 'top the 'group. || They've 'come 'up with a 'win { when they 'needed 'only a 'point. || For 'Wolfs'burg || 'missed 'oppor'tunities || 'not 'playing 'particularly 'well at 'one 'one when 'Dzeko 'headed >the { 'equalizer to 'Owen's 'first , goal, we 'thought they 'might , go , on and 'do 'what they 'had to ,do. || ,But ,watch | ,that { 'space. || And 'Michael 'Owen 'had the , match ,ball | and >he'll | re'claim it. | He has 'earned it | and 'Man'chester ,United | >with a | 'patched 'up de'fense | have >found | the >sharpest | per'formed | >for | >the | at'tacker. ||| But >Carrick | and >Fletcher | and >Evra | de'serve 'plenty of ap'plauds as \well. || On a 'night | of 'some 'drama. | 'Finishes | 'Wolfs'burg { 'one | 'Michael 'Owen 'three. | 'Man'chester U'nited three. ||

Жанровая специфика просодического портрета футбольного репортажа также состоит в особом характере делимитации интонационных групп и фраз. В исследовании рассматривались паузы с перерывом звучания, имеющие акустически регистрируемый перерыв фонации. При помощи программы обработки речевого сигнала Praat, версия 5.2.01. были установлены следующие акустические корреляты зафиксированных аудитором типом пауз: короткие (до 150 мс), средние (151–600 мс), длинные (601–1500 мс), сверхдлинные (1501–7000 мс) и максимально длинные (7001 и более мс) (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Распределение акустических контрастов перерывов звучания текстов, %

Пауза, мс	Репортаж										В среднем
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
до 150	32	25	36	33	38	37	36	41	40	39	35,6
151–600	30	32	27	24	26	24	21	25	29	26	26
601–1500	18	24	18	23	20	20	23	19	15	19	20
1501–7000	16	14	15	16	13	15	17	12	13	13	14,4
7001 и более	4	5	4	4	3	4	3	3	3	3	4

Сопоставление воспринимаемой длительности пауз с акустическими показателями перерывов звучания свидетельствует об отсутствии только в 10 % случаев пороговых различий перцептивной дифференциации смежных типов пауз, поскольку акустический сигнал перерыва звучания воспринимается в его релятивной оценке аудиторами относительно индивидуального темпа речи комментатора и, очевидно, обусловлен действием определенного эталона длительности того или иного типа паузы. В целом же акустические показатели протяженности перерывов фонации в футбольном репортаже с большой степенью статистической достоверности объективируют имеющую место парадигму воспринимаемых пяти типов пауз для делимитации просодических единиц.

Рекуррентность различных типов пауз зависит от композиционного блока репортажа и обусловлена такими экстралингвистическими факторами, как звучание гимна страны, соблюдение определенных ритуальных моментов, замена игроков, снижение накала игры и др. В этих случаях видеоряд делает комментарий происходящего действия избыточным.

В силу того, что в основе футбольного репортажа преобладают эмоционально-фактологические свойства и как их следствие отсутствует время на обдумывание высказываний, содержание часто “обгоняет форму”. Роль пауз различной продолжительности в речи комментатора обусловлена сугубо экстралингвистически. Следует отметить, что в футбольном репортаже отсутствуют паузы колебания и паузы обдумывания, т.е. паузы так называемой прогрессивной доработки высказывания.

С целью установления темпоральной организации репортажа был введен коэффициент фонационного времени, который определялся соотношением количества слогов в единицу времени (секунду). Средний темп речи комментаторов по всем 10 репортажам составляет 5,5 сл/сек и варьирует в пределах от 4,4 сл/сек в концовке спортивного репортажа до 5,8 сл/сек в ходе игры. Во вступлении репортажа темп речи репортера составляет 4,8 сл/сек. Коэффициент вариации темпа речи по всему репортажу составляет 29,4 %.

Анализ также показал, что репортаж не имеет стабильного темпорального режима фонации и его темп зависит от динамики событий, происходящих на игровом поле, объема фоновых дополнений и в определенной мере от индивидуальных речевых навыков комментатора. Колебание темпа речи от замедленного до сверхбыстрого используется репортером в качестве эмотивной стратегии с целью создания эффекта вовлеченности зрителя или слушателя в ход игры или повышения драматизма определенного момента путем замедления темпа, либо ускорения речи при комментировании менее важных эпизодов игры. Естественное колебание темпа речи репортера от сверхбыстрого до замедленного является нормативным признаком спонтанной речи повышенной экспрессивности.

В целом эксперимент показал, что дискурс футбольного репортажа имеет широкий спектр различных средств сегментации его звучащего

корпуса, при этом концентрация основных значений параметровых признаков осуществляется в узких пределах, а именно: особом соотношении фонационного времени и перерывов звучания, краткости слогового состава интонационных групп, неравномерной продолжительности перерывов звучания и их подчиненности характеру развертывания событий, отсутствии пауз колебания, что отражает коммуникативную стратегию событийного дискурса и адекватно отвечает прагматическому намерению говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зильберт, А.Б.* Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) / А.Б. Зильберт // *Язык, сознание, коммуникация*. – М. : Макс Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 103–112.
2. *Глушак, Т.С.* Функционально-коммуникативный подход к проблеме стиля / Т.С. Глушак // *Методология политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов* / сост. и общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : БГУ, 2000. – Вып. 2. – С. 79–87.
3. *Горлатов, А.М.* Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. / А.М. Горлатов ; МГЛУ. – Минск, 2002. – 33 с.
4. *Бахтин, М.М.* Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
5. *Ким, М.Н.* Жанры современной журналистики / М.Н. Ким. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2004. – 336 с.
6. *Солганик, Г.Я.* Стилистика текста: учеб. пособие / Г.Я. Солганик. – М. : Флинта ; Наука, 1997. – 256 с.
7. *Михайлов, С.А.* Спортивная журналистика: учеб. пособие / С.А. Михайлов, А.Г. Мостов. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А. – 2005. – 223 с.
8. *Новицкий, С.А.* Фоностилистические структуры устного официально-делового монолога в английском языке (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.А. Новицкий; МГПИИЯ. – Минск, 1977. – 136 л.
9. *Федосеева, В.М.* Просодия дидактического монолога в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.М. Федосеева ; МГПИИЯ. – Минск, 1983. – 21 с.

This paper describes the results of the prosodic study of English football announcer commentary with the focus on segmenting the texts into basic prosodic units. The data obtained are based on the statistically reliable preference of the co-occurrent acoustic features.

Поступила в редакцию 23.06.11

В.В. Пытко

СЕМАНТИКА РАЗНОУРОВНЕВЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКИХ РЯДАХ РОДОВИДОВОГО ТИПА
(на материале наименований водных животных
в современном английском языке)

В работе анализируются семантические свойства лексических единиц, образующих гиперо-гипонимический ряд родовидового типа. Особое внимание уделяется параметрическим характеристикам гиперо-гипонимических рядов, таким как глубина и ширина, а также семантике разноуровневых лексических единиц. В ходе анализа выявляются особенности соотношения значений лексических единиц, расположенных на разных уровнях обобщения, определяется набор семантических свойств, характеризующих семантику каждого гиперо-гипонимического ряда и всего лексико-семантического поля в целом, а также устанавливаются типы и уровневая дистрибуция семантических компонентов в рамках одного гиперо-гипонимического ряда.

В настоящую эпоху развития лингвистики, “эпоху семантики” [1, с. 3], отношение *гиперо-гипонимии*¹ привлекает особое внимание исследователей, занимающихся раскрытием особенностей познавательных процессов и стремящихся понять специфику языка как средства хранения разнообразной информации о мире. Гиперо-гипонимию, ведущая роль которой в процессах концептуализации и категоризации несомненна, признают “главным фактором смыслового упорядочения словаря”, а также причисляют к “глобальным семантическим структурам” [2, с. 404–405], считая ее семантической универсалией языка, в основе которой лежит логическая операция обобщения, способствующая передаче особенностей сходства и различия вещей (работы В.Г. Гака, Л.Д. Дяченко, Дж. Лайонза, С.А. Игнатовой, Дж. Лича, Д. Круза, М.В. Никитина, Р.М. Фрумкиной и др.).

Несмотря на то, что на настоящем этапе имеется большое количество исследований, связанных с анализом гиперо-гипонимических структур, авторами неоднократно подчеркивалась недостаточная изученность данного типа семантических отношений. Так, например, Р.М. Фрумкина и А.Д. Мостовая, говоря о нерешенных проблемах в сфере гипонимии, указывают на ее неоднородность, обусловленную особенностями репрезентации знаний в гиперо-гипонимических рядах разных типов [3]. В трудах таких исследова-

¹ Несмотря на то, что для обозначения семантических отношений, базирующихся на логическом отношении включения, в лингвистике существует ряд терминов (родовидовые отношения, категориально-спецификационные отношения, гипонимия, гиперо-гипонимия и др. (работы М.В. Никитина, Дж. Лайонза, Е.Л. Гинзбурга и Г.Е. Крейдлина, Ч.Дж. Филмора, Д. Гирэртса и др.), в своей работе мы предпочитаем термин *гиперо-гипонимия*, который наиболее четко отражает неравноправность входящих в оппозицию членов и показывает направленность связи, причем наименования членов оппозиции, предложенные Дж. Лайонзом, идеально соотносятся с наименованиями членов других видов семантических отношений, типа *антонимия*, *синонимия*, *меронимия* и др.

телей, как А. Вежбицкая, Д. Круз, Е.Л. Гинзбург, Г.Е. Крейдлин и др., также прослеживается идея разграничения гиперо-гипонимии с ярко выраженными родовидовыми отношениями от других разновидностей гиперо-гипонимии, мнения по классификации которых у ученых расходятся. Таким образом, очевидной становится необходимость дальнейших семантических исследований в данной области.

В данной статье мы ставим своей задачей раскрыть специфику гиперо-гипонимических структур таксономического типа, в основе которых лежат родовидовые отношения. Для этого необходимо, во-первых, определить параметрические характеристики, т.е. глубину и ширину, гиперо-гипонимических рядов, а во-вторых, выявить семантику лексических единиц в гиперо-гипонимических рядах. Главный акцент в работе делается на особенностях соотношения значений лексических единиц, расположенных на разных уровнях обобщения, а также специфике уровневой дистрибуции семантических компонентов определенных типов.

Объектом исследования послужили наименования водных животных в современном английском языке, представленные простыми и производными словами, а также устойчивыми терминологическими словосочетаниями (всего 132 наименования). Выбор именно данной группы лексических единиц обусловлен тем, что названия животных, по мнению А. Вежбицкой, образуют “концептуальную”, т.е. действительную, таксономию [4], что полностью соответствует задачам данной работы.

В своем исследовании в рамках единого лексико-семантического поля водных животных мы рассматриваем наименования, составляющие три наиболее известные тематические группы – названия *рыб*, *водных рептилий* и *водных млекопитающих*. Источником информации о семантике лексических единиц послужил авторитетный толковый словарь современного английского языка [5], который, как подчеркивает Л.П. Ступин, характеризуется “четкой и подробной разработкой семантической системы значений слов” [6, с. 104; 7, с. 39].

В ходе исследования было установлено, что наименования водных животных образуют сложные таксономии, состоящие из разветвленных гиперо-гипонимических рядов. Так, наименования рыб организуются в 16 гиперо-гипонимических рядов, наименования водных рептилий – в 2 гиперо-гипонимических ряда, а наименования водных млекопитающих распределяются по 4 гиперо-гипонимическим рядам (рис. 1).

Уже из приведенного фрагмента видно, что все гиперо-гипонимические объединения наименований водных животных различаются между собой как в отношении глубины, так и ширины полученных иерархий. Так, наименования рыб и водных рептилий образуют гиперо-гипонимические структуры с максимальной глубиной в пять уровней, что соответствует количеству уровней народных таксономий, описанных в работах А. Вежбицкой, Д. Круза, Дж. Пустеевского и др. [4; 8; 9]. В свою очередь наименования водных млекопитающих, имеющих более сложную

организацию, представлены гиперо-гипонимическими структурами, максимальная глубина которых составляет семь уровней.

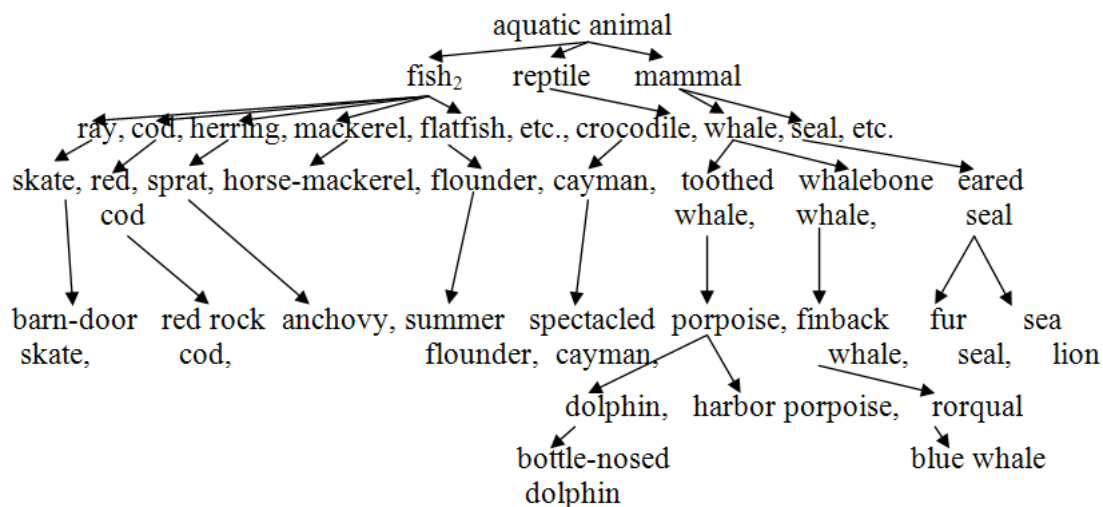

Рис. 1. Фрагмент таксономической иерархии наименований водных животных в английском языке

Необходимо отметить, что в научной классификации животных, основанной на данных эволюционной систематики и результатах морфологических, эмбриологических и палеонтологических исследований, обязательными считаются семь таксономических категорий, таких как *царство, тип, класс, отряд, семейство, род и вид*. Однако, помимо указанных категорий, в зоологической систематике для более точной классификации и четкого распределения всего многообразного животного мира зачастую применяются еще семнадцать добавочных рангов¹. В этой связи заметим, что языковые иерархии родовидового типа, даже подобные тем, которые образуются наименованиями млекопитающих и распределяются по семи уровням, значительно отличаются от научных классификаций таксономического типа, где максимальное число рангов достигает двадцати четырех.

Было также выявлено, что ширина гиперо-гипонимических рядов исследуемых наименований тесно сопряжена с различиями по глубине и имеет разные количественные характеристики в зависимости от уровня таксономической иерархии. Более того, несмотря на то, что четвертый и пятый уровни гиперо-гипонимической иерархии, известные как уровень видовых названий и уровень разновидностей, характеризуются в гиперо-гипонимических иерархиях максимальным количеством единиц, наименования водных животных распределяются по данным уровням специфическим образом. Так, четвертый уровень отражает наибольшую дифференциацию только для наименований рыб и рептилий, в то время как для названий водных млекопитающих наиболее многочислен-

¹Полная научная таксономическая иерархия: царство, подцарство, надтип/надотдел, тип/отдел, подтип/подотдел, надкласс, класс, подкласс, инфракласс, надотряд/надпорядок, отряд/порядок, подотряд/подпорядок, инфраотряд, надсемейство, семейство, подсемейство, надтриба, триба, подтриба, род, подрод, вид, подвида, вариант/разновидность [10].

ным оказывается пятый уровень (разновидностный), где подобное смещение обусловлено сложностью таксономической структуры лексических единиц данной группы.

Таким образом, характеристика глубины и ширины гиперо-гипонимических рядов наименований водных животных позволяет раскрыть параметрические особенности таксономических иерархий в языке, где полученные данные указывают на специфику распределения наименований, связанных отношениями родовидового типа в рамках лексико-семантического поля названий водных животных, что находит отражение в разной степени глубины и ширины гиперо-гипонимических рядов.

Для того, чтобы проникнуть в глубины тех знаний, которые репрезентируются в исследуемых наименованиях, а также понять специфику отношений между единицами, разными по уровню обобщения, необходим также анализ семантики самих наименований.

Тщательное изучение значений наименований водных животных посредством как компонентного анализа в его дефиниционной версии, так и трансформационного метода, позволяет установить не только состав значений каждого отдельного названия, но и выявить набор семантических свойств, характеризующих семантику каждого гиперо-гипонимического ряда в частности и всего лексико-семантического поля в целом.

Лексические значения отдельных наименований водных животных представляют собой структуры, состоящие из набора упорядоченных семантических компонентов, и различаются между собой как количеством, так и последовательностью в организации компонентов. В то же время информация, заключенная в значениях исследуемых единиц, оказывается ограниченной, поскольку для описания семантики лексических единиц каждого отдельного гиперо-гипонимического ряда лексикографы считают необходимым и достаточным использование от двадцати до тридцати определенных семантических компонентов. В целом же, из сорока возможных семантических компонентов, характеризующих семантику лексико-семантического поля водных животных, для раскрытия значений наименований рыб достаточно 34, для наименований рептилий – 24, а для наименований водных млекопитающих – 32 семантических компонента.

Взятые же во всей своей совокупности выявленные семантические компоненты оказываются логически взаимосвязанными и организуются в восемь групп, содержащих те типы информации о водных животных, которые существенны для носителей английского языка (таблица).

Заметим, что в рамках лексических значений отдельных наименований число обобщенных групп семантических компонентов, несмотря на их разную детализацию и последовательность, не превышает восьми, что соответствует возможностям оперативной памяти человека и его способности запоминать информацию объемом 7 ± 2 единицы.

Семантические компоненты значений наименований водных животных

<p>1. Таксономические признаки</p> <p>1) классифицирующие признаки¹ – К₁</p> <p>2) связь с другими видами – К₂</p> <p>2. Локативные характеристики</p> <p>3) среда обитания – К₄</p> <p>4) территория распространения – К₅</p> <p>5) место размножения – К₆</p> <p>3. Строение</p> <p>3а) внешнее</p> <p>6) голова – К₁₀</p> <p>7) конечности – К₁₁</p> <p>8) особенности внешнего строения (расположение глаз) – К₁₂</p> <p>9) форма (тела, головы, хвоста) – К₁₃</p> <p>10) цвет – К₁₄</p> <p>11) покров – К₁₅</p> <p>3б) внутреннее</p> <p>12) внутреннее строение (сердце) – К₁₆</p> <p>13) головной мозг – К₁₇</p> <p>14) специфические органы (китовый ус, млечные железы, электрический орган) – К₁₈</p> <p>15) органы дыхания – К₁₉</p> <p>16) органы чувств – К₂₀</p> <p>17) скелет – К₂₁</p> <p>18) строение ротовой полости – К₂₂</p>	<p>4. Параметрические характеристики</p> <p>19) вес – К₂₃</p> <p>20) возраст – К₂₄</p> <p>21) длина – К₂₅</p> <p>22) размер, размер головы – К₂₆</p> <p>5. Процессы жизнедеятельности</p> <p>23) пищеварительная система – К₇</p> <p>24) особенности питания – К₈</p> <p>25) питание детенышей – К₉</p> <p>26) физиологические процессы – К₂₇</p> <p>27) дыхание – К₂₈</p> <p>28) кровообращение – К₂₉</p> <p>29) центральная нервная система – К₃₀</p> <p>30) размножение – К₃₁</p> <p>6. Поведение</p> <p>31) вредоносность – К₃₂</p> <p>32) поведение – К₃₃</p> <p>7. Особенности передвижения</p> <p>33) подвижность – К₃₄</p> <p>34) способ передвижения – К₃₅</p> <p>8. Значимость для человека</p> <p>35) значимость для человека – К₃₆</p> <p>36) период отлова – К₃₇</p> <p>37) территория отлова – К₃₈</p> <p>38) способ отлова – К₃₉</p> <p>39) способ приготовления – К₄₀</p> <p>40) распространенность – К₃</p>
--	---

Рассмотрение семантических компонентов в рамках конкретного гиперо-гипонимического ряда позволило также сделать вывод об их разнотипной представленности в семантике членов ряда, принадлежащих разным рангам таксономической иерархии. По тому, насколько семантический компонент повторяется в значении всех членов ряда, или характерен только определенным членам, или представляет собой конкретное проявление какого-либо признака ряда, мы выделяем следующие типы семантических компонентов: *имплицитные*, *модифицируемые* и *новые*, которые рассмотрим на примере гиперо-гипонимического ряда наименований акул (рис. 2).

¹ К_n – номер семантического компонента, необходимый при построении модели значения отдельно взятого наименования.

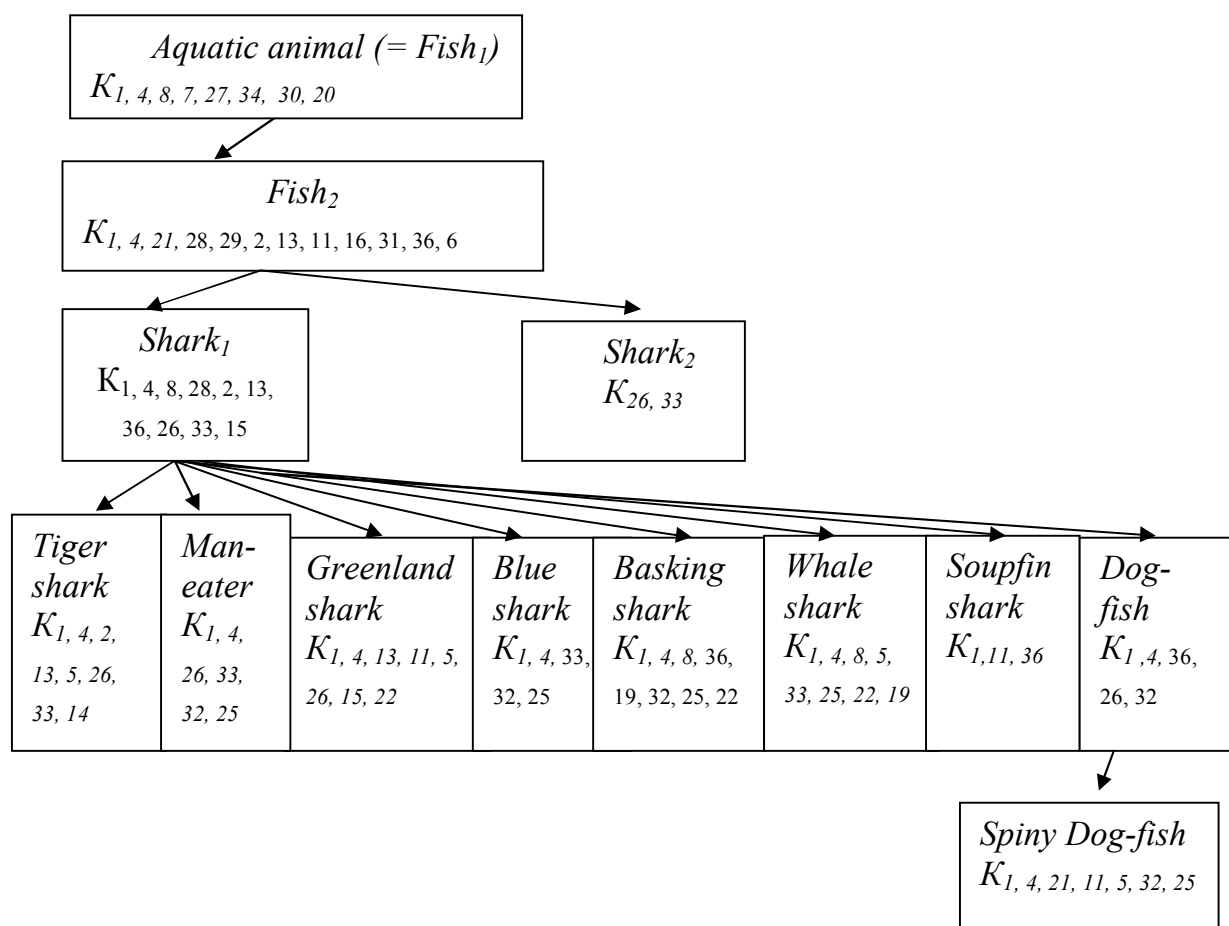

Рис. 2. Гиперо-гипонимический ряд наименований акул в английском языке¹

Заметим, что из тридцати четырех возможных семантических компонентов, характеризующих семантику тематической группы наименований рыб, на долю значений наименований акул приходится двадцать семь, которые, соответственно, также распределяются на восемь логических групп.

Семантика гиперонима первого уровня² *Fish₁* складывается из 8 семантических компонентов: ‘классифицирующие признаки’, ‘среда обитания’, ‘особенности питания’, ‘пищеварительная система’, ‘физиологические процессы’, ‘подвижность’, ‘центральная нервная система’, ‘органы чувств’.

При установлении компонентного состава гипонимов нижних уровней выяснилось, что такие компоненты, как ‘пищеварительная система’, ‘органы чувств’, ‘физиологические процессы’, ‘центральная нервная система’ не выражаются эксплицитно в значениях этих лексических единиц в связи с особенностями лексикографических дефиниций. В силу явления транзитивности как основного свойства гиперо-гипонимии указанные компоненты значений могут быть получены при трансформационном анализе классификаторов типа *Fish*. Являясь неотъемлемой частью значений всех гипонимов данного ряда и указывая на принадлежность объекта

¹Индексом отмечен номер того лексико-семантического варианта структуры многозначного слова, который является членом гиперо-гипонимической иерархии.

²Согласно дефиниции, *Fish₁* – *an exclusively aquatic vertebrate or invertebrate animal*, что позволило поставить данную единицу на первый уровень иерархии.

исследования к классу водных животных, подобные семантические компоненты, однако, представлены и м п л и ц и т н о в структуре значений наименований исследуемого гиперо-гипонимического ряда.

В то же время выделяется ряд семантических компонентов, которые не являются обязательными для всех лексических единиц единого гиперо-гипонимического ряда, но, будучи существенными при разграничении видов, различаются в конкретных своих проявлениях. Например, семантические компоненты ‘классифицирующие признаки’ и ‘среда обитания’ указывают на отнесенность рыбы к определенному семейству и уточняют среду обитания (*aquatic* в значении *Fish₂*, *marine* – в значении *Shark₁*) соответственно. Поскольку названные семантические компоненты характеризуются разнообразием представляющих их признаков, подобные семантические компоненты выступают в качестве м о д и ф и ц и р у е м ы х , или у т о ч н я е м ы х , в рамках гиперо-гипонимического ряда и являются дифференцированными на уровне индивидуальной семантики.

Кроме этого, в структуре значений исследуемых наименований выделяется группа специфических семантических компонентов типа ‘скелет’, или ‘кровеносная система’, в значении *Fish₂* или ‘территория распространения’, ‘покров’ в значении *Shark₁*, которые отсутствуют в семантике соответствующих гиперонимов высших уровней. Являясь по своей сути дифференциальными признаками, подобные семантические компоненты рассматриваются как н о в ы е в значении гипонимов конкретного уровня гиперо-гипонимической иерархии.

Таким образом, нельзя однозначно сказать, что все семантические компоненты гиперонима входят в неизменном виде в значение соответствующего гипонима [11], поскольку некоторые из них модифицируются, в то время как другие являются имплицитно представленными, что еще раз убедительно указывает на сложный характер такого явления, как гиперогипонимия в ее родовидовом варианте.

Обращаясь к уровневой дистрибуции семантических компонентов, заметим, что наиболее важными и характерными для верхних уровней гиперо-гипонимической иерархии являются компоненты, указывающие на особенности физиологии, передвижения и пищеварительной системы референтов наименований. В то же время, начиная с третьего уровня, набирают вес прагматические характеристики, когда, например, в значении наименований рыб дается информация, связанная с периодом, территорией и способом отлова, а также со способом приготовления рыбы. Увеличивается доля параметрических характеристик, а также дается более детальная информация о территории распространения, поведении и наружном строении обозначаемых объектов с указанием на цвет, особенности покрова, форму, расположение глаз, строение конечностей. При описании внутреннего строения в значениях наименований нижних уровней предпочтение отдается признакам, характеризующим особенности строения ротовой полости.

Таким образом, было установлено, что уровневая дистрибуция модифицируемых и новых семантических компонентов гиперо-гипонимической иерархии достаточно разнообразна и неоднородна. Так, например, такие модифицируемые семантические компоненты, как ‘классифицирующие признаки’ и ‘среда обитания’, встречаются в значениях почти всех рассматриваемых наименований водных животных. В то же время, как показало исследование, остальные модифицируемые и новые семантические компоненты по-разному распределяются по уровням даже в рамках одного гиперо-гипонимического ряда. Например, в гиперо-гипонимическом ряду “скаты” с иерархией *Fish₁ – Fish₂ – Ray – Electric ray, Devil fish, Sting ray, Skate – Barn-door skate* компоненты ‘конечности’ K_{11} и ‘форма тела’ K_{13} выступают в качестве модифицируемых как на третьем, так и на четвертом уровнях, а компоненты ‘территория распространения’ K_5 , ‘особенности питания’ K_{25} , ‘размер’ K_{26} являются новыми и на четвертом, и на пятом уровнях гиперо-гипонимической иерархии. Подобная непоследовательность является результатом разветвления структуры гиперо-гипонимической иерархии рядов исследуемых наименований.

Помимо этого, наблюдается определенная регулярность появления новых семантических компонентов в рамках исследуемого лексико-семантического поля. Так, на третьем уровне дифференциации появляются семантические компоненты, указывающие на параметрические характеристики, территорию распространения, поведение, дается более углубленная характеристика строения с указанием на цвет, покров и строение челюсти, а также уточняется информация, связанная с коммерческим значением данного вида водного животного для человека. Для гиперо-гипонимического ряда рептилий добавляется также новый семантический компонент, уточняющий особенности передвижения животного.

На четвертом, пятом и шестом уровнях гиперо-гипонимических рядов семантического поля водных животных особую роль играют новые семантические компоненты, определяющие семантику определенного типа. Так они указывают на территорию распространения и на конкретную длину и вес животного, а также на те признаки, которые более детально характеризуют строение и значимость животного для человека. Интересным представляется тот факт, что в ряду наименований китообразных дифференциация на седьмом уровне происходит только за счет модифицируемых семантических компонентов, поскольку новые компоненты на данном уровне отсутствуют.

В результате проведенного исследования стало очевидным, что значения лексических единиц в гиперо-гипонимической иерархии родовидового типа, состоящие из ряда семантических компонентов, неоднородных по своему характеру, и фиксирующие разнообразные признаки обитателей водного мира, специфическим образом соотносятся между собой по вертикали в гиперо-гипонимической структуре.

В гиперо-гипонимической иерархии осуществляется своеобразная структуризация всего многообразия знаний об определенных объектах,

разноуровневые именованные которых находятся между собой в родовидовых отношениях. В рамках одного гиперо-гипонимического ряда гипонимы, расположенные на разных уровнях иерархии, отличаются друг от друга модифицируемыми и новыми семантическими компонентами, в то время как для понимания имплицитной информации необходимо знание семантики гиперонимов высших уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды : в 2 т. / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Восточная лит., РАН, 1995. – Т. 1 : Лексическая семантика : Синонимические средства языка. – 472 с.
2. *Никитин, М.В.* Курс лингвистической семантики : учеб. пособие к курсам языкознания, лексикологии и теоретической грамматики / М.В. Никитин. – СПб. : Науч. центр проблем диалога, 1996. – 757 с.
3. *Фрумкина, Р.М.* Гиперонимия и таксономия : к библиографии проблемы / Р.М. Фрумкина, А.Д. Мостовая // Речь : восприятие и семантика / ред. кол. : Р.М. Фрумкина [и др.]. – М. : Наука, 1988. – С. 8–31.
4. *Wierzbicka, A.* Lexicography and Conceptual Analysis / A. Wierzbicka. – Canberra : Ann Arbor, 1985. – 368 p.
5. Webster's Third New International Dictionary of the English Language, unabridged. – Springfield, Massachusetts, U.S.A. : Merriam-Webster INC., Publishers, 1981. – 2662 p.
6. *Ступин, Л.П.* Лексикография английского языка : учеб. пособие для студентов ин-тов и фак-тов иностр. яз. / Л.П. Ступин. – М. : Высш. шк., 1985. – 167 с.
7. *Ступин, Л.П.* Словари современного английского языка / Л.П. Ступин. – Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1973. – 67 с.
8. *Cruse, D.A.* Lexical Semantics / D.A. Cruse. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986. – 322 p.
9. *Pustejovsky, J.* The Generative Lexicon / J. Pustejovsky. – Cambridge (Mass) ; London : The MIT Press, 1995. – 298 p.
10. *Джеффри, Ч.* Истоки систематики / Ч. Джеффри // Биологическая номенклатура / Ч. Джеффри. – М. : Мир, 1980. – С. 17–18.
11. *Лайонз, Дж.* Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М. : Прогресс, 1978. – 544 с.

The paper centers around the parametric and semantic characteristics of the lexical units within the hyper-hyponymic structures with subsumption relations. Special attention is paid to the variability of semantic components and their level distribution within the hyper-hyponymic structure.

Поступила в редакцию 30.06.11

Т.В. Тропец

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНГЛИЦИЗМОВ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале заимствований конца XX – начала XXI в.)

В статье анализируются современные заимствования из английского языка в итальянском в орфографическом аспекте. Выявлено, что ведущей тенденцией при орфографической передаче новейших англицизмов является сохранение внешней формы прототипа. Этому способствует широкое распространение английского языка в мире и, как следствие, его присутствие в качестве образца в течение всего периода существования англицизма в языке-реципиенте. Наряду с сохранением отмечены также и случаи преобразования внешней формы заимствований вследствие деформации и ассимиляции. В основе деформации лежит несовершенное знание языка-источника, ассимиляции – влияние норм итальянского языка. Как деформация, так и ассимиляция отражают изменения, произошедшие не только на орфографическом, но и на фонетическом и морфологическом уровнях. Внешней форме исследуемых единиц свойственна нестабильность, обусловленная влиянием систем контактирующих языков. Сохранение англицизмами написания прототипа привело к ряду интерферентных явлений в области итальянской орфографии.

В сравнении с другими романскими языками для итальянского языка характерна бóльшая открытость и толерантность в отношении англицизмов [1; 2; 3]. В отличие от ряда стран, таких как, например, Франция, Испания, а также Португалия [2], в Италии отсутствует языковая политика, направленная на регулирование процесса лексического заимствования из английского языка [4; 5; 6; 7].

Характерной чертой процесса заимствования на современном этапе является то, что англицизмы проникают в итальянский язык письменным путем и функционируют преимущественно в печатных средствах массовой коммуникации [2; 8]. Таким образом, начиная с момента заимствования, возникает необходимость передать иноязычное слово графическими средствами итальянского языка.

На почве языка-реципиента иноязычное слово подвергается процессу освоения. Выделяют следующие виды освоения внешней формы: ассимиляция, деформация и реставрация. Под ассимиляцией понимается приспособление заимствуемой единицы к правилам и нормам языка-реципиента. Деформация представляет собой изменение формы прототипа, которое не вызвано никакими объективными процессами ассимиляции. Реставрация – это возвращение или приближение формы заимствованной лексической единицы к форме прототипа [9]. Для тех случаев, когда заимствованная лексическая единица функционирует в языке-реципиенте в форме прототипа, в настоящей работе выделяется еще один вид освоения – сохранение.

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что при орфографической передаче англицизмов итальянский язык ориенти-

руется на написание прототипа заимствуемого слова в языке-источнике¹. Процесс освоения таких англицизмов идет, преимущественно, по пути сохранения внешней формы прототипа. Сохраняется написание этимологически простых и производных слов, аббревиатур, например, итал. *advisor* – англ. *advisor*, итал. *rattan* – англ. *rattan*, итал. *hub* – англ. *hub*, итал. *cover* – англ. *cover*, итал. *jungle* – англ. *jungle*, итал. *raver* – англ. *raver*, итал. *informecial* – англ. *informecial*, итал. *edutainment* – англ. *edutainment*, итал. *LISP* – англ. *LISP*, итал. *MDF* – англ. *MDF*, итал. *DVD* – англ. *DVD* и др. То же отмечается в отношении лексических элементов, восходящих к сложным словам и словосочетаниям в английском языке, которые сохраняют слитное, раздельное написание, либо написание через дефис, например, итал. *acid jazz* – англ. *acid jazz*, итал. *client-server* – англ. *client-server*, итал. *anchorwoman* – англ. *anchorwoman*, итал. *access provider* – англ. *access provider*, итал. *imaging radar* – англ. *imaging radar*, итал. *easy listening* – англ. *easy listening*, итал. *sushi bar* – англ. *sushi bar*, итал. *notebook* – англ. *notebook*, итал. *lap dance* – англ. *lap dance*, итал. *motherboard* – англ. *motherboard*, итал. *beauty contest* – англ. *beauty contest* и др. См. также:

Un cibo certo poco light... (Rep, 24 dic. 1999, p. 28)².

Non ho mai creduto alla world car (Rep, 18 dic. 1999, p. 8).

Il film, che segna il debutto cinematografico di Julie Taymor dopo lo straordinario successo della versione teatrale del "Re Leone", è stato accolto da una lunghissima standing ovation, con la quale il pubblico ha voluto sottolineare l'entusiasmo per la riuscitissima miscela di tragedia ed humour nero nella quale si riflettono molti degli umori e delle angosce del nostro tempo (Rep, 18 dic. 1999, p. 41).

PIÙ vicino agli ottanta che ai settant'anni, sir Richard Attenborough non perde il vizio del biopic, come gli anglosassoni chiamano la biografia cinematografica di personaggi più o meno famosi (Rep, 17 dic. 1999, p. 42).

"Ero arrivato a un punto in cui mi ero ridotto a lavorare nel telemarketing, la mia vita faceva schifo. A un certo punto ho sentito che o facevo un film o morivo", dice Mark Illsley, che in precedenza aveva lavorato come regista della seconda unità con Kevin Reynolds in film come Fandango e Robin Hood (Rep, 19 dic. 1999, p. 41).

Наряду с англицизмами, сохранившими в процессе заимствования и освоения внешнюю форму и полностью совпадающими со своими прототипами, написание ряда заимствованных лексических единиц демонстрирует более или менее значительные расхождения с прототипом. Основу изменений составляют два процесса – деформация и ассимиляция.

¹ Источником материала исследования послужили толковые словари итальянского и английского языков; примеры орфографической передачи англицизмов в текстах на итальянском языке взяты из ежедневной газеты общенационального распространения "La Repubblica" (см. Источники примеров).

² Выделение при помощи курсива и полужирного шрифта здесь и далее наши. Все графические знаки, пунктуация, заглавная и строчная буквы соответствуют оригиналу. Знак // служит разделителем составных частей статьи, которые указаны после источника (надзаголовок, заголовок, подзаголовок, текст). В случае отсутствия данных указателей цитируется текст статьи. Сокращение Rep = Gli anni de la Repubblica '99.

Деформация внешней формы прототипа происходит вследствие несоблюдения слитного, раздельного написания, а также написания через дефис этимологически сложных англицизмов, ср. итал. *webring* – англ. *web ring*, итал. *green shoe* – англ. *greenshoe*, итал. *bag-lady* – англ. *bag lady*, итал. *boardingpass* – англ. *boarding pass*, итал. *anti-aging* – англ. *antiaging*, итал. *real-time* – англ. *real time*, итал. *push up* – англ. *push-up*, итал. *mailbomb* – англ. *mail bomb*, итал. *tie and dye* – англ. *tie-and-dye*, итал. *day-traider* – англ. *day traider*, итал. *cross examination* – англ. *cross-examination*, итал. *streamingvideo* – англ. *streaming video*, итал. *whitepower* – англ. *white power*, итал. *sightseeingtour* – англ. *sightseeing tour* и др.

См., также:

Adesso è una struttura spagnola, ma il link rimane sempre inserito nel webring del whitepower (Rep, 27 nov. 1999, p. 10).

Gli accordi tra il ministero del tesoro e Mediobanca e Merrill Lynch prevedono che l'acquisto della quota riservata alla green shoe (esattamente 545.625.000 azioni pari al 15 dell'offerta globale) avvenisse al prezzo internazionale che è pari a 4,3 euro, identico a quello pagato dai piccoli risparmiatori (Rep, 3 dic. 1999, p. 42).

В ряде случаев деформация внешней формы англицизмов отражает деформацию их морфологической структуры, как, например, итал. *daily wear* – англ. *daywear*, итал. *trial band* – англ. *triband*, итал. *gin tonic* – англ. *gin and tonic*, итал. *gore* – англ. *gorefest* и др.; а также деформацию на фонетическом и орфографическом уровнях, например, итал. *nabuk* в сравнении с прототипом англ. *nubuck*.

Преобразование внешней формы англицизмов вследствие ассимиляции проявляется в использовании строчной буквы вместо заглавной в соответствии с итальянскими нормами написания, например, итал. *earl grey* – англ. *Earl Grey*, итал. *darjeeling* – англ. *Darjeeling*, итал. *spanglish* – англ. *Spanglish*, итал. *bislama* – англ. *Bislama*, итал. *zydeco* – англ. *Zydeco*, итал. *british* – англ. *British*, итал. *jack russell* – англ. *Jack Russell*, итал. *gopherspace* – англ. *Gopherspace* и др.

Более существенные изменения внешней формы англицизмов, в основе которых лежит ассимиляция, обусловлены влиянием трех основных факторов – воздействием фонетической и морфологической систем итальянского языка, а также его орфографических норм. Преобразования морфологического уровня повлияли на внешнюю форму, например, итал. *chaperonina* – англ. *chaperonin*, итал. *luxon* – англ. *luxone*, итал. *constativo* – англ. *constative*, итал. *customizzare* – англ. *to customize*, итал. *tensegrità* – англ. *tensegrity*; изменения на орфографическом и морфологическом уровнях отражены в таких заимствованиях как итал. *esternalizzare* – англ. *externalize*, итал. *tecnicaltà* – англ. *technicality*; изменения на фонетическом и морфологическом уровнях – итал. *detettivo* – англ. *detective*. Слова этой группы, за редким исключением, ничем не отличаются от исконных итальянских слов и представляются полностью ассимилированными.

В итальянском языке исследуемые англицизмы характеризуются нестабильностью, выражающейся в одновременном функционировании на письме нескольких вариантов слов.

На возникновение орфографических вариантных пар оказывают влияние морфологические, орфографические и фонетические нормы итальянского языка. Такие англицизмы имеют наряду с формой прототипа также и форму, полностью либо частично соответствующую нормам итальянской орфографии. Ср., итал. *devolution* / *devoluzione*¹ – англ. *devolution*, итал. *cryotron* / *criotrone* – англ. *cryotron*, итал. *crackare* / *craccare* – англ. *to crack*, итал. *tamoxifene* / *tamossifene* – англ. *tamoxifen*, итал. *hydrospeed* / *hidrospeed* – англ. *hydrospeed*.

Орфографическая вариантность наблюдается в написании суффикса *-ie/-y*, например, итал. *dinkie* / *dinky* – англ. *dinkie* / *dinky*, итал. *yettie* / *yetty* – англ. *yettie* и двойных согласных, например, итал. *counselling* / *counseling* – англ. *counselling* / *counseling*, итал. *snorkelling* / *snorkeling* – англ. *snorkelling*, итал. *millennium bug* / *millenium bug* / *milenium bug* – англ. *millennium bug*, итал. *ragamuffin* / *raggamuffin* – англ. *ragamuffin* / *raggamuffin*. Вариантность *-ie/-y* является следствием вариантности внешней формы прототипа и аналогии. Упрощение двойных согласных отражает произношение прототипов в английском языке, а в некоторых случаях также и вариантность, свойственную прототипу в американском и британском вариантах английского языка.

Вариантность внешней формы проявляется в использовании заглавной и строчной букв. Данный тип вариантности наблюдается у англицизмов, прототипами которых выступают имена собственные, а также у лексических единиц, восходящих к сокращениям, например, итал. *Internet* / *internet* – англ. *Internet*, итал. *web* / *Web* – англ. *Web*, итал. *newco* / *NEWCO* – англ. *NEWCO*, итал. *Bollywood* / *bollywood* – англ. *Bollywood*, итал. *Pilates* / *pilates* – англ. *Pilates*, итал. *rollerblade* / *Rollerblade* – англ. *Rollerblade* / *rollerblade*, итал. *tobin tax* / *Tobin tax* – англ. *Tobin tax*, итал. *wi-fi* / *Wi-Fi* – англ. *Wi-Fi* и др. См. также:

*Anche le console annunciano grandi novità in questo campo: se già oggi, almeno sulla carta DreamCast (Sega) offre una connessione a **Internet** per giochi multiplayer, sarà la nuova generazione **Playstation** a mettere in campo tutta la potenza del videogame interattivo sulla Rete* (Rep, 12 dic. 1999, p. 34).

*Misurazione immediata del salto in lungo o dei lanci, confronti televisivi con la linea dei record, fino all'incredibile "corsa col fantasma", anche questo un prestito diretto dalla **playstation*** (Rep, 15 dic. 1999, p. 57).

*Lo spazio sul **Web** è teoricamente illimitato, il tempo è praticamente tempo reale* (Rep, 11 dic. 1999, p. 14).

*I nonni del nuovo millennio sono ufficialmente invitati a scuola di mouse, a usare lo scanner, a navigare nel **web*** (Rep, 16 dic. 1999, p. 24).

Il Cavaliere ai giovani di Fi: un istituto del Veneto non ha le stesse esigenze di uno del Sud "Per la nuova società vi servono le quattro 'i': inglese, informatica,

¹ Здесь и далее порядок следования вариантов произволен и не указывает на их частотность.

*internet, imprese" // Poi passa a descrivere la "patente delle quattro i", ciò che servirà per guidare la società del "nuovo benessere": la conoscenza dell'inglese, dell'informatica nel suo complesso, di **Internet**, la creazione di nuove imprese* (Rep, 12 dic. 1999, p. 10, подзаголовок // текст).

На орфографическую вариантность новейших англицизмов в итальянском языке большое влияние оказывает наличие среди них лексических единиц, восходящих к этимологически сложным словам либо словосочетаниям в английском языке. Для таких англицизмов характерна вариантность, связанная с использованием пробела и дефиса. Так, три варианта написания имеют такие англицизмы, как, например, итал. *greenkeeper / green keeper / green-keeper* – англ. *greenkeeper*, итал. *airbag / air bag / air-bag* – англ. *air bag / airbag* и итал. *chat line / chat-line / chatline* – англ. *chat line / chatline*. Вариантность других ограничивается двумя формами, например, итал. *action-movie / action movie* – англ. *action movie*, итал. *air bag / airbag* – англ. *airbag / air bag*, итал. *baby boomer / baby-boomer* – англ. *baby boomer*, итал. *backstage / back-stage* – англ. *backstage*, итал. *car sharing / car-sharing* – англ. *car sharing*, итал. *crash test / crash-test* – англ. *crash test / crash-test*, итал. *flying bridge / flying-bridge* – англ. *flying bridge*, итал. *mark-up / markup* – англ. *mark-up*, итал. *check list / checklist* – англ. *checklist*, итал. *bungee jumping / bungee-jumping* – англ. *bungee jumping / bungee-jumping*, итал. *data bank / databank* – англ. *data bank / databank* и др.

В основе вышеописанной вариантности лежит, с одной стороны, несовершенное владение английским языком, а с другой – допустимое нормами как итальянского, так и английского языков слитное, раздельное и дефисное написание сложных слов [10; 11]. Это приводит к неустойчивости внешней формы заимствований в разных источниках, а иногда в одном и том же.

*Lontano da videocassette o **play-station**, senza tate svogliate o impegnate in altre faccende, senza l'ansia di dover posteggiare il pupo "da qualche parte"* (Rep, 15 dic. 1999, p. 28).

*Un futuro dietro l'angolo, in realtà, visto che la più incredibile rivoluzione grafica applicata al calcio verrà testata dalla Rai in occasione della prossima partita della Nazionale di calcio (con la Svezia, in febbraio) e poi, se tutto funzionerà a dovere, se i contratti verranno chiusi, agli Europei di giugno la Nazionale italiana verrà offerta ai telespettatori arricchita da tutte le diavolerie grafiche a disposizione, quelle che renderanno il calcio in tv sempre più simile a una **playstation*** (Rep, 15 dic. 1999, p. 57).

*Il dealer vende, la casa guadagna in immagine, ma anche con una **mailing list** che un giorno potrebbe tornare utile* (Rep, 18 dic. 1999, p. 42).

*Nessun nome degli arrestati è stato diffuso dagli inquirenti, mentre alcuni nomi sono stati resi noti anche attraverso le **mailing-list** di Internet, da gruppi antagonisti come "Voce Operaia" di Perugia* (Rep, 11 dic. 1999, p. 19).

***PAY TV, MURDOCH COMPRA IL 24% DEL GRUPPO KIRCH** // Murdoch mette le mani sulla **paytv** del gruppo Kirch e in Germania si scatena un putiferio* (Rep, 7 dic. 1999, p. 42, заглавие // начало текста).

Вышесказанное свидетельствует о том, что варианты орфографического уровня обнаруживают неустойчивость в основном в плане правописания и, за редким исключением, не связаны с передачей фонетической и морфологической форм заимствований.

Сохранение англицизмами орфографии языка-источника приводит к орфографической интерференции. Под интерференцией, в отличие от освоения, следует понимать «вторжение норм одной системы в пределы другой» [12, с. 27].

Современный итальянский язык – это язык с вокалическими исходами, согласные в абсолютном исходе слова встречаются редко. Большинство англицизмов в материале исследования заканчиваются на согласный, например, итал. *audit, baby food, beauty contest, blind trust, defrag, applet, global, emoticon, font, gremlin, daemon, ecolabel, ragamuffin, gold disc, footprint* и др.

На уровне графем англицизмам свойственно наличие таких не характерных для современной итальянской орфографии букв, как *j, k, w, x, y, h* [13]. Они встречаются в различных позициях в слове, в сочетании как с гласными, так и согласными буквами, например, итал. *exhibit, blazar, fluxgate, echoplex, ecstasy, zydeco, yield, yeah, video jockey, subway, ghost, hydrospeed, hyphenation, earl grey, easy listening, gateway, bhangra, weblog* и др. Эти буквы можно считать графическими маркерами англицизмов в итальянском языке.

Сохранившиеся в заимствованных англицизмах исконные консонантные и вокалические сочетания приводят ко все более широкому распространению в итальянском языке не характерных для него буквосочетаний.

Англицизмы содержат в своем составе следующие новые для итальянского языка сочетания согласных: **ck** (*growth stock, jack pot, e-ticketing, blockbuster, docking station*), **sh** (*bonus share, blush, car-sharing, premiership, musher, shahtoosh, british*), **th** (*musth, motherboard, pet therapy, bluetooth, thin client, rebirthing*), **ph** (*morphing, graphic novel, hyphenation, phone banking, photoresist, phasing out, phishing, photoflood*).

Некоторые буквосочетания входят в состав и исконных итальянских слов, но их дистрибуция в обоих языках не всегда совпадает, как, например, диграф **ch** (*attachment, chat room, big crunch, psychobilly, glitch, reacher, screech, sky-watcher*). В итальянском языке данное сочетание графем не встречается в конце слова, перед и после других согласных и перед гласными *a, o, u*. Буквосочетание **ng** (*ultimate fighting, whale watching, aquaplaning, teleordering, string, spamming, cybersquatting*) в итальянском языке в отличие от английского не имеет финальной дистрибуции.

В англицизмах сохраняются двойные согласные. Не противоречит нормам итальянского языка использование двойных согласных в середине слова перед гласной, например, *counselling, e-commerce, rille, gaffer, appetizer, blogger, upwelling, spammer, sniffer, posse, popper* и др. Однако удвоение согласных в итальянском языке невозможно перед другой согласной (кроме *r* и *l*) и в абсолютном конце слова [14], как, например, в следующих

англицизмах, *access provider, all-star, helplessness, boardingpass, dancehall, cordless, spring-roll, trackball, crossdresser, e-business* и др.

Сочетание двух одинаковых гласных также является новым для итальянского языка, например, *baby boomer, baby food, engineer, footprint, bluetooth, car pool, chat room, darjeeling* и др.

Апостроф встречается только в одном заимствованном слове: *drum 'n' bass* и является показателем сокращения слова *and*. Однако его использование в данном англицизме не соответствует нормам итальянского языка. Апостроф в итальянском языке используется в случае элизии и служит показателем выпадения последнего безударного гласного в слове, за которым следует слово, начинающееся с гласной, и в нескольких случаях усечения [13].

Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать вывод о том, что для современного этапа взаимодействия итальянского и английского языков характерно заимствование лексических элементов в форме, максимально приближенной к форме прототипа. Этому способствует, во-первых, наличие общего алфавита, позволяющее перенести слово из одного языка в другой в совокупности его графико-орфографических характеристик.

Во-вторых, изменение экстралингвистических условий, в рамках которых проходит процесс лексического заимствования. В результате на процесс освоения слова стали оказывать влияние не структурные факторы, вызывающие преобразование слова, а социально-психологические, которые, наоборот, способствуют сохранению внешней формы прототипа заимствования.

Так, на предыдущих этапах истории итальянского языка, когда отсутствовал непосредственный контакт носителей итальянского языка с носителями и текстами на английском языке, заимствование осуществлялось через язык-посредник (как правило, французский) либо единичными носителями языка-реципиента и далее распространялось на одноязычный коллектив. При этом слово испытывало влияние со стороны языка-посредника, а также одноязычных носителей итальянского языка, которые неосознанно преобразовывали иноязычное слово в соответствии с нормами родного языка.

На современном этапе заимствование из английского языка осуществляется на фоне его масштабного распространения во всем мире. Английский язык присутствует не только в момент заимствования, но также и на протяжении всего периода существования англицизма в итальянском языке и, таким образом, способствует сохранению внешней формы прототипа. Любое преобразование в данной ситуации воспринимается как искажение оригинальной формы и избегается.

Тем не менее преобразование внешней формы англицизмов имеет место по двум причинам: несовершенное знание английского языка, а также влияние итальянского языка, проявляющееся в более или менее осознанном и целенаправленном применении его норм. В первом случае происходит деформация внешней формы прототипа, во втором – ассимиляция. Выявленные случаи преобразования внешней формы англицизмов затрагивают только их написание либо являются отражением преобразований, произошедших на других уровнях языка – морфологическом и фонетическом.

В отношении тенденций орфографической передачи англицизмов в итальянском языке следует отметить наличие орфографической вариантности. Для англицизмов характерна вариантность в рамках оформления одного и того же слова, а также отсутствие единого подхода. Присущая новейшим англицизмам орфографическая вариантность, с одной стороны, обусловлена действием перечисленных выше факторов, а с другой – является отражением вариантности внешней формы прототипа в языке-источнике.

Сохранение исконной орфографии прототипа приводит к орфографической интерференции, последствием которой является проникновение в итальянский язык новых графем, сочетаний графем, а также появление новых дистрибуций у буквосочетаний, имеющих в итальянском языке. Таким образом, заимствования из английского языка в определенной мере нарушают и усложняют орфографическую систему современного итальянского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fanfani, M.* Reazioni italiane agli anglicismi / M. Fanfani // *L'inglese e le altre lingue europee: studi sull'interferenza linguistica : atti del Convegno, Forlì, 21 sett. 2001 / Univ. degli Studi di Bologna, sede di Forlì ; ed. F. San Vicente. – Bologna, 2002. – P. 215–235.*
2. *Carrera Díaz, M.* Forestierismi: norma italiana e norme europee / M. Carrera Díaz // *L'italiano oltre frontiera : atti del V Convegno intern. del Centro di Studi Ital., Lovanio, 22–25 apr. 1998 : in 2 vol. / Centro di Studi Ital. della Katholieke Univ. Leuven [et al.] ; a cura di S. Vanvolsem [et al.]. – Leuven ; Firenze, 2000. – Vol. 1. – P. 19–29.*
3. *Petralli, A.* Tendenze europee nel lessico italiano. Internazionalismi: problemi di metodo e nuove parole d'Europa / A. Petralli // *Linee di tendenza dell'italiano contemporaneo : atti del XXV Congr. intern. di Studi della Soc. di Linguistica Ital., Lugano, 19–21 sett. 1991 / Soc. di Linguistica Ital. ; a cura di B. Moretti [et al.]. – Roma, 1992. – P. 119–134.*
4. *Nencioni, G.* Saggi di lingua antica e moderna / G. Nencioni. – Torino : Rosenberg & Sallier, 1989. – 456 p.
5. *Beccaria, G.L.* Italiano: antico e nuovo / G.L. Beccaria. – Nuova ed. aggiornata e ampl. – Milano : Garzanti, 1992. – 401 p.
6. *Dardano, M.* Profilo dell'italiano contemporaneo / M. Dardano // *Storia della lingua italiana : in 3 vol. / a cura di L. Serianni, P. Trifone. – Torino : Einaudi, 1994. – Vol. 2 : Scritto e parlato. – P. 342–430.*
7. *Giovanardi, C.* Inglese – Italiano 1 a 1. Tradurre o non tradurre le parole inglesi? / C. Giovanardi, R. Gauldo / di A. Cocco. – Lecce : Manni, 2003. – 304 p.
8. *Dardano, M.* Lessico italiano oggi / M. Dardano // *Aspects of english and italian lexicology and lexicography : papers read at the Third nat. conf. of the Engl. lang., Rome, 4th-5th Oct. 1990 / LIS, Linguaggio alla “Sapienza”, Pubbl. del dip. di scienze del linguaggio ; ed. by D. Hart. – Roma, 1993. – P. 41–56.*

9. *Егорова, Н.Ю.* Освоение английским языком внешнекультурной терминологии / Н.Ю. Егорова // Коммуникативный и номинативный аспекты единиц языка : межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т ; редкол.: В.В. Кабакчи (отв. ред.) [и др.]. – Л., 1989. – С. 114–121.
10. *Арнольд, И.В.* Лексикология современного английского языка : учебник для ин-тов и фак-тов иностр. языков / И.В. Арнольд. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Выс. шк., 1986. – 295 с.
11. *La formazione delle parole in italiano* / a cura di M. Grossmann, F. Rainer. – Tübingen : Niemeyer, 2004. – XXI, 658 p.
12. *Вайнрайх, У.* Однойзычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике : сб. ст. ; перевод / сост., ред., вступ. ст. и коммент. В.Ю. Розенцвейга. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. 6 : Языковые контакты. – С. 25–60.
13. *Marello, C.* Le parole dell'italiano: lessico e dizionari / C. Marello. – Bologna : Zanichelli, 1996. – XII, 259 p.
14. *Muljačić, Ž.* Fonologia generale e fonologia della lingua italiana / Ž. Muljačić. – Bologna : Mulino, 1969. – 596 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Gli anni de la Repubblica '99 [Risorsa elettronica]. – Roma : Gruppo Editoriale L'Espresso S.p.A., Divisione la Repubblica, 2001. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Grande dizionario italiano dell'uso : in 7 vol. / ideato e diretto da T. De Mauro ; con la collab. di G.C. Lepschy, E. Sanguineti. – Torino : UTET, 1999–2003. – 7 vol. + 1 CD-ROM.
- Longman English Dictionary Online [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.ldceonline.com/dictionary>. – Date of access : 20.01.2010.
- Merriam-Webster's Learner's Dictionary [Electronic resource] / Merriam-Webster Inc. – 2010. – Mode of access : <http://www.learnersdictionary.com>. – Date of access : 20.01.2010.
- Merriam-Webster's Medical Dictionary [Electronic resource] / Merriam-Webster Inc. – 2010. – Mode of access : <http://www.merriam-webster.com>. – Date of access : 20.01.2010.
- Oxford English Dictionary [Electronic resource] / Oxford Univ. Press. – 2009. – Mode of access : <http://www.oed.com>. – Date of access : 20.12.2009.
- Oxford Reference Online [Electronic resource] / Oxford Univ. Press. – 2009. – Mode of access : <http://oxfordreference.com>. – Date of access : 16.12.2009.
- Sabatini, F.* Il Sabatini Coletti : dizionario della lingua italiana / F. Sabatini, V. Coletti. – Milano : Rizzoli-Larousse, 2005. – XXII, 3080 p. + 1 CD-ROM.
- The American Heritage Dictionary of the English Language [Electronic resource] / Houghton Mifflin Company. – 4th ed. – 2000. – Mode of access : <http://www.bartleby.com>. – Date of access : 10.04.2009.
- Wikipedia. The Free Encyclopedia [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access : <http://en.wikipedia.org>. – Date of access : 20.01.2010.

Zingarelli, N. Lo Zingarelli 2006 : vocabolario della lingua italiana [Risorsa elettronica] / N. Zingarelli ; motore di ricerca a cura di I.CO.GE. informatica. – Bologna : Zanichelli, 2005. – 1 электр. опт. диск (CD-ROM).

The paper examines the orthography of the recent anglicisms in the Italian language and its relation to the orthography of the prototype in the English language. The analysis demonstrates that there are two possibilities: the orthography of the anglicism follows the orthography (that) of the prototype without any change or it undergoes alteration in the receiving language. The alteration is performed either through deformation or assimilation. The paper delineates the orthographic variation of the anglicisms and the influence they exert on the orthographic system of the Italian language.

Поступила в редакцию 04.07.2011

Е.И. Ядченко

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ИНДИВИДА И СЕМЬИ ИЗ ДИСКУРСИИ МИГРАНТА (на материале отдельного случая)

В статье представлен опыт реконструкции дискурс-категории «пространство адресанта» из материала глубинного интервью с беженкой из Афганистана. На примере данной дискурс-категории автор показывает возможность изучения индивидуальной дискурс-картины мира адресанта, репрезентированной в порождаемом им дискурсе. Реконструкция категории демонстрирует механизм познания, освоения и фрагментации человеком окружающего мира путем раскрытия познавательного и аксиологического факторов. Исследование выполнено в русле междисциплинарных подходов и предлагает интегративный взгляд на исследуемый объект.

Одним из новых направлений в исследовании языка и мышления явился в последние десятилетия *дискурс-аналитический подход*. В отличие от традиционной лингвистики, он смещает акцент с устойчивых коллективных языковых структур, хранящих в себе отпечатки мышления, на индивидуальные подвижные речевые структуры и тем самым вносит поведенческий компонент в исследование. Широко известны и принимаемы такие определения дискурса Т. ван Дейка, как «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее текст и сознание говорящего и слушающего» и «дискурс есть текст плюс социальный контекст» [1]. Среди прочих подходов к дискурс-анализу в последние годы утвердился *каузально-генетический* подход И.Ф. Ухвановой [2; 3; 4; 5], рассматривающий дискурс как текст/ макротекст с интертекстуальностью как его основной характеристикой, текст в его функциональной данности, текст во взаимодействии идей и коммуникантов [2, с. 16]. Объектом исследования дискурс-анализа с позиции кау-

зально-генетического подхода выступает текст, «погруженный» в жизнь, текст в социальном контексте, в его информативной и интерактивной данности, в единстве его «контентной» (собственно содержательной) и контекстной (ситуационной) составляющих. В нашей статье текстом оказалось глубинное интервью. Данный текст «оживляет» множество контекстов адресанта (временных, пространственных, деятельностных и др.), которые могут непосредственно актуализироваться в речи говорящего либо уходить в потенциальный срез содержания, а значит, реконструироваться адресатом гораздо позже при повторных прослушиваниях. Как отмечает В.З. Демьянкова, «дискурс определяется не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса» [6; с. 7].

Таким образом, дискурс-анализ – это «снятие» исследователем, срез за срезом, всех возможных фокусов внимания говорящего, а значит, и возможных речевых смыслов. В рамках каузально-генетического подхода такой метод получает название *реконструкция*. «Реконструкция – восстановление объективной реальности на основе изучения текстов, т.е. выявление того, что существовало до текста и что получило в нем отражение» [7, с. 52]. Таким образом, исследователь стремится глубоко понять адресанта, его мир и то, каким он видит адресата, в чем стремится его убедить, а в чем разубедить. Это привносит открытость исследовательскому процессу, необходимость опоры на интертекстуальные характеристики изучаемого материала.

Пользуясь определением И.Ф. Ухвановой, мы рассматриваем интертекстуальность как «актуализацию ассоциаций, вызванных упоминанием в структуре текста других текстов, не имеющих прямого отношения к содержанию текста в целом» [7, с. 47]. На понятие интертекстуальности можно посмотреть широко. Оно может включать как отсылки адресанта (прямые и косвенные, эксплицитные и имплицитные) на другие тексты, другие события, других субъектов, так и отсылки на другие составляющие содержание функционирующих (кодируемых и декодируемых) текстов, а именно открытое множество информации, поддающейся категоризации, а значит, и изучению. Категория «пространство адресанта» – одна из них. Именно эта дискурс-категория и становится нашим предметом изучения в данной публикации. При этом нашей целью является реконструкция содержания конкретного глубинного интервью с фокусом внимания на пространство (дискурс-пространство) адресанта. Для реализации этой цели мы решаем ряд задач: уточняем понятие *пространство адресанта* в контексте изучаемого глубинного интервью; ищем, каким образом адресант его развивает и какую роль ему отводит в своем дискурсе (организует ли его пространство тематическую канву дискурса или в большей степени влияет на его интерактивные характеристики, прагматику взаимодействия адресант–адресат); а далее описываем собранный материал, сопоставляем и делаем выводы по тому, что представляет собой содержание дискурса конкретной

беженки с фокусом внимания на эту содержательную категорию. Ключевыми методами данного исследования стали индукция, категоризация, реконструкция, описание, сопоставление.

Материалом для данного пилотажного исследования послужил текст интервью с беженкой из Афганистана (женщина 50 лет, безработная, замужем, имеет четверых детей). Несмотря на то, что респондент более 15 лет проживает в Беларуси, он плохо владеет русским языком. Интервью проводилось в городе Минске весной 2010 г. Примеры из интервью даны в их оригинальной версии; в отдельных случаях автором статьи даются пояснения с опорой на контекст интервью (в скобках, непосредственно в структуре самого цитируемого высказывания).

Актуальность и значимость исследования данного частного случая мы видим в некотором множестве составляющих. На примере изучения содержания материала конкретного глубинного интервью нам важно подойти к доказательству гипотезы о том, что содержание дискурса есть не некий монолит. Мы видим его как подвижное единство различных функционирующих в нем содержательных единств (категориальных сущностей), находящихся в разнообразном движении (конструктивном или деструктивном, расщепляющем или связывающем, перетекающем одно в другое или рождающее нечто новое). Изучение позиции «пространство беженца» помогает приблизиться к пониманию проблемы самоидентификации реальных субъектов современного социума. Таким образом, исследование может быть актуально также и для смежных с филологией наук – психологии, социологии, культурологии.

Субъектное наполнение пространства адресанта. Изучая структурную составляющую пространства адресанта, нам важно осуществить следующие шаги: (1) определить критерии включения определенных субъектов в «свой» мир и описать субъектное наполнение «своего» и «чужого» мира с опорой на выявленные критерии; (2) определить пространство, в которое респондент себя вписывает; (3) очертить пространственные границы (либо ограничители), отделяющие «свое» пространство от «чужого»; (4) установить качественные характеристики пространства респондента: чем наполнено «свое» пространство в отличие от «чужого», на какие сферы респондент проецирует миры «я» и «другие». Таким образом, мы попытаемся очертить дискурсивное пространство респондента. М.Л. Макаров определяет его как «социально-психологическое “человеческое пространство”, которое конституируется общающимися индивидами, играющими соответствующие коммуникативные, социальные, культурные, межличностные, идеологические, психологические роли» [8, с. 17]. Выражаясь метафорически, нам важно увидеть цвета и тона картины мира респондента, порождаемой дискурсом, понять характеристики пространства с позиции респондента. В качестве первого шага попытаемся определить, что стоит за «я» респондента и что включается в понятие «семья респондента».

«Я» респондента представлено в его дискурсе в двух ипостасях: «я – мать» и «Я – человек». Как «мать» респондент переживает за будущее своих детей

(Когда я каждое утро посмотрю на свои дети, мне очень плохо: ... дети без учеба), сочувствует им в сложных жизненных ситуациях (дети бедные нигде не ходят, дома сидят), вступает в защиту за них (Я ей сказала: «Девушка, ... зачем ты так плохо говоришь на мой сын?»)). Как «человек» респондент взывает к человеческим чувствам по отношению к ней, к сочувствию и справедливости (Как будет с человеком? Что я буду?).

Во всех других случаях респондент репрезентирует себя в составе некой группы («мы»). «Мы» в дискурсе респондента получает несколько наполнений: «мы как семья», «мы как афганская семья», «мы как беженцы-афганцы» и «Мы как (прочие) беженцы».

Критерием единения семьи в одном пространстве являются семейный уклад, общие трудности, проблемы и совместный поиск их решения (*Каждые выходные мы сидим и подумаем о своем: как будет завтра жизнь, как будем платить за квартира?*). Если семья выступает константной составляющей мира респондента и всегда входит в «свое» пространство, то «беженцы-афганцы» и «беженцы» включаются в это пространство только в случае соответствия определенным критериям, заданным респондентом. В противном случае «афганцы» и «беженцы» реализуются в дискурсе респондента как «они» и исключаются из «своего» мира.

Можно выделить несколько критериев включения респондентом субъектов в свое пространство: национально-культурный признак (*наши афганские есть друзья, которые видим*); национальные особенности афганских семей (*нас много семьей... потому что мы из Афганистана*); факт беженства (*нам не дадут работа... потому что мы беженцы, я вижу; каждый семья (беженцев) имеет такие мечта (иметь собственную квартиру)*). Вместе с тем беженцы исключаются респондентом из «своих» на основании критерия «материальное положение» (*все равно все чужое; есть у нас богатые и бедные как наша*). Таким образом, «своими» для респондента являются только те беженцы, которые находятся с ней в одинаковом материальном положении.

Определяющим критерием вхождения в мир респондента для «небеженцев» выступает критерий «понимание и принятие». На основании данного критерия респондент частично включает в «свой» мир некоторых белорусов – представителей старшего поколения (*есть хороший люди... те, которые была на Афганистане... они понимают люди; нам помогала такой один добрый бабушка*) и исключает из «своего» мира младшее поколение (*они молодой, не понимают... все слышат по-другому, больше понимают Америка*). Следующим критерием для исключения субъектов из «своего» мира выступает критерий «притеснение по национальному признаку» (*У них в школа говорят дети: «Чёрненькие, зачем вы приезжали к нам? Зачем вы здесь?»*).

Таким образом, в результате первичного прочтения текста мы можем констатировать: «я» респондента представлено следующим атрибутивным набором: 1) «я» незащищенное, 2) «я» ищущее помощи, 3) «я» растерянное, 4) «я» возмущенное 5) «я» защищающее и оберегающее своих детей»,

б) «я» добивающееся счастья для своей семьи», 7) «я» претендующее на определенные блага для своих детей», 8) «я» требующее». Последовательность, в которой переданы атрибутивные характеристики респондента, не случайны. За ней стоит значимость данных характеристик, которую мы определяем как с учетом количественных параметров (количество употреблений), так и качественных параметров (разветвление мысли). Как видно из материала, во второй части интервью «я» респондента крепнет, перерастает из «я» беззащитного» в «я» недовольное, возмущенное», «я» претендующее» и даже «я» требующее». При этом важно отметить, что по мере усиления «я» респондента все чаще трансформируется в «мы» и воплощает в себе фрагменты мира определенного коллектива (семьи, афганцев, беженцев), а сам респондент возлагает на себя функции своего рода представителя и защитника коллективных интересов. В такой ипостаси «я» респондента из личностного уровня разрастается до уровня социокультурной группы.

Структурная характеристика пространства адресанта. Общее знакомство с материалом интервью дает основание говорить о том, что поле «Пространство» имеет целый ряд разветвлений, которые, собственно, и организуют структуру данной дискурс-категории. Среди таких разветвлений можно назвать: «Дом», «Работа», «Учебные заведения». Какие-то из этих пространств имеют большее развитие, другие меньшее, одни являются открытыми для респондента, а другие видятся им закрытыми для себя. Характерно и то, что одни пространства подаются более эмоционально, другие – менее, одни стереотипно, другие эксклюзивно, одни с постоянным повтором, «прокручиванием» одной и той же идеи или одного и того же слова, а другие – нет. Все это и нужно нам установить в процессе исследования, чтобы лучше понять то, насколько мир данного респондента локален или глобален, поверхностен или многоуровнев, гармоничен либо конфликтен. Важно также провести проекцию на ту модель коммуникации, которой соподчинена конкретная дискурсия.

Мы подошли к материалу вплотную. Реконструкция пространства индивида и его семьи осуществлялась с опорой на несколько структурно-семантических моделей, на основании которых стало возможным выделение нескольких видов пространств респондента и его семьи. Анализируя эти пространства с позиции респондента, мы можем подразделить их на *открытые* и *закрытые* для респондента и его семьи, «принимающие» либо «исключающие» его. Рассмотрим каждую из этих групп.

З а к р ы т ы е п р о с т р а н с т в а . В дискурсе респондента выделяется несколько пространственных сфер, в которые он и/или его семья пытаются неоднократно попасть и прилагают для этого определенные усилия, но при этом продолжают оставаться за рамками данного пространства. Таким пространством для респондента и его семьи выступают «пространство (хорошо оплачиваемой) работы» (*А когда мы едем на работа – на меня не дадут работа*); «пространство высшего учебного заведения» (*Ходила (дочка) там тестирование, который они получили, они ... не хватало (баллов)...*

Сказала «платите и будет какой учеба (специальность) вы хотите» ... На бесплатно, вы сами понимаете, ваши люди не может таки бесплатно).

Закрытое пространство реализовано в дискурсе респондента семантически двучленными конструкциями: в первой части высказывания вербализуется стремление войти в некое пространство, а во второй части – ограничение такой возможности чьими-то действиями. Устремление респондента в пространство вербализовано в дискурсе посредством глаголов с семантикой направленного движения активного залога: семья респондента *едет* на поиски работы, *ходит* в строительную компанию с целью трудоустройства, *ходит* (дочка) на централизованное тестирование с целью поступления в учебное заведение. Однако возможность проникновения в желаемое пространство ограничивается во второй части высказывания другими активными субъектами, а сама респондент и/или члены ее семьи репрезентированы как пассивные исполнители чьей-то воли. Таковыми субъектами выступают работодатель, не принимающий респондента на работу, сотрудники университета, консультирующий по вопросу приема и зачисления.

Рассмотрим другой пример. В своем интервью респондент заявляет, что ее семье не удастся нигде прописаться и поэтому их не берут на работу. В данной ситуации мы обозначим желаемое пространство как “сфера определенных благ, условием вхождения в которую является прописка”. Таким образом, в пространственном мире респондента и его семьи появляется новый компонент, качественно определяющий рамки данного пространства, – ‘прописка’, которая выступает как условие вхождения в желаемую сферу *работы* (*Без прописка человек куда будет работать?*). Мы видим, что и в данном случае респондент выражает готовность к активному действию – *оплатить* все расходы за оказание услуги. Однако такая возможность пресекается действием другого активного субъекта – хозяина съемной квартиры, который не соглашается прописать респондента и его семью даже при условии дополнительной оплаты.

Ограничителями возможности вхождения в желаемое пространство для респондента (“я”) и его семьи (“мы”) являются работодатели, владельцы съемных квартир, сотрудники высших учебных заведений и вообще белорусские люди. Однако все эти субъекты не имеют четких очертаний и реконструируются исследователем исходя из их функционального назначения в конкретной ситуации (контекста). В дискурсе респондента субъекты-ограничители сопряжены с неограниченными возможностями и властью. Они реализованы в дискурсе как «абсолютная сила», препятствующая реализации желания и вербализованы как активные субъекты. Однако данные субъекты представлены обобщенно и в совокупности выступают как «препятствие, ограничивающее возможности».

Открытое пространство. В дискурсе респондента открытым пространством является, прежде всего, “дом”. Сразу отметим, что пространственные рамки дома респондента не совпадают с геометрическими рамками квартиры, в которой проживает респондент и его семья. Напротив, субъек-

тивно-психологический дом противопоставлен дому как физическому объекту. Рассмотрим, как же реализуется данная категория в дискурсе респондента.

Так, из тематической ткани дискурса респондента исследователем была реконструирована тема «Квартира». Данная тема наполнена следующим содержанием: на протяжении всего периода жизни в Беларуси респондент и его семья проживали в различных съемных квартирах. Последнее место их обитания – двухкомнатная квартира, за которую семья ежемесячно платит 350 долларов. Кроме всего прочего, респондент говорит об имеющихся трудностях с поиском квартиры и регистрации для себя и членов своей семьи. Поэтому представление о собственном доме реализовано в дискурсе респондента как объект мечтаний (*мечтаем, чтобы это у нас квартира бы была*).

А теперь рассмотрим, как же формируется субъективно-психологическое пространство «дом», каковы его пространственные рамки и основные характеристики. Субъективно-психологический дом респондента и его семьи реализуется в дискурсе респондента в нескольких структурно-семантических моделях. Остановимся подробнее на каждой из них.

- «Дом как конечная/желаемая цель маршрута». Дом для респондента и его семьи – это пространство, в которое они возвращаются в конце рабочего дня либо стремятся вернуться (*Дети, ... ходят на свои школа и обратно домой*).

- «Дом как вынужденное пространство». В дискурсе респондента дом заявлен как пространство, в котором семья респондента вынуждена находиться ввиду отсутствия других возможностей и сфер самореализации – работы, дальнейшего обучения, повышения своей квалификации (*Закончили здесь и школу, бедненькие, без работы и без учебы, потому что нет деньги платить за учебу... Закончат одиннадцать класс и все, дома сидит*).

- «Дом как изолирующее пространство». Дом для респондента и его семьи – это пространство, которое объединяет в себе всю семью и одновременно отграничивает ее от всего остального мира. В рамках данного пространства протекает своя особая жизнь с присущими ее характеристиками: особенностями быта, семейными традициями, характерными семейными занятиями (*Выходные дома... Каждые выходные, когда мы сидим и подумаем о своём: как будет потом? Как будет завтра жизнь? Как будем платить за квартира?*).

- «Дом как свой собственный мир, непривлекательный для других». В данной структурно-семантической модели дом выступает вместилищем «своего» особого мира, противопоставленным «чужому» миру. Основным признаком такого отграничения сопряжен в сознании респондента с материальным достатком (*Поедешь на какой-то квартира: там есть и компьютер, хороший мебель, хороший это, это... А к нам придет друзья, посмотреть: «Ой! Вы как бомжи, да? Вы по полу сидите, да?» – Обратно не зайдет*). Важно отметить при этом, что в дискурсе респондента дом заявлен как единственное пространство, в котором респондент и все члены его семьи ощущают себя «своими».

Другое пространство, реализованное в дискурсе респондента как открытое, – “государственные социальные институты”, среди которых школа как образовательный институт (*Сын ходит в школу 136*), больницы и поликлиники как институты здравоохранения (*Больница хорошо с нами обращалась, когда мы болели*). В дискурсе респондента оба института объединены в генерализирующем понятии *государство* (*Мы раньше тоже приходили, даже у нас не было вообще документы, государство нас принимало... и даже милиция, и даже больница хорошо с нами обращалась... даже школы*).

Следующим открытым пространством для респондента и его семьи выступают “рабочие места, не требующие высокой квалификации”. В дискурсе респондента данная структурно-семантическая модель репрезентирована двумя фактами: работа грузчика на рынке и работа в колхозе. Особенностью этой модели является комбинация пространственных и временных характеристик: данное пространство спроецировано на (недавнее) прошлое (*Мы на колхоз ходили и картошка мы брали на себя*) либо сопряжено с гипотетическим будущим (*Мои дети... закончат одиннадцать класс и дома сидит... Или идет грузчиком работает на рынок...*).

В дискурсе респондента реализуется еще одна структурно-семантическая модель, которую мы обозначили «На столкновении пространств. Поиск нового пространства». Так, в проекции настоящего времени респондент находится в своеобразном тупике, образованном двумя взаимоисключающими требованиями. С одной стороны, осуществляется требование со стороны одних субъектов, а с другой – положительное разрешение требования данных субъектов ограничивается либо пресекается другими. Таким образом, респондент (“я”/“мы”) находится в положении своеобразного тупика, из которого она ищет выход. Данная структура получает при этом соответствующую реализацию – в вопросительных структурах, риторических вопросах, реализующих своеобразный поиск пути в следующее пространство – в общий для всех человеческий мир – и адресованных обобщенному адресату – *человеку* (*вы человек, ваше должна быть чувство на человека*).

Рассмотрим пример: *А государство, УВКБ говорит: «Идите работать!».* ... *А когда мы едем на работа – на меня не дадут работа.* ... *А где будем?* Как видим, респондент находится под давлением государства, УВКБ ООН, которые призывают к трудоустройству. Вместе с тем респондент не может выполнить это требование, поскольку работодатели отказываются брать их на работу. Образуется своеобразная дилемма между различными субъектами: государством, УВКБ ООН, с одной стороны, и работодателями – с другой, а сам респондент репрезентирует себя в данной ситуации как «человека без пространства», ищущего свое пространство (*Куда нам надо?*). Важно отметить характер субъекта в описанной ситуации: это обобщенный субъект, который воплощает всех беженцев и носит коллективный характер (*А где будем?*).

Проанализировав материал интервью, мы пришли к следующим выводам.

1. Пространство индивида, реконструированное из дискурса, представляет собой структуру, состоящую из определенных единиц – пространств закрытых и открытых для респондента. Открытыми пространствами

для респондента и его семьи видятся рабочие места низкой квалификации, социальные институты, а также пространство дома. Дом представлен в дискурсе в основном как субъективно-психологическое пространство, которое имеет слабо выраженную локальную привязку: дом для респондента и его семьи – это любое место, где возможно сплочение его семьи, единение посредством общности быта, семейного уклада, общих для всех членов семьи проблем и трудностей. Закрытыми пространствами для респондента выступают пространство хорошо оплачиваемой работы и пространство высших учебных заведений. Ограничение возможности проникновения в данные пространственные сферы сопряжено в сознании респондента с безличными либо обобщенными субъектами-ограничителями, реализованными в его дискурсе посредством местоимений (*он, она, они*).

2. Важной составляющей пространственной картины мира респондента является ее эмоционально-ценностное преломление в его сознании. Пространство дома представлено в дискурсе респондента лаконично как «пространство свое для себя», в которое нет входа «чужим». Напротив, пространства, закрытые для респондента и его семьи с позиции респондента, представлены в дискурсе очень эмоционально, с постоянным акцентом на модальность (*хотим – не можем*). С развитием интервью эмоциональный фон вокруг данных тем усиливается, обрастает дополнительными контекстами, что приводит к трансформации «я» респондента из «беззащитного», «просящего», «ищущего помощи» в «я» «настойчивое», «требовательное».

3. Во второй части интервью респондент реализован как своеобразный «защитник», который берет на себя функции представлять интересы всех (афганских) беженцев (*Пусть государство сделает такие возможности на все беженцы один институт. – У каждый ребенок есть своя мечта. Наши дети хотят учиться!*). Однако данный посыл может рассматриваться как стратегический ход в реализации определенной цели – из ткани дискурса респондента исследователем были реконструированы противоположные данные (не общается с другими беженцами, не поддерживает связь, даже исключает их из «своего мира», закрывается от них). Таким образом, можно сделать вывод о том, что мир респондента поверхностен, неглубок, практически одноуровнев, сосредоточен на личностном уровне и уровне своей семьи. Работа в сознании респондента – это только средство зарабатывать деньги, высшее образование рассматривается не как процесс саморазвития, получения знания и квалификации, а как продукт, который оценивается мерками «рыночных отношений» (образование можно купить, нет денег – нет образования). Все субъекты, которые выходят за уровень семьи и самого близкого круга знакомых, реализованы в дискурсе респондента безлично либо обобщенно и практически не различаются качественно (работодатель, соседи, люди). Все субъекты реализованы как некая «безликая сила», враждебная по отношению к респонденту, его семье. Единственный аргумент всякого «отрицательного» отношения к респонденту и его семье сопряжен с фактом «*мы беженцы*». При этом респондент не ставит вопросов к себе и не ищет других решений. По сути, мы можем выделить «сквозную» тему

(топик), красной нитью проходящую через весь дискурс, – «Жалоба с целью получить материальную помощь», а самого коммуниканта охарактеризовать как «манипулирующего адресатом посредством давления на чувства» (фокус внимания). Таким образом, осуществив идентификативно-интерпретативный анализ, в котором темы представлены в категориях *пространство адресанта, самоидентификация, атрибутивность, тип коммуниканта*, мы выявили специфику развития и взаимодействия, а значит, и оценки этих тем. В результате исследования мы обнаружили *топико-фокусную структуру* дискурса мигранта. Данные выводы являются пилотажными, так как основаны на малой выборке и требуют своей дальнейшей верификации. Суть данного анализа состоит в проверке возможной методологической программы исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / общ. ред. и сост. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : Бел. гос. ун-т, 2008. – Вып. 5. – 271 с.
3. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : Издат. центр БГУ, 2009. – Вып. 6. – 215 с.
4. Попова, А.В. Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия элитарных средств информации / А.В. Попова. – Минск : Издат. центр БГУ, 2008. – 153 с.
5. Савич, Е.В. Продвижение и защита интересов группы: опыт дискурс-анализа / Е.В. Савич // Социальная власть языка: сб. науч. тр. – Воронеж, 2001. – С. 214–220.
6. Демьянкова, В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Методы анализа текста. – М. : ВЦП, 1982. – Вып. 2. – 90 с.
7. Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Дискурсные методики в социологическом исследовании: учеб.-метод. комплекс / И.Ф. Ухванова-Шмыгова. – Минск : БГУ, 2003. – 191 с.
8. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.

The space of a individual, reconstructed from a discourse, is a structure consisting of certain units – enclosed spaces (low-skill jobs, social institutions and house space) and open spaces (the space of well-paid work and the space of higher education institutions). An important component of the spatial picture of the world of the respondent is its emotional value-refraction in his/her mind.

Поступила в редакцию 14.06.11

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Е.Н. Дубицкая

РОЛЬ КОНТЕКСТА В ОПРЕДЕЛЕНИИ СЕМАНТИКИ
КОСВЕННЫХ ДИРЕКТИВОВ
(на материале белорусского языка)

В статье рассматривается значимость коммуникативной ситуации для определения семантики некатегоричных косвенных директивных речевых актов в белорусском языке. Анализу подверглись высказывания со скрытым значением побуждения в контексте и в изолированной позиции, в результате чего было установлено, что наличие контекста лишь незначительно облегчает реципиентам идентификацию косвенных советов и несколько затрудняет им опознание скрытых просьб и предложений. Это связано с тем, что иллокутивные индикаторы директивности в разной степени сконцентрированы либо в контексте, либо в рамках изолированного высказывания.

Внимание исследователей последних лет сфокусировано на изучении не структуры языка как «вещи в себе», а на исследовании вопросов его функционирования в реальном социальном контексте. Занимаясь проблемами взаимодействия формы и содержания конкретного высказывания с характеристиками коммуникантов, их взаимоотношениями и ситуацией общения, лингвисты отмечают возможность как явного, так и скрытого выражения смыслов. Речевые акты, коммуникативное воздействие которых не совпадает с прямым значением компонентов высказывания, получили в лингвистике название *косвенных* [1].

Одним из наиболее представительных классов косвенных речевых актов являются *директивные*, побудительная интенция которых оказывается скрытой за формально иной структурой высказывания. В связи с тем что в таких высказываниях коммуникативное намерение выражено в неявной форме, в них присутствует некоторая двусмысленность, и можно предположить, что их смысл во многом зависит от контекста. Задачей данного исследования стало поэтому выявление роли контекста при определении семантики косвенных директивов в белорусском языке.

По определению А. Е. Михневича, *контекст* есть «отрывок устного или письменного текста, который позволяет выявить смысл слова или выражения, которые входят в этот отрывок» [2, с. 249]. Тем самым признается, что условия употребления языковых единиц являются не только необходимым фактором реализации их функции, но и одним из индикаторов иллокуции говорящего [3, с. 16; 4, с. 47]. Немецкий лингвист А. Буркхардт также подчеркивает, что контекст служит декорацией для языкового знака, тем обрамлением, в котором он получает определенную иллокутивную функцию и при помощи которого становится возможной правильная *интерпретация*

речевого акта в условиях нехватки четких языковых индикаторов [5, с. 215]. Автор отводит при этом ключевую роль в толковании и существовании косвенного речевого акта *реципиенту*: именно реципиент группирует и суммирует использованные говорящим языковые средства, привлекает экстралингвистические факторы и широкий контекст к интерпретации высказывания. Такой анализ дает возможность для ограничения формальной многозначности высказывания, выявления скрытых значений и соотнесения высказывания с определенным коммуникативным намерением [5, с. 356].

Другие лингвисты полагают, что неправомерно полностью переключаться на адресата, умаляя при этом роль адресанта, который хоть и формулирует свое намерение неявно, однако размещает в высказывании ряд лингвистических и экстралингвистических индикаторов, которые могут стать для реципиента ориентиром для правильной интерпретации интенции [6, с. 221; 7, с. 56]. Данная противоречивость мнений и заставила нас обратиться к выявлению взаимосвязи между косвенными директивами и контекстом.

Материалом для проведения исследования послужили 37 белорусско-язычных контекстов обиходно-бытового стиля, в состав которых входили повествовательные либо вопросительные по форме высказывания со скрытым некатегоричным побуждением трех разновидностей: *просьбы, совета и предложения*. Они были отобраны из произведений белорусской литературы и сокращены либо дополнены в таком объеме, чтобы экспериментальное высказывание во всех контекстах занимало одинаковую позицию – находилось в середине контекста, например: – *Так ты страціш сваю пасаду. І што далей? Ты не хочаш ацаніць сваё становішча. – Хачу, я гэтым якраз і займаюся.*

Первичное определение семантики данных высказываний происходило с применением трансформационного метода: высказывание со скрытым побуждением причислялось к директивам и одному из косвенных оттенков побуждения, если присутствовала возможность превращения его с помощью перформатива в эксплицитный директив, например: *Ты не хочаш ацаніць сваё становішча. = Ацані сваё становішча! = Я раю табе ацаніць сваё становішча.*

Полученные таким способом экспериментальные контексты были записаны в студийных условиях в Гродненском государственном университете им. Я. Купалы на цифровой носитель информации в исполнении 8 носителей белорусского языка (4 женщины и 4 мужчины), что составило в целом 296 контекстов с общим временем звучания около 50 минут. Данный материал образовал первую выборку.

На начальном этапе анализа устные контексты были предъявлены в случайном порядке 8 информантам – носителям белорусского языка, которые должны были соотнести общее значение ситуации с одним из оттенков побуждения: просьбой, предложением, советом, требованием либо другим коммуникативным намерением. В роли информантов выступили студенты филологического факультета Гродненского государственного университета

им. Я. Купалы, родным языком которых является белорусский. На данном этапе анализа от них было получено 2368 показаний.

Обобщение данных показаний (табл. 1) свидетельствует о наиболее уверенном опознании в контексте совета (около 60 %); менее последовательно идентифицируются просьба и предложение (около 45 %).

Т а б л и ц а 1

Результаты анализа информантами значения скрытых ненастоятельных побуждений в устных контекстах

Идентификация разновидностей косвенных директивов	Разновидности косвенных директивов					
	Просьба		Совет		Предложение	
	Кол-во показаний	Доля, %	Кол-во показаний	Доля, %	Кол-во показаний	Доля, %
Просьба	390	43,5	28	3,6	91	12,9
Требование	138	15,4	39	5,1	76	10,8
Совет	67	7,5	451	58,7	120	17,1
Предложение	126	14,1	177	23,1	316	44,9
Прочие	175	19,5	73	9,5	101	14,3
Всего	896	100	768	100	704	100

Анализ разброса показаний по отдельным разновидностям директивов свидетельствует о том, что совет наиболее последовательно смешивается с предложением (23,1 %). Это представляется вполне понятным: оба директивных акта имеют небольшую степень настоятельности и предусматривают полезность действия для адресата [8, с. 28–29]. Просьба, содержащая значительную долю категоричности, достаточно часто оценивается как требование (15,4 % показаний), и почти в таком же количестве случаев она воспринимается как предложение (14,1 %), что также естественно, если принимать во внимание большое сходство внутренней структуры обоих директивных речевых актов [9, с. 27]. Самый большой разброс ответов демонстрирует предложение, которое в 11–17% случаев идентифицируется информантами и с просьбой, и с требованием, и с советом (см. табл. 1).

Что касается языковых средств, способствующих опознанию косвенных директивных речевых актов в контекстах, то экспериментальная выборка показывает, что увереннее всего интерпретируются как с о в е т повествовательные высказывания с лексемами, в которых содержится значение полезности озвученного действия для адресата. На восприятие таких фраз, как показывает материал, контекст оказывает лишь незначительное влияние. Так, фраза *А табе, сын, вельмі карысна было б пасябраваць з дзедам* (= Сын, я раю тебе пасябраваць з дзедам.) и в контексте, и в изолированном предъявлении стабильно (70,3 % показаний) опознается как совет: в лексеме *карысна* заложена целесообразность и полезность действия для адресата. Маркирование директивы малой степени настоятельности выполняется в данном случае на лексическом уровне.

Анализ показаний информантов позволил выявить, что наличие контекста не влияет также на соотношение с советом повествовательных описательных структур от первого лица, в которых воображаемое действие проецируется говорящим на самого себя, что является конвенциональной формой выражения совета [10, с. 268]. Так, более половины показаний (53,1 %) по оценке информантами ситуации – *Там вы знойдзеце новых сяброў. Я на вашым месцы паехала б* (= Я раю вам паехаць.) – *Паехаць? Пакінуць цябе і тату?* приходится на совет, а при отсутствии контекста количество соотношений экспериментальной фразы с косвенным советом увеличивается еще на 5 %. Значительная доля показаний при восприятии данной фразы приходится на предложение, что обусловлено большим сходством структур данных некатегоричных оттенков побуждения.

Значимыми для восприятия косвенного совета оказываются контексты, в которых присутствует *аргументация* полезности действия для собеседника. Например, ситуации – *Вам не падабаеца мой касцюм? – Магла б і даўжэйшую спаднічку надзець. Табе ж холадна ў гэтым адзенні* информанты в 73,4 % случаев приписывают значение совета, что соответствует перформативной трансформации: *Я раю табе надзець даўжэйшую спаднічку*. Аргументативное высказывание в конце реплики подчеркивает некатегоричность данного побуждения, в то время как изолированная фраза *Магла б і даўжэйшую спаднічку надзець*, лишённая аргументативного компонента, не дает информантам надежных маркеров ее значения, и разброс показаний увеличивается: 46,9 % ответов приходится на совет, 23,5 % показаний распределяются между просьбой и предложением, 14,0 % приходится на требование, а 15,6 % показаний свидетельствуют о том, что информанты при восприятии данного высказывания не слышат в нем вообще никакой директивности.

Результаты анализа протоколов по восприятию экспериментальных фраз с косвенным предложением в контекстах свидетельствуют о недостаточно уверенной идентификации данного оттенка (около 45 % показаний). В 17,1 % случаев данный директив ассоциируется информантами с советом, в 12,9 % – с просьбой, а в 10,8 % – даже с требованием (см. табл 1).

Материал показывает, что наиболее стабильно с предложением соотносятся высказывания в ситуациях, где говорящий постепенно готовит адресата к той идее, которая выносится на его рассмотрение и добровольное исполнение. Например, при восприятии на слух контекста – *Заўтра вам не трэба ў школу. А што, калі вы паедзеце з дзедам на ферму?* (= Я прапаную вам паехаць з дзедам на ферму.) – *Ой, здорава!* 71,8 % показаний приходится на предложение. Это объясняется тем, что из первого высказывания вытекает наличие у детей свободного времени, и логичным продолжением является предложение по его использованию, сформулированное в форме сложноподчиненной вопросительной конструкции. Неуверенность говорящего в необходимости выполнения действия, выраженная вопросом, а также ответная эмоциональная реакция реципиента свидетельствуют о самостоя-

тельном принятии решения адресатом. Это и позволяет информантам интерпретировать данную ситуацию как предложение.

Материал показывает также, что уверенно опознаются как предложение ситуации, где косвенное предложение сформулировано в виде неместоименного вопроса с последующим обоснованием предложения. Например, 60,9 % информантов приписывают ситуации *У Вас ёсць яшчэ час падумаць. Вы не хочаце адмовіцца ад спаборніцтва?* (= Я прапаную Вам адмовіцца ад спаборніцтва.) *Вы не баіцеся?* значение предложения, а 35,9 % слышат в ней совет, что также логически и коммуникативно оправданно: совет и предложение очень близки друг другу по внутренней структуре.

Показания, полученные в результате аудитивного анализа контекстов, содержащих косвенную просьбу, демонстрируют в нашей выборке самый низкий (43,5 %) уровень опознаваемости. Просьба часто воспринимается как требование (15,4 %) или предложение (14,1 %), реже – как совет (7,5 %). Остальная часть показаний свидетельствует о затруднениях в восприятии директивности в предложенных контекстах (см. табл. 1).

Экспериментальный материал показывает, что наиболее уверенно опознаются в качестве просьбы ситуации с лексическими маркерами, указывающими на данный подтип побуждения. Так, контекст *“Ну што ж, чакаць больш не магу. Рады быў сустрэць цябе. Бывай.” “А можна, усё ж не паедзеш?”* (= Я прошу тебя не ехать.) – *напрасіла Галя. “Тата ж пакрыўдзіцца...”* в 67,1 % случаев ассоциируется с просьбой, что обеспечивается наличием в авторской ремарке эксплицитного уточнения интенции говорящего.

Достаточно регулярно соотносятся с просьбой контексты, в которых присутствуют маркеры смягченной категоричности действия. Так, в ситуации *Мне трэба было б пагаварыць з прэзідэнтам. Было б добра, каб Вы перадалі яму маё запрашэнне* (= Я прошу Вас переадресовать мне мое приглашение.) *Напрыклад, сёння* таким показателем в первых двух повествовательных высказываниях выступает сослагательное наклонение (*было б*). Использование лексемы *добра* в самой экспериментальной фразе настраивает информантов на восприятие мягкой директивы – просьбы (62,5 % показаний).

Таким образом, анализ около 2500 показаний информантов по идентификации значений косвенных директивов позволяет констатировать, что хотя скрытая директивность опознается в устных текстах недостаточно однозначно, однако во всех группах присутствуют довольно четко выраженные центры значений, позволяющие выявить типичные языковые средства реализации некатегоричных косвенных директивов в белорусском языке. Анализ связи между отклонениями информантов в определении основного значения контекста и способом передачи имплицитной директивности позволяет выявить роль отдельных языковых средств в выражении или сокрытии данного коммуникативного намерения.

Для определения зависимости семантики некатегоричных косвенных директивов от контекста на следующем этапе работы была создана вторая экспериментальная выборка. Ее составили экспериментальные фразы, кото-

рые были отсегментированы из контекста и в случайном порядке предъявлены 8 информантам для восприятия на слух. Информанты должны были соотнести данные высказывания с одной из предложенных разновидностей речевых актов или назвать иную. В результате было получено еще 2368 показаний.

Анализ результатов восприятия реципиентами *изолированных* косвенных некатегоричных директивов показывает, что при отсутствии контекста скрытые советы опознаются менее уверенно; зато несколько возрастает количество соотнесений экспериментальных высказываний с косвенным предложением и просьбой (табл. 1 и табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Результаты анализа информантами семантики скрытых побуждений
в изолированных устных высказываниях

Идентификация разновидностей косвенных директивов	Разновидности косвенных директивов					
	Просьба		Совет		Предложение	
	Кол-во показаний	Доля, %	Кол-во показаний	Доля, %	Кол-во показаний	Доля, %
Просьба	405	45,2	44	5,7	95	13,5
Требование	133	14,8	52	6,8	92	13,1
Совет	72	8,0	379	49,4	117	16,6
Предложение	100	11,2	178	23,2	332	47,2
Прочие	186	20,8	115	14,9	68	9,6
Всего	896	100	768	100	704	100

Анализ изолированных от контекста экспериментальных фраз со значением *совета* свидетельствует о возрастании неуверенности информантов в наличии во фразах данного директивного значения: количество соотнесений экспериментальных фраз с советом уменьшается на 10 %; стабильным остается восприятие советов в качестве предложения и на 2 % растет количество соотнесений данных структур с просьбой и требованием (табл. 1 и табл. 2).

Заслуживает внимания восприятие изолированных косвенных советов в форме *вопроса*, которые лишь изредка используются для передачи данного директивного значения. Экспериментальный материал позволяет отметить влияние типа вопросительной структуры на ее восприятие. Так, на неместоименный вопрос *Ці варта вам пачынаць такую клопатную справу?* (= Я раю вам не пачынаць такую клопатную справу.) приходится лишь немногим более половины (51,5 %) ассоциаций с советом. Это связано с тем, что модальная лексема *варта* с неярко выраженным значением необходимости [11, с. 107] нацеливает адресата на называемое действие, а маркеры неуверенности (вопросительная частица *ці* и восходящая мелодия общего вопроса) передают сомнение говорящего в необходимости называемого действия. Присутствие отрицательной оценки в лексеме *клопатная* служит

дополнительным аргументом сомнительности действия. В результате соединения семантики разнонаправленных средств разных языковых уровней только половина информантов интерпретирует данный неместоименный вопрос как косвенный совет. Отсутствие четких маркеров полезности действия в контексте *Я цікаўлюся вашым узростам толькі таму... Ці варта вам пачынаць такую клопатную справу? Для гэтага, відаць, трэба спачатку абмаладзіцца* не увеличивает числа соотношений данной фразы с советом.

Материал показывает, что контекстное окружение более значимо для скрытых советов в форме *местоименных* вопросов. Так, вопросительная структура *Ну, чаму ты ўсё так блізка да сэрца бярэш?* (= Я раю табе не браць усё так блізка да сэрца.) в изолированном предъявлении лишь изредка (28,1 %) соотносится с советом; остальные показания распределяются, в основном, между просьбой (20,3 %) и затруднениями в опознании модальности (37,5 %). При восприятии этой же фразы в ситуации *Ты гэта... ты супакойся. Ну, чаму ты ўсё так блізка да сэрца бярэш? Тваё здароўе ўжо не ў лепшым стане* наблюдается бо́льшая уверенность (67,2 %) в выявлении в ней имплицитного совета. Выявить данную семантику в контексте помогают маркеры, располагающиеся вне вопросительной конструкции: прямое побуждение, предвещающее вопрос, и последующая аргументация совета.

Анализ изолированных высказываний с оттенком предложения позволяет говорить о том, что отсутствие контекста существенным образом не сказывается на общем восприятии данного директивного оттенка: количество правильных идентификаций увеличивается всего на 2 % (табл. 1 и табл. 2), а процент соотношения устных предложений с остальными директивными разновидностями остается прежним (см. табл. 2).

Экспериментальный материал показывает также, что наличие в изолированной фразе нескольких языковых средств, указывающих на подвид побуждения, служит надежным ориентиром для информантов при идентификации его вне контекста. Например, устное высказывание *А можа варта развець попел на ветры?* в изолированном предъявлении опознается в 78,1 % случаев как косвенное предложение, что на 20 % лучше, чем в контексте. Это можно объяснить тем, что семантика лексемы *варта*, структура неместоименного вопроса со значением предположения, усиленная модальным словом *можа*, восходящая мелодия, выражающая неуверенность, совместно надежно формируют значение предложения.

Есть, однако, в выборке и примеры снижения опознаваемости косвенных предложений в изолированной позиции. Например, вне контекста на 22 % снижается количество соотношений с речевым актом предложения высказывания *Калі Вы не супраць – калі ласка, да мяне* (= Я прапаную Вам жыць у мяне). Одновременно практически в том же объеме (на 19 %) возрастает его ассоциация с просьбой, что представляется вполне оправданным, так как в рамках фразы размещаются надежные показатели невысокой категоричности побуждения: условное придаточное предложение, маркер вежливости *калі ласка*, однако нет четкого указания на то, кто заинтересован в действии, что отличает просьбу от предложения. Более

однозначная (73,4 % показаний) идентификация информантами интенции говорящего происходит при наличии контекста *А вам пакуль што давядзецца спыніцца на прыватнай... Калі вы не супраць – калі ласка, да мяне. Мая жонка будзе толькі рада*, в котором вносимая на рассмотрение адресата новая возможность объективно вытекает из сложившегося положения дел.

Предъявление информантам изъятых из контекстов фраз со скрытым значением *п р о с ь б ы* демонстрирует незначительное возрастание количества их соотнесений с данной разновидностью директива и свидетельствует об общей неуверенности реципиентов при оценке значения данных высказываний. Практически без изменений остаются при отсутствии контекста и показатели ассоциации косвенной просьбы с другими разновидностями побудительных речевых актов, и показания, свидетельствующие о затруднениях в самом определении директивности в предложенных для анализа высказываниях (табл. 1 и табл. 2).

Наиболее уверенно опознается скрытая просьба в изолированных фразах, содержащих лексические указатели на мягкое побуждение. Так, опознание фразы *Было б добра, каб вы перадалі яму маё запрашэнне* как просьбы улучшается более чем на 20 % по сравнению с ее предъявлением в контексте. В данном случае изолирование фразы от контекста облегчает информантам концентрацию на расположенных в рамках фразы индикаторах интенции говорящего: сослагательном наклонении, семантике лексем *добра* и *запрашэнне*, а также просодии.

Если в рамках фразы нет надежных маркеров небольшой категоричности, то изъятие ее из контекста существенно снижает опознаваемость ее как просьбы. Так, изолированная фраза *Ці нельга растлумачыць грамадству, аб чым вы дыспутавалі?* (= Я прошу вас растлумачыць грамадству, аб чым вы дыспутавалі.) лишь в 43,7% случаев оценивается информантами как просьба, в то время как в окружении контекста (*Цішэй! Ці нельга растлумачыць грамадству, аб чым вы дыспутавалі? Просім!.. Просім!..*) данный показатель доходит до 61 %. Это неудивительно, поскольку в данном случае последующий контекст (перформатив *просім*) однозначно указывает на основное значение реплики. Лишенная же контекста экспериментальная фраза в форме вопросительной сложноподчиненной конструкции с модально-вопросительной частицей *ці* и отрицанием отчетливо передает значение неуверенности, характерное для ненастоятельных директивов, но не обеспечивает точной дифференциации их оттенков, о чем свидетельствуют 65,6 % показаний информантов.

Таким образом, результаты сравнения аудитивного восприятия изолированных устных некатегоричных косвенных директивов с их оценкой в контексте не дают оснований для вывода о большой зависимости семантики косвенных побуждений от контекста. Разновидности косвенных директивов опознаются носителями языка в целом неоднозначно, и наличие контекста лишь незначительно облегчает им идентификацию косвенных советов, зато затрудняет дифференциацию скрытых просьб и предложений. Роль контекста для уточнения значения скрытых директивов зависит как от характера

контекста, так и от степени выраженности директивного значения в самом речевом акте. Для опознания совета важны иллокутивные индикаторы лексического уровня, в значении которых уже заложена полезность действия для адресата; при определении просьбы и предложения особенно значимыми являются такие маркеры невысокой категоричности, как сослагательное наклонение, вопросительная структура высказывания и соответствующая просодия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сёрль, Дж.Р.* Косвенные речевые акты / Дж.Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 195–222.
2. *Міхневіч, А.Я.* Кантэкст / А.Я. Міхневіч // Беларуская мова: энцыкл. / пад рэд. А.Я. Міхневіча. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 248–249.
3. *Бондарко, А.В.* К вопросу о функциях в грамматике / А.В. Бондарко // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1992. – Т. 51, № 4. – С. 14–23.
4. *Sökeland, W.* Indirektheit von Sprechhandlungen / W. Sökeland. – Tübingen : Niemeyer, 1980. – 168 s.
5. *Burkhardt, A.* Soziale Akte, Sprechakte und Textillokutionen / A. Burkhardt. – Tübingen : Niemeyer, 1986. – 466 s.
6. *Franck, D.* Zur Analyse indirekter Sprechakte / D. Franck // Beiträge zur Grammatik und Pragmatik / V. Ehrich, P. Finke (Hrsg.). – Kronsberg : Scriptor Verl., 1975. – S. 219–231.
7. *Rolf, E.* Sagen und Meinen. Paul Grices Theorie der Konversations-Implikaturen / E. Rolf. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1994. – 269 s.
8. *Бирюлин, Л.А.* Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.А. Бирюлин. – СПб., 1992. – 41 с.
9. *Куценко, Н.В.* Лингвистическая репрезентация косвенного совета (на материале немецкого языка) / Н.В. Куценко // Веснік ГрДУ. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2010. – №2. – С. 26–30.
10. *Вежбицкая, А.* Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 251–276.
11. *Паўлоўская, Н.Ю.* Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове / Н.Ю. Паўлоўская. – Мінск : МДЛУ, 2001. – 206 с.

The article considers the problem of the role of communicative situation in identifying the semantics of indirect prescriptive speech acts in the Belorussian language. Indirect prescriptive acts are taken both in and out of context. The research shows that the role of context is not really significant in finding the meaning of indirect acts which express advice. As for speech acts implying request and suggestion, the communicative situation even hampers the identification of their true semantics and it has to do with the fact that the illocutionary signals of prescription are concentrated in different portions in the context and the speech act.

Поступила в редакцию 07.07.2011

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

С.И. Остапук

АВТОБИОГРАФИЯ КАК ОБРАЗЕЦ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ В РОМАНЕ К. ВОННЕГУТА «ВРЕМЕТРЯСЕНИЕ»

В данной статье показано значение жанра автобиографии в американской литературе, кратко прослеживается его развитие, выявляются специфические черты, внимание уделяется отличиям автобиографии от автобиографического романа. Для этого используются мнения теоретиков литературы, среди которых Ф. Лежен, Л.А. Мишина, Т.В. Федосова, С. Смит и др. Далее рассматриваются особенности использования жанра автобиографии в романе К. Воннегута «Времетрасение». Данное произведение анализируется на следующих уровнях: структура текста, темпоральная структура текста, создание текста. Выявленные отличительные черты романа (принцип игры, проявляющийся в переплетении вымысла и факта, хаотичном изложении событий, множественности точек зрения) позволяют отнести его к постмодернистскому автобиографическому роману.

Жанр *автобиографии* занимает особое место в развитии американской литературы. Он берет начало в XVII в. и связан с развитием первых колоний на территории Новой Англии. По словам М.М. Кореневой, «Пуританская идеология и этика стали основой той социальной и культурной общности, которая сложилась в Новой Англии намного раньше, чем в других регионах. Ее создание и явилось главной предпосылкой возникновения в колониях многочисленных сочинений в тот период, который по общему признанию не располагал к занятиям литературой и искусством» [1, с. 148]. Так как написание каких-либо художественных произведений считалось греховным делом и поощрялось создание только богословских сочинений, наиболее интенсивно развивались в то время околотературные жанры, такие как исторические и этнографические очерки, путевые заметки, дневники, отчеты, воззвания и т.д. Одним из первых сохранившихся произведений подобного рода литературоведы называют «Историю поселения в Плимуте» У. Брэдфорда (1590–1657), которая соединяет в себе черты хроники исторических событий, дневника, мемуаров и др. Важное место в литературе США XVII в. заняли дневник Дж. Уинтропа под названием «История Новой Англии», «Дневник» и «Автобиография» Т. Шепарда, «Дневник» С. Сьюолла и др.

Важно отметить, что если в художественной литературе американские авторы во многом копировали европейских, то в документальных и художественно-документальных жанрах они шли своим путем. Говоря о значении автобиографического жанра на ранних этапах развития литературы США, российская исследовательница Л.А. Мишина подчеркивает: «Психологические открытия в американской литературе XVIII века были сделаны прежде всего в жанре автобиографии» [2, с. 5].

Во второй половине XVIII в. появилась «Автобиография» Б. Франклина, которая стала классическим произведением одноименного жанра. Б. Франклин преобразовал мемуары в такой степени, что это привело к выделению автобиографии в качестве самостоятельного жанра.

Далее автобиографический жанр развивался параллельно с возникновением и развитием новых литературных стилей и направлений, при этом, сохраняя автобиографическую форму, авторы наполняли ее новым содержанием, соответствующим духу эпохи. К примеру, «Автобиография» Б. Франклина отразила просветительский взгляд на действительность, знаменитое произведение Г. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854) Л.А. Мишина называет романтической, точнее, трансценденталистской автобиографией [2, с. 29]. Также нужно назвать «Автобиографию» М. Твена, которая развивает традиции реализма XIX в. В XX в. можно выделить множество автобиографий, ставших отражением поисков литературы «красных тридцатых»: Э. Синклер «Американский аванпост», Т. Драйзер «Книга о самом себе», М. Каули «Возвращение изгнанника» и др.

Еще одним аргументом, свидетельствующим о значительности автобиографического жанра в американской литературе, является вручение с 1917 г. Пулитцеровской премии за биографию или автобиографию, написанную американским автором. Среди наиболее известных лауреатов можно назвать Г. Адамса (1919) и Дж.Ф. Кеннеди (1957).

В рамках данной статьи внимание сосредоточено на автобиографии конца XX в., а именно на романе Курта Воннегута «Времетраясение» (“Timequake”, 1997). Цель исследования – выявить специфические черты использования жанра автобиографии в вышеназванном произведении.

Не существует единого мнения по поводу определения автобиографии. Спорные моменты связаны с пониманием ее в узком и широком смысле, отнесением автобиографии к документальному либо художественному жанру. Л.А. Мишина делает следующее заключение: «Автобиография – это многогранный синтетический жанр, соприкасающийся с целым рядом художественных, художественно-документальных и документальных жанров, среди которых автобиографический, психологический и исповедальный романы, исповедь, дневник, биография, мемуары, письма» [2, с. 107]. Для данного исследования важно различение автобиографии и автобиографического романа. Российская исследовательница Т. Романова определяет автобиографию как «описание своей жизни, собственную биографию – жанр документально-художественных произведений, преимущественно в прозе» [3, с. 15]. Французский теоретик литературы Ф. Лежен дает следующую дефиницию автобиографии: «мы называем автобиографией ретроспективный рассказ в прозе, созданный кем-либо о своей собственной жизни, в котором основной акцент делается на описании этой самой жизни и, особенно, на описании собственной личности» (перевод мой. – С.О.) [4, с. 14]. Далее Ф. Лежен добавляет, что одним из первых сигналов читателю, говорящим о том, что перед ним автобиография, является совпадение имени

на обложке с именем рассказчика. Все эти признаки автобиографии (описание своей жизни, прозаическая форма, акцент на своей личности) в полной мере применимы к роману К. Воннегута «Времетрасение». Рассказчиком выступает К. Воннегут, который приводит многочисленные статистические данные, а именно дату и место рождения, семейное положение, количество детей, сведения о родителях и т.д., которые совпадают с данными исторической личности американского писателя К. Воннегута. Рассказчик К. Воннегут, безусловно, делает акцент на своей жизни, делаясь многочисленными рассказами о людях и событиях, повлиявших на него, а также наблюдениями и мыслями, раскрывающими его как личность. Но в то же время К. Воннегут широко вводит в свое повествование вымышленные события. Выдуманный персонаж Килгор Траут является одним из наиболее важных в романе. Именно наличие или отсутствие вымысла является, по мнению Л.А. Мишиной, определяющим фактором в различении автобиографии и автобиографического романа [2, с. 108]. Следует подчеркнуть, что в данном случае имеется в виду сознательное введение вымышленного материала в произведение. «Времетрасение» К. Воннегута сочетает в себе реальные факты и вымысел, что, следовательно, позволяет определить его жанр как автобиографический роман.

Структура романа «Времетрасение» мозаична и фрагментарна, построена по принципу игры. В начале произведения К. Воннегут рассказывает о книге, "которая категорически не получилась, в которой не было смысла и которая вообще не хотела, чтобы ее писали" (с. 7–8)¹. Этот роман рассказчик условно называет «Времетрасение-один». Другой роман, который является объектом данного исследования, стал, по словам рассказчика, улучшенной и дополненной версией под названием «Времетрасение-два». Центральным событием обеих версий является некий катаклизм, который отбросил все человечество на десять лет назад с 2001 года в 1991. Люди оказались вынужденными прожить это время еще раз, при этом повторяя в точности те же действия. Интересно, что писатель-фантаст Килгор Траут, кочующий из романа в роман персонаж К. Воннегута, также написал роман на тему вышеупомянутого катаклизма и назвал его «Десять лет на автопилоте». Таким образом, одно событие представлено в романе «Времетрасение» в трех разных версиях.

Структурно роман «Времетрасение» распадается на вымышленный и реальный пласты. Тема катаклизма является центральной в вымышленной части романа. Килгор Траут – главный вымышленный персонаж, с ним связаны другие выдуманные персонажи и события. Тем не менее К. Воннегут никоим образом не отделяет вымысел от факта. В романе «Времетрасение» реальные события из жизни писателя переплетаются с вымышленными историями. Рассказчик также предлагает альтернативные версии исторических фактов. Что бы случилось, например, если бы американский самолет, везущий атомную бомбу, предназначенную для Японии, повернул обратно? Реальные исторические лица, как, например, сам К. Воннегут, общаются

¹ Цит. по кн. : *Воннегут, К. Времетрасение* / К. Воннегут. – М. : АСТ, 2010. – 222 с.

на страницах романа с выдуманными персонажами. Цитаты из Марка Твена и Генри Торо соседствуют с цитатами из Килгора Траута.

Для романа «Времетрасение» характерен прием обнажения писательской «кухни». Автор переносит внимание читателя на процесс создания текста, разные части произведения дублируют, перекликаются и комментируют друг друга. Показателен в этом отношении, например, такой пассаж: *И теперь я бессвязно бормочу, вспоминая фрагменты из пьес, о которых теперь мало кто знает и которые мало кому интересны, например, сцену на кладбище из «Нашего городка», или игру в покер в «Трамвае «Желание» Теннесси Уильямса, или слова жены Вилли Ломена в «Смерти коммивояжера» Артура Миллера, которые она произносит после того, как этот трагически заурядный, неуклюже галантный американец покончил с собой* (с. 33–34). В приведенном примере рассказчик иронизирует по поводу сказанных ранее слов и самого себя.

Темпоральная структура романа представляется весьма хаотичной. Временные пласты сменяют друг друга, следуя неявной для читателя логике либо просто прихоти рассказчика. События из разных периодов жизни автора, события до катаклизма и после, как в калейдоскопе, приходят на смену друг другу. Единственное, что намечает границу между эпизодами, это короткие фразы подобно *No more; Lotsa Luck; Ting-a-ling*. Российская исследовательница Т.В. Федосова отмечает: «Такая «игра» со временем – характерная индивидуальная стилистическая черта Воннегута. Читателю придется прилагать немало усилий, чтобы выстроить хронологическую канву произведения» [5, с. 10]. Рассказчик К. Воннегут признается: *В 46-й главе я вообразил, что дотяну даже до 2010 года. Иногда я говорю, что нахожусь в 1996 году, то есть здесь и сейчас, иногда – что живу по «второму кругу» после времетрасения, причем я не делаю особых различий между этими двумя временами* (с. 11). Такую хаотическую концепцию времени Т.В. Федосова называет серийной.

В романе «Времетрасение» игра обнаруживает себя и на уровне создания текста. Авторы монографии «Читая автобиографию. Руководство по интерпретации жизнеописаний» («Reading Autobiography. A Guide for Interpreting Life Narratives») С. Смит и Д. Уотсон выделяют четыре составляющих создателя автобиографического произведения как целого (producer of the autobiographical “I”): реальное или историческое «я» (historical “I”); повествующее «я» (narrative “I”); повествуемое «я» (narrated “I”); идеологическое «я» [6, с. 59–63]. Для данного исследования важны повествующее «я» и повествуемое «я», которые определяются авторами следующим образом: повествующее «я» – это я, которое повествует о самом себе, находится вне повествуемого мира. Оно относится к акту повествования, в ходе которого представляет только определенную часть жизненного опыта реального «я». В свою очередь, повествуемое «я» является частью повествуемого мира, обнаруживает себя внутри него. Это результат художественного воплощения повествующего «я», объект автобиографического повествования, где повествующее «я» – его субъект. Разделение этих двух «я» в автобиографи-

ческом произведении представляется довольно сложным. Безусловно, писатель, создающий автобиографию, не всегда может четко осознавать грань между тем, каким он видит себя и каким является на самом деле. В данном контексте будет уместно вспомнить, что в постмодернистской текстологии традиционное понятие «автор» вовсе было заменено понятием «скриптор», а отрицание роли автора как единственного создателя произведения воплотилось в метафоре «смерть автора». Один из сторонников данной концепции Ж. Деррида утверждает, что в принципе не существует субъекта письма. По формулировке Р. Барта, скриптор «рождается одновременно с текстом и у него нет никакого бытия до и вне письма, он отнюдь не тот субъект, по отношению к которому его книга была бы предикатом» [7, с. 386].

Применительно к исследуемому роману кажется возможным предполагать, что в нем произошло предельное, даже гиперболизированное, разделение повествующего «я» и повествуемого «я», последнее из которых воплотилось в образе Килгора Траута. Необходимо отметить, что рассказчик называет Траута своим «alter ego». Также можно предположить, что автор намеренно дублирует свой образ, таким образом получая возможность множить высказываемые взгляды и точки зрения. На страницах романа К. Воннегут постоянно как бы жонглирует различными мнениями, то приписывая их рассказчику, то отказываясь от них в пользу Килгора Траута. Иногда он соглашается со старым фантастом, как бы в поисках поддержки своим или его словам: *Да, Траут все время твердил о том, что человеку необходима большая семья. И я в этом с ним солидарен. Именно потому, что мы люди, нам действительно жизненно необходима большая семья – точно так же, как необходимы белки, жиры, углеводы, витамины и минеральные вещества* (с. 178). В другом месте, рассказчик предупреждает: *Эту печальную историю придумал не я. И не Килгор Траут. Ее придумали древние греки* (с. 182). Помимо высказываний, приписываемых рассказчику и Килгору Трауту, К. Воннегут наводняет текст огромным количеством цитат из разных писателей, своих родственников, встречается также цитирование автором самого себя. Таким образом, текст создает эффект многоголосия и множественности точек зрения, что является признаком эпистемологической неуверенности, характерной для постмодернистской чувствительности. В мире, где властвует эйнштейновский принцип относительности, К. Воннегут не берется утверждать что-либо однозначно. Отказ от логоцентристской парадигмы, т.е. от линейной детерминированности бытия и существования объективных критериев истины, также включает исследуемый роман в ряд постмодернистских произведений.

На первый взгляд, Килгор Траут достоин доверия читателя. К. Воннегут называет его "человеком, существующим вне культуры и общества" (с. 106). Проведя большую часть своей жизни в статусе бродяги, Траут как бы выпал из реальности, которая формирует наше сознание и затрудняет возможность объективно и без предрассудков ее оценивать. Тем не менее в своей игре с текстом К. Воннегут идет дальше: сам Килгор Траут не признает ценности своих рассказов и сразу же после написания выбрасывает их в мусорный

ящик. Таким образом, его точка зрения не претендует на абсолютную истинность и представляется как одна из возможных.

Проанализировав автобиографический роман К. Воннегута «Времетра-сение» на разных уровнях, приходим к общему заключению, что он является образцом постмодернистской саморефлексии, что подтверждается следующими частными выводами.

1. Принцип игры обнаруживает себя на уровне структуры текста, где вымысел переплетается с фактом и одни и те же события представляются в нескольких версиях.

2. Игра проявляется на уровне темпоральной структуры текста. Наблюдается нарушение хронологии, а события излагаются хаотично и могут дублироваться на разных временных отрезках. Автором предлагается серийная концепция времени.

3. Принцип игры является определяющим на уровне создания текста и проявляется в многоголосии, множественности точек зрения и отказе от логоцентристской парадигмы. Наиболее отчетливо это реализуется в цитировании как реальных, так и вымышленных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коренева, М.М.* Сочинения ново-английских пуритан. Миссия и историческая реальность / М.М. Коренева // История литературы США: в 7 т. / под ред. Я.Н. Засурского. – М. : Изд-во «Наследие», 1999. – Т.1 : Литература колониального периода и эпохи войны за независимость. XVII–XVIII вв. – С. 148–217.
2. *Мишина, Л.А.* Жанр автобиографии в истории американской литературы / Л.А. Мишина. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. – 128 с.
3. *Романова, Т.* Автобиография / Т. Романова // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – С. 15–16.
4. *Lejeune, Ph.* Le pacte autobiographique / Ph. Lejeune. – Seuil, 1975. – 381 p.
5. *Федосова, Т.В.* Темпоральная структура текста как компонент идиостиля автора: на материале произведений К. Воннегута и Дж. Фаулза: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.В. Федосова. – Барнаул, 2005. – 19 с.
6. *Smith, S.* Reading Autobiography. A Guide for Interpreting Life Narratives / S. Smith, J. Watson. – Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2001. – 297 p.
7. *Барт, Р.* Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / сост. Г.К. Косиков. – М. : Прогресс, 1989. – С. 384–391.

The article analyzes the peculiarities of autobiographical genre in Kurt Vonnegut's novel "Timequake". These peculiarities are discussed at the level of text structure, temporal structure and text creation. The identified features (the principle of play, chaotic narrative structure, the plurality of points of view) allow us to relate the novel to a postmodern autobiography.

Поступила в редакцию 14.06.2011

НАШИ АВТОРЫ

- Бондарик Елена Александровна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ. Тел. 222-33-66.
- Ван Вэньцзюань – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.
- Василевская Ольга Викторовна – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.
- Гладко Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 288-25-71.
- Дубицкая Екатерина Николаевна – аспирант кафедры фонетики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.
- Змудяк Галина Абрамовна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой фонетики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Козлова Светлана Владимировна – аспирант кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Остапук Светлана Ивановна – преподаватель кафедры бизнес-коммуникаций Института бизнеса и менеджмента технологий БГУ. Тел. 210-41-06.
- Панова Инна Ивановна – кандидат филологических наук, профессор кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.
- Пань Юйцинь – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.
- Полевая Анна Ильинична – аспирант кафедры теории и практики перевода № 2 МГЛУ. Тел. 288-25-69.
- Пытко Вероника Викторовна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.
- Радикевич Наталья Сергеевна – аспирант кафедры истории и грамматики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-72.
- Сидоренко Марина Николаевна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.
- Таболич Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английской речи МГЛУ. Тел. 288-18-02.
- Тропец Татьяна Владимировна – преподаватель кафедры итальянского языка МГЛУ. Тел. 294-76-63.
- Фалак Таха – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.
- Черток Дмитрий Анатольевич – старший преподаватель кафедры теории и практики английской речи МГЛУ. Тел. 288-18-02.
- Шалеев Николай Владимирович – преподаватель-ассистент кафедры иностранных языков Белорусского государственного университета физической культуры. Тел. 250-53-40.
- Ядченко Екатерина Ивановна – аспирант кафедры английского языка и речевой коммуникации БГУ. Тел. 259-70-07.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№4 (53), 2011

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А.М. Горлатов*

Редактор *Л.М. Малинина*
Ст. корректор *С.О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 08.08.2011. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 10,64. Тираж 100 экз. Заказ 42.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172